Игорь Журавель

Музыка падших богов

Музыка падших богов

Часть первая. Музыка для гопников.

Глава 1

Когда-то я был арфистом. Нет, не профессиональным музыкантом, профессионалов я не люблю с детства. Все профессионалы - ремесленники. Примеру тому могут служить современные футболисты. Они, за редким исключением, играют ровно на том уровне, коего достаточно для получения зарплаты. За редким исключением. Но исключения не являются профессионалами, они – футболисты, настоящие футболисты. Впрочем, история моя не про футбол и даже не про арфу. Хотя и первый и вторая играют в ней эпизодические роли.

Игре на арфе я обучился самостоятельно. С детства часами просиживал я за инструментом, доводя до совершенства свое умение. Разумеется, у меня были и другие увлечения, но они стояли на втором плане. Главную роль в моей жизни играла моя музыка.

Повзрослев, я не мог не задуматься над следующими двумя проблемами:

– как и где раздобыть средства к существованию?

– как донести свою музыку до народа и нахрен ему моя музыка?

Первая проблема, впрочем, и проблемой-то как таковой и не являлась. Как говорил Остап Бендер, деньги просто таки лежат на дороге и ждут, пока их подберут. Может, он и не совсем так говорил, но смысл такой. Так что на первый план выходила вторая проблема.

Некоторое время мне казалось, что и эта сложность легко устранима. Я всерьез задумывался о карьере странствующего музыканта. В городах я мог зарабатывать, играя на улицах, в селах всегда найдутся

добрые люди, которые накормят бродягу, в общем, очень даже неплохой вариант. Но он отпал. Когда я думал о романтике путешествий, единении с природой и ночевках в чистом поле под открытым небом, я вдруг понял, что ничего не получится. Все дело в том, что ложась спать на траву, я далеко не получаю гарантии, что в этой траве нет, к примеру, змеи. То есть, я, разумеется, могу посмотреть, есть ли она там, но ведь змея вполне может подползти, когда я сплю. Вряд ли мне удастся уснуть, зная об этом. Я же не святой. Вы понимаете, о чем я. Так что пришлось искать другие пути.

У меня было очень много задумок. В основном, безумных. Например, купить магнитофон, множество аудиокассет и пушку, записать свою музыку на пленку, влезть на крышу Госпрома и стрелять из пушки кассетами. Но, к сожалению, денег у меня едва ли хватило бы на магнитофон и кассеты, не говоря уже о пушке. Можно было, конечно, влезть ночью в магазин и заменить все продающиеся там компакт-диски на свои записи. Но тогда слушатели бы меня возненавидели, получив вместо ожидаемого творчества любимых исполнителей мое. Я же добивался совершенно противоположных целей.

Вскоре, однако, у меня возникли совсем иные мысли. Именно о них, об их воплощении в жизнь и о том, как я перестал быть музыкантам я и собираюсь вам рассказать.

***

С некоторых пор у меня установился новый распорядок дня. Я встаю ранним утром, отключаю будильник, выхожу из полутемной комнаты на балкон. Там у меня всегда лежат сигареты, зажигалка и мундштук. Я выкуриваю три-четыре сигареты и залезаю через окно на кухню, если на улице тепло. Если же холодно, окно закрыто, и приходится добираться до кухни через комнату и коридор. На кухне я засыпаю в кофеварку кофе, заливаю воду, нажимаю кнопку "вкл" на этом замечательном электроприборе и включаю радиоприемник. Осуществив все эти действия, я привожу себя в более-менее приличный вид, выпиваю приготовленный

напиток, беру арфу и выхожу из квартиры, закрыв дверь на висячий замок. Интересно, есть ли у кого-нибудь еще висячий замок на двери квартиры?

Станция метро находится недалеко от моего дома. Там я играю уже около недели. Я стелю на грязный пол перехода старое покрывало, сажусь на него, кладу рядом шапку-ушанку. Пол в переходе грязный всегда, даже когда на улице нет и намека на грязь. У меня впечатление, что грязь специально сюда завозят. Видимо у местных уборщиц в ведрах вместо воды - грязь. Но это так, лирика. Так вот, проделав вышеописанные действия, я зажмуриваюсь, вхожу в состояние отрешенности и играю свою музыку вперемешку с композициями других авторов, преимущественно роком и классикой. Пару раз у меня воровали шапку, но это не страшно. Шапок у меня почему-то на антресолях около сотни. Что касается денег, есть у меня и другие источники прибыли.

***

Этот день начался точно так же, как и предыдущие. Я еще не знал, что он станет переломным в моей жизни. Я вышел на улицу, закурил и зашагал в направлении станции метро, которая, к слову, располагалась недалеко от моего дома. По дороге меня подстерегала неожиданность, весьма меня порадовавшая. Неожиданность эта проявлялась в огромной луже крови на асфальте. Радоваться тут, казалось бы, нечему, ибо вполне возможно, что пострадал хороший человек, но все же люблю, когда дни начинаются неожиданностью. Невдалеке от лужи я увидел маленький блестящий предмет. Заинтересовавшись, я подошел. И был вознагражден за свое любопытство чьим-то золотым зубом. Спрятав зуб в карман (чтоб милиции не достался), я продолжил свой путь.

Невдалеке от конечного пункта путешествия ко мне пристала цыганка. Она уцепилась мне в рукав и настойчиво требовала "позолотить ручку".

– Позолотить, говоришь? Легко! – воскликнул я, всунул ей в руку

золотой зуб, освободил рукав и, оставив ошарашенную цыганку на том же месте, поспешил к входу в метро.

***

Расположившись как обычно в переходе с арфой, я закрыл глаза и начал играть. С закрытыми глазами легче чувствовать инструмент. Не знаю, почему, но факт остается фактом.

Если у вас были в школе уроки музыки, вам наверняка предлагали попытаться определить смысл, вложенный композитором в музыкальное произведение. Это было очень глупо со стороны вашего учителя. Безусловно, при создании музыки в нее вкладывается какая-то идея. Но какая именно - известно лишь автору. Никому не дано этого определить, каким бы знатоком музыки себя человек ни считал. Каждый вкладывает в услышанную музыку свой смысл. Впрочем, это касается и других отраслей искусства.

К примеру, если говорить о композиции "Остановка сердца", которую я исполнял в метро особенно часто, я уверен, что ни один слушатель не извлек из этой музыки того, что я в нее вкладывал.

Сюжет, лежащий в основе этой композиции прост. Представьте себе самого обыкновенного парня, спешащего домой. Почему он так торопится? Ему безумно хочется справить нужду. Вокруг не видно ни одного подходящего места, кроме того молодой человек слишком культурный, чтобы справлять нужду прямо на улице. Он бежит домой со всех ног, вбегает в свой подъезд, поднимается на нужный этаж, у него мелькает на периферии сознания мысль, "какая сволочь разбила стекло?", но это не имеет значения на данный момент. Вот он пытается открыть дверь, руки замерзли и дрожат, но, наконец, все получается. Парень вбегает в квартиру, захлопывает входную дверь, не разуваясь, вбегает в туалет, спускает штаны и со вздохом облегчения опускается на унитаз. Он переживает мгновения, входящие в число наиболее приятных в его жизни. Внезапно молодой

человек чувствует, что кто-то хватает его за задницу. "Это же невозможно!" - думает парень и умирает от разрыва сердца. А если бы сердце у него не было таким слабым, он бы узнал, что никто его за зад не хватал. Это была нитка, вылезшая из его старого свитера, именно она и создала такое впечатление.

Я сыграл "Остановку сердца", сыграл еще несколько своих вещей и решил сделать перекур. Мне хотелось курить, кроме того, возникло ощущение, что на меня пристально смотрят. Открыв глаза, я понял, что не ошибся. В переходе стояло человек двадцать нищих. Оглашу вкратце состав их команды: несколько цыганок, одна старушка с клюкой, бородатый мужик с баяном и бутылкой водки "Люботинн", к горлышку которой он периодически прикладывался, двое юродивых, человек пять чумазых беспризорников и несколько инвалидов. Ах, да, был еще один мужчина с бородой, но он стоял несколько в стороне от других. Этот человек как будто бы неожиданно перенесся к нам из средневековой России. Одет он был вполне современно, но лицо его было именно таким, какими мне и представлялись лица средневековых русских мужиков. Конечно, я не могу передать все характерные черты этого типа внешности, но скажу о главном - огромной русой бороде. У русских мужиков были такие бороды, потому что они ели пшенную кашу. Употребляли они ее ведрами, это был единственный продукт, превосходящий водку по объему потребления. Не ели пшенной каши только деревенские дурачки и блаженные, но они не в счет.

Нищие пристально смотрели на меня. Во взоре большинства читалась тоска.

– Играешь, значит? – Печально спросил поклонник "Люботинна".

– Играю, как видишь. Нравиться?

– Нравится, – ответил мой собеседник.

После чего воцарилось молчание. Минуты две баянист задумчиво чесал макушку. Затем протянул мне бутылку:

– На вот, хлебни для храбрости.

Так я и сделал. После чего мужик отставил бутылку в сторону и

махнул рукой. Нищие навалились на меня всей гурьбой и начали бить, пока я не потерял сознание. Впрочем, не исключено, что меня били и после, сие мне не ведомо. Впрочем, вряд ли. Не такие уж они и плохие люди, и музыка им понравилась...

***

Очнувшись, я увидел довольно таки симпатичную девушку, сидящую прямо на грязном полу перехода и глядящую на меня сквозь стекла пенсне.

– Как Вы? – Сочувственно спросила она.

– Нормально вроде, – ответил я, предварительно удостоверившись, что все органы как будто бы на месте. Видно не сильно все-таки меня били.

Поднявшись на ноги, я осмотрелся, ища взглядом арфу. Мое недавнее орудие труда лежало неподалеку, что удивительно. Причем, в целости и сохранности, что удивительно вдвойне.

– Вы не могли бы сыграть что-либо для меня? – Напомнила о своем присутствии девушка.

– С удовольствием, – последовал ответ, и мы отправились в направлении выхода.

***

Выйдя на поверхность, я первым делом отправил свою спутницу в

магазин за портвейном и крабовыми палочками. Мой вид был слишком непрезентабелен для посещения подобных заведений.

Когда провизия была закуплена, мы подумали, куда бы направиться. Первое время я склонялся к варианту крыши ближайшего высотного дома. Мне очень нравятся крыши домов. Там можно чувствовать себя полностью оторванным от цивилизации. Такого ощущения не возникает даже за чертой города, вдалеке от каких бы то ни было селений. На природе все-таки человека не покидает ощущение возможности приезда какой-нибудь шумной компании, которая все загадит, вырубит лес, наблюет в чистую речную воду, в общем, отдохнет в лучших традициях современного общества. Или, что еще того хуже, заявятся менты и начнут тебя допрашивать и обыскивать. Этих странных особей можно ждать где угодно и когда угодно. Такое впечатление, что они материализуются непонятным образом из небытия, портят людям отдых и уходят обратно тем же путем, что и пришли. На крыше же можно сидеть на краю, смотреть вниз на машины и людей и пребывать в полной уверенности, что все это не имеет к тебе никакого отношения. Что это совсем другой мир, ты же выше его и можешь взирать на все это отрешенно, попивая свой портвейн и думая о чем-то возвышенном...

Взглянув на свою спутницу, я, однако, понял, что вариант с крышей отпадает. Кто его знает, чего можно от нее ожидать. Мне почему-то кажется, что у этой милой девушки есть склонность к суициду. А уйти из жизни под хорошую музыку путем прыжка в пропасть - один из лучших, пожалуй, способов. Поэтому я предложил пойти в расположенный неподалеку детский сад. В этом замечательном месте мы с приятелем как-то поставили шеспировского "Отелло" и разработали концепцию театра будущего.

Театр будущего вместо сцены имеет павильон а-ля в детском саду советского образца. Пока часть актеров на сцене (в павильоне), остальные на виду у зрителей ожидают рядом, готовятся, разговаривают. Таким образом, мы имеем двойное представление - собственно спектакль и подготовку к нему. Актеры не должны быть знакомы с текстом пьесы заранее. Имена двух-трех главных героев сообщаются непосредственно перед началом представления, остальные додумываются самими актерами. Должность режиссера упразднена за ненадобностью; актеры получают массу свободного времени, не тратя оного на разучивание текста; имеем

совершенно творческий подход; непредсказуемость; возможность не только узнать, что думают зрители об актерах, но и наоборот - это ли не прекрасно? Кроме того, бесконечное число вариантов постановки одной и той же пьесы. Кстати, совсем забыл, грим отсутствует, декорации минимальны и на всю пьесу одни и те же, о костюмах думают сами актеры, причем, заранее не зная, какие роли и в каком спектакле они будут играть. Одни и те же исполнители, помимо всего прочего, играют сразу несколько ролей. Вот он, театр будущего!

Ведь искусство должно развиваться, не правда ли? Хотя с "Шоу Бенни Хилла" ничто не сравнится. "Шоу Бенни Хилла" – арт-вершина на сегодняшний день, человечество до сих пор не придумало ничего гениальнее этого знаменитого похлопывания старичка по лысине. Я часто пересматриваю это шоу, в первую очередь, ожидая, конечно же, коронного номера. Иногда мои ожидания увенчиваются успехом, в остальное же время я наслаждаюсь другими гранями этого гениального проекта.

Именно этот детский сад было решено направиться.

Портвейн напоминал вино, крабовые палочки – дерьмо, но это не имело значения. Я играл, моя душа и душа моей арфы как будто бы слились воедино, и нам было совершенно до лампочки, слушает ли нас кто-нибудь. Я играл с полной самоотдачей, отрешившись от всего, забыв о существовании окружающего мира.

– А сейчас моя лучшая песня, – торжественно произнес я, зажмурился и начал играть. Никогда еще мне не удавалось играть настолько хорошо. Арфа звучала божественно, я чувствовал себя Орфеем.

Закончив перебирать струны, я еще посидел некоторое время, отрешившись от мирского. Затем открыл глаза и увидел, что слушательница загадочным образом исчезла. Я посидел еще немного в состоянии отрешенности, пока звук бьющегося стекла не вывел меня из него...

***

Затем я увидел двоих парней, перелезающих через забор, и услышал матерную ругань, доносящуюся с другого конца садика. Не долго думая, я поспешил вслед за беглецами. Во-первых, происходящее вызывало у меня интерес, во-вторых, матерящаяся публика могла не разобраться и принять меня за одного из хулиганов.

– Стоять, мудилы, бля! Хуже будет! – Доносилось из-за спины.

Эти двое бежали довольно медленно, и по прямой. Создавалось впечатление, что таким образом они демонстрируют презрение и пофигизм по отношению к преследователям. Хотя, учитывая количество последних, все это не могло не удивлять.

– Сворачивайте, мать вашу! – заорал я. Они послушались, мы пробежали еще несколько сот метров и осознали, что погони нет. Видимо преследователи оказались очень толстыми и медлительными людьми и не смогли даже преодолеть забор. Так что не суждено нам было в тот вечер получить по лицу и по печени. Не судьба.

Расположившись неподалеку на лавочках, мы познакомились. Точнее, познакомились условно, так как молодые люди не захотели называть свои настоящие имена и представились посредством псевдонимов. Мне же скрывать было, в общем, нечего, но я тоже назвал им свой псевдоним. За компанию.

Так как передать манеру общения этих ребят не представляется мне невозможным, то и разговор наш в точности приводить резона не вижу. Но смысл беседы передам, она стоит того. Оказалось, что парни уже в третий раз бьют одно и то же стекло.

А началось все так. Решили люди попить портвейну. Детский садик, как я уже говорил, был вполне подходящим местом. Расположившись в павильоне и употребив по стаканчику, молодые люди вдруг увидели картину, задевшую их за живое. Одно из окон детского сада светилось. Это в столь позднее время! И это было не просто окно, а окно душевой. Какая то сволочь решила за счет детей помыть свою грязную задницу. Этого мои новые знакомые стерпеть не могли. Они нашли в окрестностях по кирпичу, бросили их в окно душевой и убежали.

С тех пор они периодически возвращаются в садик. И когда видят, что стекло уже вставлено, бьют его снова. Такова их борьба против несправедливого буржуазного общества.

Распрощавшись с отважными борцами за справедливость и пожелав им удачи в столь благородном деле, я вернулся в детский садик. Как ни удивительно, арфу никто не украл. Я взял инструмент и побрел домой.

***

На следующий день я первым делом отправился на Барабашовский рынок, место с крайне неприятной аурой и неограниченным ассортиментом. Говорят, на "барабане" можно купить даже танк. Лично мне в это не верится, но вот найти человека, который впоследствии продаст танк, по-моему, вполне реально.

День выдался весьма холодным. Сжимая замерзшими пальцами арфу, я медленно пробирался сквозь толпу, вглядываясь в серую массу торговцев и торговок. Реализаторов отличали друг от друга расовая и половая принадлежность, форма одежды, цвет волос и многое другое. Но, тем не менее, все эти люди, дрожащие от холода и судорожно глотающие из пластиковых стаканчиков кофе или водку, были настолько похожи, что походили на одну огромную семью. Они не интересовали меня.

После двух часов хождения по рынку я пребывал в состоянии полного физического и духовного истощения. Но это время, как оказалось, было потрачено не зря. Внезапно я увидел свою цель.

Почти затерявшись между прилавками с некачественным товаром, прямо на земле сидел очень странный пожилой человек явно азиатской внешности. Скорее всего, туркмен. В первую очередь бросалось в глаза отсутствие перед ним какого-либо товара. Также не могло не удивлять его облачение. Туркмен был одет в расшитый золотыми змеями синий халат на голое тело. На ногах его были лапти. И это при таком-то морозе! Рядом со

стариком стоял огромный термос, из которого он периодически подливал чай себе в пиалу. То есть, я, конечно же, не знал, чай это или нет, но, тем не менее, у меня не возникало никаких сомнений относительно содержимого термоса. А еще я не сомневался, что это и есть тот самый человек, который мне нужен на данный момент. Я подошел к туркмену, поклонился и предложил купить арфу. Встав и поклонившись в ответ, странный азиат заверил меня, что всю жизнь мечтал о такой арфе, забрал инструмент, рассчитался и ушел. Я же приобрел на вырученные деньги портвейна и ушел в запой.

Глава 2

Меня зовут Полиграф. Это не потому, что родители болели за ФК "Полиграфтехника", это долгая и печальная история, не достойная того, чтобы рассказывать ее при дамах и анархистах. Место рождения – город Харьков, Советский Союз; национальность - татарин; вероисповедание - коммунист.

Галлюцинации отступили около получаса назад. Я лежал на диване в собственной квартире, чувствуя себя рыбой. Я оглядывал текучий расплывающийся мир четырех стен с ободранными обоями и думал о всякой тупости. Внезапно раздался звонок в дверь.

Оторвав свою задницу и другие части тела от дивана, я вышел в коридор, посмотрел на протяжении нескольких секунд недоуменно на дверь и открыл. На пороге стояла девушка очень похожая на Джанис Джоплин.

– Здравствуй, Полиграф, – сказала девушка и улыбнулась.

– Привет, Джан, – поздоровался я. Вряд ли это действительно была Джоплин, но похожа-то как!

– Не надо делать из алкоголя культа, – нахмурившись, произнесла

посетительница.

– Я и не думал делать из него культа. Я просто много пью в последнее время. Я вообще далек от того, чтобы, подобно некоторым моим знакомым, отмечать в календаре дни, когда они не пьют.

Джанис еще раз мило улыбнулась, подошла к разбитому окну подъезда и вылетела через него в направлении солнца.

"Ну, опять я ни хрена не понял", – пронеслось в голове. Впрочем, я не имел обыкновения грузиться по этому поводу. Закрыв входную дверь, я в первую очередь отправился на кухню, заглянул в холодильник и хлебнул помидорного рассола из непонятно как оказавшейся там трехлитровой банки. Помидорный рассол помогает с утра значительно лучше огуречного. Не скажу, правда, что рассол - идеальное решение проблемы, но ничего лучшего в холодильнике не оказалось. Там вообще кроме этой банки было только три яйца и какая-то маленькая скляночка с неизвестным содержимым, которая мгновение спустя после обнаружения была выброшена в окно. Возможно, я навлек на себя гнев души прохожего, которому эта баночка могла пробить череп, или поставившего ее в мой холодильник гостя, наркоторговца какого-нибудь. Но в моем доме не место наркоторговцам. И что значит череп какого-то отца семейства по сравнению с душевным покоем товарища Полиграфа.

Вот наличие трех яиц не могло не радовать. Мне как раз безумно захотелось яичницы. Готовить я ее, правда, не умею, чаще всего после попытки перевернуть жарящиеся яйца на сковороде, ее содержимое превращается в ошметки, но, тем не менее, это чертовски вкусно. В процессе приготовления я вспоминал вчерашний день. Это было, конечно же, непростой задачей, но все же значительно проще, чем вспомнить, к примеру, сразу всю последнюю неделю, что было, пожалуй, даже сложнее извлечения воспоминаний о моем сне 14 августа 1993 года.

***

Вчера все вокруг плескалось подобно океану, полному рыбой, осьминогами, пьяными рожами, ошметками дохлых тварей морских и другими чудесами, достойными коллекции домашнего видео капитана Немо.

Ладно, это лирика. Более-менее отчетливые воспоминания начинаются с момента, когда я стоял на остановке и ждал автобуса. Вообще-то я ненавижу этот вид транспорта, как, впрочем, и любой другой в той или иной мере, но лучшего варианта у меня, поверьте, не было. Дождавшись адской машины и погрузившись в нее, я понял, что домой доеду не скоро. Я люблю ехать до конца, если уж еду, такова моя природа. Кроме того, в автобусе звучала песня Земфиры. Хоть мне и не особенно нравится Земфира, но это было вполне уместно.

Салон имел на редкость умиротворяющий вид, не говоря уже о симпатичной, но уставшей от жизни контролерше и усатом улыбающемся улыбкой блаженного водителя. По законам жанра контролерша должна была оказаться куклой, а шоферу следовало начать биться головой о бронированное лобовое стекло и вытворять разные непристойности. Но этого не случилось, мы благополучно доехали до конечной, и я вышел.

Покинув уютный салон этой душной адской машины на колесах, я выкурил сигарету и, не долго думая, направился ко входу в метро. Надо же было попасть сегодня домой, в конце-то концов. Тем более мир превращался из океано-расплывающегося в обычный, твердо-предметный.

Мне как всегда не повезло. Поезд отошел как раз в момент моего прибытия на подземную платформу. Причем это был поезд-призрак. Есть в моем городе такое чудо природы - невидимый поезд, я его называю "поезд-призрак". Почему-то он всегда отходит в момент моего прибытия на станцию, и я не успеваю заметить, входят ли в него люди, и вообще как остальные граждане относятся к его прибытию. Несмотря на невидимость, звуки он издает такие же, как и обычная подземная электричка и время его отхода на табло фиксируется. Я еще заметил, что другие люди не подозревают о существовании поезда-призрака, во всяком случае, делают вид. Не исключено, разумеется, что у меня какие-то проблемы со зрением и это в действительности самый обычный поезд.

Я сел на краю платформы, свесив ноги. Поезд-призрак, насколько я

знаю, не приходит два раза подряд, а от обычного я уж точно увернуться успею, реакция у меня хорошая. В любом состоянии. Размышления мои начались с воспоминания о столь грустном факте как запрет ловли осетров. Это ж надо такое придумать! Если простому рабочему человеку хочется пожрать икры, что ж ему страдать? Нет, черт побери, я просто обязан поехать половить осетров. Ведь это же вполне естественная потребность! Человек убивает долбаных осетров не по приколу ведь, а с целью получения пищи. А значит все вполне нормально. Охота. Человечество восстало против природы тысячи лет назад, и теперь думает, что может что-либо изменить. Нет уж. Скоро нашей тупиковой цивилизации придет вполне закономерный пиздец. И если других путей нет, а здесь спорить не о чем, надо обставить закат цивилизации как можно более эффектным образом.

Обладатель голоса в матюгальнике был близок к тому, чтобы охрипнуть до конца своих дней. Интересно, какая им разница, сижу ли я на краю платформы или стою где-нибудь в центре. Ладно, действительно, пора завязывать с этим делом. Тем более вот-вот придет поезд.

Так и случилось. Я погрузился в электричку и доехал без приключений. В принципе, дальше рассказывать не о чем. Я пришел домой и начал общаться с глюками. Кого могут интересовать мои дурацкие галлюцинации? Уверяю вас, это весьма тупые создания, и говорить здесь не о чем.

***

В этот знаменательный день я решил прекратить бухать (в смысле не вообще, а ежедневно и непрерывно) и подумать о будущем. Музыка отныне была мне чужда. Я мог иметь к ней отношение только как слушатель. Кстати, неплохой вариант продолжения карьеры – ходить по стране в наушниках и слушать "Creedence Clearwater Revival" пока не сдохнешь. Но это несерьезно. Расправившись с яичницей, я надел ботинки, сунул в карман пачку сигарет и зажигалку и вышел на несвежий

пропахший выхлопными газами и другой мерзопакостью воздух. У меня была острая потребность побродить по улицам, посмотреть на жизнь рядовых горожан и поразмыслить о будущем.

Мое путешествие началось с того, что я увидел, как учат жизни. Молодой человек шел под ручку с пожилой импозантной дамой. То ли мать и сын, то ли чета извращенцев, впрочем, на полноценного извращенца в подобной ситуации тянет только парень, то ли черт знает кто еще. Может даже американские шпионы, не суть важно. До меня долетел обрывок разговора:

– Если у человека в сорок с копейками лет нет детей, – вещала дама, – это пиздец. – Вот что такое истинная школа жизни.

Потом одна замечательная дама приняла меня за маньяка и отказалась идти впереди меня. Я приложил максимум усилий, чтобы убедить ее в обратном. В другое время я бы возможно попытался выжать что-нибудь поинтереснее из этой ситуации, но неуместно. У меня другие планы. В итоге таки удалось ее убедить, хотя особым даром убеждать я не обладаю. Вот один мой знакомый, он может сказать мне, что я негритянка, и я не сразу пойму, что это не так. Причем, ничего лишнего, он просто говорит, и ему веришь. Я так не умею.

Конечно, не могло не радовать, что даже дорога до метро изобиловала приключениями, что же ждет меня впереди? Я вхожу в подземку, покупаю жетон и спускаюсь на эскалаторе...

***

В подземке я встретил Святую Женщину. Была она немолода и невзрачна, одета была в пальто, берет и, видимо, во что-то еще. Но ее улыбка была улыбкой укуренного Всевышнего. И читала она проповедь пассажирам, тварям неразумным, слов ее не воспринимающим адекватно.

– У вас говно засохло на задницах, – проповедовала она, – все бы ничего, если бы не говно, засохшее у вас на задницах.

Общеизвестно, что человечество делится на Детей Божьих и на Срань Господню. И для тех и для других вещала Святая Женщина.

– Все бы ничего, – говорила дама, – если бы не говно у вас на голове и говно, стекающее из ваших ушей. Все бы ничего, если б не говно, засохшее на ваших задницах.

Люди стояли в сторонке и непонимающе смотрели на нее, три девушки глупо хихикали. Я стоял невдалеке и наслаждался словами от Бога.

– Все бы ничего, да шуба твоя хуже, чем говно. Лучше б говна кусок, чем эта шуба, – смеялась она в лицо одной из пассажирок неразумных, – честное слово, лучше б говно было, чем эта шуба.

– Пальто твое хуже говна, лучше б говна кусок, чем это пальто. Шапка твоя... Лучше б говно было, чем эта шапка...

Она примолкла на некоторое время и ходила по станции. Смеясь. Взирая на тварей неразумных глазами святыми.

– Поезд сейчас приедет, – изрекла Святая Женщина, – обсерется, высрется и приедет, так сказать. Высрется и приедет.

Электричка прибыла, и мы погрузились в вагон. Я стоял и записывал изречения святой, стараясь ничего не упустить. Она же сидела и, посмеиваясь, глядела чистым взглядом на Детей Божьих и Срань Господню.

Что моет быть лучше встречи со святым человеком в подземке этого грешного города, в коем мне суждено влачить существование?

Приятно, что в этом насквозь прогнившем мире есть еще люди, говорящие устами Бога. Изначально я хотел написать, что это Бог говорит их устами, но так, пожалуй, будет даже правильней.

***

Такая вот предыстория. День начался не наихудшим образом, и теперь я наматываю круги неподалеку от памятника Ленину, непрерывно курю и думаю, какой путь ведет к новым приключениям. У меня начинают болеть мозги. Это и решает проблему.

Мозги лучше всего лечить алкоголем, а посему я решаю двинуть в один замечательный кабак в здании Госпрома. Название из соображений конспирации не оглашаю. Это заведение служит точкой сборки местных фашистов, а с этими людьми не заскучаешь.

Помню, как-то в три часа ночи встретили одного из них и потащились на кладбище. Все были совершенно убиты разными воздействующими на сознание препаратами, но, тем не менее, идея насчет кладбища нашла отклик в наших изможденных душах. Фашист по пути веселил народ, периодически куда-нибудь убегая. Однажды он даже постучался в стекло закрытого мебельного магазина и долго выпытывал у охранника, есть ли у них какой-то "Этуаль".

Нам почему-то казалось, что поход на кладбище в три ночи - лучшее, что вообще может быть изобретено посредством человеческого сознания, и что ощущения, которые мы испытаем, будут чем-то значительным в наших скудных жизнях. Но кладбище, вопреки ожиданиям, совершенно не впечатлило. Кладбище как кладбище, могилки вокруг, из них тухлятиной несет, проходы все открыты, видно, мертвецы повылазили и разгуливают в округе. Спать дико хочется. Ладно, отвлекся.

Итак, я вхожу в вышеописанное место... И что же я там вижу? Ни единого фашиста. Всего один посетитель, поэт, гордость города. Сидит и напивается в одиночку. Покупаю алкоголь и подсаживаюсь. Здороваемся. Поэт достает из-под горы окурков в пепельнице измятую бумажку, разворачивает и читает стихи.

– Лучше б они там и оставались, – говорю, – слабо.

– А не слабо, это как? – Без особой обиды осведомляется стихотворец.

– Это, типа, как у Твардовского. Помнишь: "Вы лишь не убивайте дядю Фрица! Он добрый, он конфеткой угостил..."

– А, да. Это про того маленького тугодума, выдавшего расположение немецкой батареи? Который еще поздно спохватился.

– Ну, да.

– Так то ж Твардовский, - соглашается поэт, – кроме того, не зря ведь это в пепельнице лежало.

– Ну, ты не обижайся. Щас одну вещь расскажу... Знаешь, почему на Руси непопулярны истории о привидениях?

– Я сам удивляюсь, – заинтересовался мой собеседник.

– Это, – говорю, – совершенно очевидно. Просто когда человек лежит на кровати, уделавшись в дрова, ему похуй, привидение там, или еще что.

Допиваю, прощаюсь и удаляюсь. Нельзя терять время.

***

У меня возникает мысль еще пообщаться со святыми людьми. Для этой цели я выбираю заброшенный дом в центре города. Там, вероятно, очень удобно молиться, и божьих людей, соответственно, легко встретить. Несмотря на то, что в доме везде раскидан мусор, стены заляпаны кровью и ужасно воняет дерьмом, атмосфера там весьма таки божественная. Не в плане запахов, я имею в виду.

Мы любим пить в этом доме портвейн. Там весьма тихо. Правда, иногда случаются нашествия милиции, точнее, Отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Они принимают нас за наркоманов и долго обыскивают. Точнее, делают вид, что принимают. На самом деле им либо нравится нас обыскивать, либо они просто завидуют нам, потому как мы имеем возможность пить портвейн в заброшенном доме в то время как они носятся по душному городу в мерзкую погоду и ловят голимых наркоманов, и они хотят насолить нам подобным образом.

Против ожидания, никого в доме не нахожу. Там нет не то что божьих людей, но даже и самых обыкновенных бомжей. Удаляюсь.

***

Выхожу на Сумскую, иду строго вперед, печатая шаг. Выбиваю поступью своей все самое сокровенное, что только мог утаить асфальт. Асфальт, он, поверьте, знает много. Надо просто уметь спрашивать. Но. Что за дела? Допрос асфальта прерван.

Вообще-то моя сегодняшняя цель – отыскать дом с привидениями. Вообще-то, куда интереснее было бы побродить по замку, в котором водятся благородные призраки высокородных вельмож, подавившихся рыбой, но замков у нас таких точно нет. А вот дом с привидениями должен быть в любом уважающем себя городе.

Я петляю по городу несколько часов, и, наконец, кое-что нахожу. Это какое-то заброшенное здание, вызывающее ассоциации со старинной школой. Вид у него достаточно зловещий, вовсе не такой жалкий, как у других заброшенных домов. Из темных отверстий окон веет инфернальным холодком. Я аккуратно перелажу через забор, вход в дом завален. Пренебрегая чистотой своего наряда, влезаю в окно, осматриваюсь. Обычный заброшенный дом, только довольно чистый. Похоже, делать здесь нечего.

Внезапно картина меняется. Зал, в котором я нахожусь, наполняется светом. Я вижу пестрое убранство вокруг, гирлянды под потолком, порхающих пичужек неизвестной породы, пляшущих сатиров и людей с длинными светлыми волосами, раскачивающихся на качелях под потолком. Звучит музыка. Видение длится секунды три. Затем все исчезает. Вновь – заброшенный дом, вид изнутри, и я в недоумении. Кто-то трогает меня за плечо.

Оборачиваюсь и вижу человека с бледным добрым лицом в балахоне до пят. В левой руке он держит свечу. Уверившись, что я его заметил, он жестом фокусника извлекает из рукава мелок, подходит к стене и рисует на ней дверь. Затем он подает знак подойти. Я так и поступаю, человек в балахоне указывает пальцем на нарисованную дверную ручку. Дотрагиваюсь до нее - дверь превращается в настоящую, деревянную, похожую на те, что показывают в фильмах про средневековые замки. Бледноликий мужик отстраняет меня и открывает дверь, входит, жестом приглашая следовать за ним. Я вижу ступени, ведущие вниз, лестница довольно широкая. Спустившись немного, вижу, что путь освещается факелами на стенах. Но свечу мой спутник не гасит.

Спускаемся мы долго. Мне начинает казаться, что этот человек ведет меня в какое-то волшебное подземное царство, неведомое нам, жителям поверхности. Но тут перед нами возникает новая дверь. Бледнолицый открывает ее и отходит в сторону, пропуская меня вперед. Вхожу. Этого я увидеть после всего случившегося никак не ожидал. Похоже на какой-то склад товаров. Оборачиваюсь и вижу, что дверь исчезла. Путь есть только вперед. Выхожу, долго петляю по коридорам, наконец, оказываюсь за прилавком магазина.

– Вы кто? – Спрашивает продавщица.

Оставив ее вопрос без ответа, перепрыгиваю через прилавок и степенно иду к выходу. Очутившись на улице, понимаю, что местность мне знакома. Это другой конец города. Как понять, что мы шли вниз? Над головой, жалобно каркая, пролетает птица Рух. Это очень несчастная птица.

Дело в том, что, снеся яйцо, она вынуждена носить его в своих когтях. Она не может приземлиться, так как в этом случае яйцо разобьется

оземь. Обычно птицы Рух сносят по два яйца за раз, в них птенцы – мальчик и девочка. И приходится жертвовать одним из них, так как два в когтях не помещаются. Птица Рух – ужасная феминистка, она жертвует всегда мальчиком. Поэтому редко можно увидеть птицу Рух мужского пола. Непонятно, откуда самцы вообще берутся. Возможно, феминизм все же не полностью поглотил этих птиц и есть исключения. По другой версии некоторые птицы вынашивают два яйца, второе – в крыльях. А летают они, вертя головой подобно пропеллеру. Не знаю, какое из этих или других предположений верно.

Иду по улицам. Неспешно, периодически бросаю взгляды направо и налево. Сегодня я окончательно уверился, что жизнь полна чудес, это прекрасно. Взгляд мой останавливается на вывеске "Красная Фея", чуть пониже написано "Столовая". Внутреннее чутье подсказывает, что надо зайти.

Обстановка в столовой канонически советская. Я не видел таких уже несколько лет, пахнет пирожками. Но столы все заставлены, несмотря на отсутствие посетителей, блюдами с едой, причем это исключительно изысканные экзотические яства. Ко мне подходит божественно красивая представительница обслуживающего персонала, одетая в стиле 30-х годов.

– Мы Вас ждали, присаживайтесь, отобедайте. Все свежее.

– Спасибо, с удовольствием, – отвечаю я. Я действительно сильно проголодался.

Глава 3

"Show me the way to the next whiskey bar. Oh, don't ask why. Oh, don't ask why. For if we don't find the next whiskey bar, I tell you we must die"... Даже не помню, кто сочинил этот саундтрэк к моей жизни, обработанный группой "Doors", он звучит на заднем плане, направляя меня, куда надо.

Я успел передислоцироваться из гостеприимной столовой в располагающийся неподалеку кабак. Звучит музыка Боба Дилана - "House of the Rising Sun", я пью водку и пиво, ем хлеб с котлетой; я один, я думаю.

Дверь заведения открывается, и в нее с трудом втискивается новый посетитель. Его можно охарактеризовать полностью, сказав о нем лишь два слова - толстый лох. Он, некоторое время с нерешимостью во взгляде пялится на барменшу.

– Вам чего, молодой человек? – Не выдерживает та.

Толстый Лох вздрагивает, отходит от стойки, подходит к моему столику. Он составляет несколько стульев и с трудом размещает на них свой огромный зад.

– Тебя как звать, толстый? – Спрашиваю я.

Он смотрит на меня с глупой застенчивой улыбкой и не отвечает. Вряд ли он немой, скорее просто стесняется ответить.

– Пиво будешь? – Спрашиваю.

Он смотрит и молчит. Наверняка он пьет, и у него, судя по всему, есть деньги на выпивку. Но он стесняется ее заказать. Просто сидит и смотрит, молчит и улыбается.

– Ну, ты точно лох.

Он не возражает.

– Ладно, Толстый, раз ты такой лох, расскажу тебе тупую историю. Недавно была оттепель. Мы с друзьями и подругами взяли пива, гитару и голимого винища в пакете, так как не нашли портвейна, и отправились в одно замечательное место. В одном из двориков недалеко от станции метро 23-го августа есть хороший тихий дворик с бревнами, где нам никто не мешает отдыхать. Иногда к нам присоединяются какие-то малознакомые рок-музыканты, но обычно мы сидим там своим кругом. Так вот, в тот день дождило, и я прихватил с собой зонт, зонт оказался очень хуевым, со сломанными спицам, но от дождя кое-как спасал. Когда мы пили, зонт лежал рядом со мной. Я в ту ночь ужрался в говно, у нас с моим другом

одна голова на двоих, и она поочередно у нас болела. То есть, думаю, болела она все время, просто переходила от одного владельца к другому. Так вот, когда я пошел домой, я забыл про свой зонт, вспомнил о нем только на следующий день. Никто из моих собутыльников его тоже не прихватил. И, казалось бы, нахрена мне этот поломанный зонт? Но я думал о нем, мысли не давали мне покоя, там ли он еще, или его скрысил какой-то псих, что с ним сталось. Съездить и проверить, естественно, было лень. Вот я и думаю, вернется ли он ко мне когда-нибудь. Как ты думаешь?

Толстый Лох сидит и смотрит на меня с глупой улыбкой. Он мне не ответил. И ни разу не прервал фразой: "Чувак, что за пургу ты несешь? Кому это вообще может быть интересно?" В высшей степени странный тип.

***

По мосту, что ведет с Алексеевки на проспект Ленина, шел стильный молодой человек. Он был одет в черный кожаный плащ и черные джинсы, голова его была непокрыта, глаза закрывали темные очки, на ногах были берцы. Звали молодого человека Нео. Тот вечер Нео провел в одиночестве на крыше двенадцатиэтажного дома с бутылкой портвейна. Обычно он лазил по крышам не один, с друзьями или женщинами, но в этот день Нео хотелось побыть одному.

Несмотря на типично зимнюю погоду Нео не мерз, тьма согревала сына ночи. В голове его звучала песня Владимира Кузьмина "Эй, красотка", Кузьмин был в его представлении лучшим гитаристом мира.

Вот вещи, что Нео по душе: быть загадочным для окружающих, сидеть на крышах домов и в лесной чаще, пить алкогольные напитки, бить неприятных ему людей ногами в берцах по лицу, проводить диверсии, бить стекла, воровать. Кражи совершались не с корыстной целью, но исключительно с целью получения морального удовлетворения, это была даже не столько типичная клептомания, сколько любовь к риску. Мы

видим, что данный представитель сильного пола заслуживает определенного уважения, несмотря на несколько нелепый имидж.

Нео потрогал кинжал на поясе, закурил сигарету "Альянс" и поздоровался с очередной галлюцинацией. У него часто бывали галлюцинации, особенно на этом мосту, он всегда с ними здоровался, такая вот защитная реакция. Холодный ветер трепал волосы парня, но ночь согревала его.

Дойдя до церкви, Нео подумал, что неплохо было бы совершить ритуал вызова демона-фекалоида. Но срать ему ни капельки не хотелось, поэтому было принято решение выждать некоторое время – судьба еще должна принести сегодня подарок хулигану Нео в награду за плохое поведение на протяжении целого года, она чем-то напоминает в этом Деда Мороза.

Преподнесла. Лишь только перейдя дорогу, наш герой увидел гору арбузов, вероятно, торговля днем шла плохо. Или их просто подвозят вечером. Любой нормальный человек задал бы себе вопрос: "Какому дебилу вздумалось торговать зимой арбузами, причем на улице? Они же померзнут". Но Нео не подумал об этом, сторожа видно не было, такой момент упускать было нельзя: не тратя времени не раздумья, он ломанулся к арбузам и тут же убедился в наличии охраны.

– Эй, ты куда это собрался? – прозвучал возмущенный голос, принадлежащий, похоже, пожилому мужчине.

Нео прекрасно осознавал, что, во-первых, совершает уголовное преступление, а во-вторых, даже в случае успеха, ему придется ходить долгое время с Алексеевки на Павлово Поле в обход – вполне вероятно, что старик его запомнил. Но дело в том, что отступать было не в правилах Нео, он схватил первый попавшийся арбуз и со всех ног побежал в направлении дворов.

– Ну, еб твою... – грустно выругались за спиной. Сторож был слишком стар и ленив, чтобы догонять вора. Да и шансы его были минимальны, он здесь больше для устрашения сидел, нет оружия против наглецов.

Уразумев, что погони не предвидится, Нео перешел на спокойный

шаг и принялся высматривать место для отдыха. Его внимание привлекли бревна во дворе, что недалеко от улицы 23-го августа.

Расчистив снег, Нео присел на бревно, достал нож и разрезал свой трофей. Арбуз к употреблению в качестве пищи был не пригоден.

– Ослы, блядь. Это ж додуматься надо - зимой арбузами торговать! – Бесполезный плод был отброшен, ничего не оставалось, как для успокоения нервов осмотреть местность. Вокруг были разбросаны баклажки из-под пива, пакеты из-под крепленого вина и бутылки из-под портвейна, кто-то здесь явно недавно бухал. Вероятно, это было три дня назад, когда случилась странная однодневная оттепель. Восемнадцать градусов выше нуля среди зимы, в один из дней. Нео подобрал бутылку и осмотрел ее:

– "Приморское", из страны портвейна Крыма, сам такое пью.

Затем молодой человек обнаружил неподалеку от себя зонт со сломанной спицей и уверился в своих догадках. В тот теплый день немного дождило. Хозяину явно было влом вернуться и забрать зонт. Пожалуй, он подумал: "Нахрен мне зонт, он все равно сломан". "Зонт давно спиздили", – возможно и так. В любом случае стоит вернуть имущество законному владельцу. Нео успел порядком замерзнуть, он взял находку, положил ее во внутренний карман и пошел домой греться.

***

Деньги подходят к концу, в кабаке этом я не нашел ничего, кроме какого-то толстого недоумка. Пора допивать и уходить. Хотя... Дверь отворяется, входит человек приблизительно моего возраста во всем черном, в темных очках, словно персонаж попсового фильма. В руках он держит зонт, и я сразу же понимаю, что это моя утрата. Вид у посетителя вполне благополучный, непонятно, зачем ему понадобился эта сломанная вещь и при дожде уж малополезная. Может он местный дурачок и просто таскает с

собой всякий хлам? Мне вдруг становится обидно, что этот урод выставляет на посмешище мой родной зонт, ту самую хреновину, что я носил с собой, пытался укрыться под ней у дождя, рассказывал о ней Толстому. "В морду ему дать, что ли?", – думаю.

Я бы сказал, что мгновение спустя произошло нечто неожиданное, если бы происходящее вообще поддавалось логическому объяснению. Вошедший незнакомец уверенным взглядом окидывает кабак, останавливает свой взор на нашем столике. Он подходит и, глядя на меня в упор, сурово спрашивает:

– Твой зонт, мужик?

– Вроде мой, – отвечаю.

Он возвращает некогда утерянную вещь мне, законному ее владельцу. Затем идет к стойке, берет сто водки и садится за столик, не обращая на нас с Толстым никакого внимания. Я поднимаюсь, Толстому руки не подаю, я достаточно изучил его за это время, он постесняется ответить на рукопожатие. Выхожу.

Снег тает, ручейки текут по асфальту. Некоторые не любят слякоти, я же отношусь к ней спокойно. Вот холод - просто ненавижу. Зима - время года, когда молодежь вскрывает кодовые замки подъездов с целью пить там, где не так холодно. Весна - время года, когда у меня часто бывают депрессии, но я рад весне, рад потеплению. Я думаю о том, что хорошо бы было жить рядом с вокзалом, слушать умиротворяющий звук стука колес, засыпать под умиротворяющий звук стука колес, слушать тяжелую музыку в сочетании с умиротворяющим звуком стука колес.

***

Я был знаком с человеком, который жил в поездах. Он носил довольно необычное имя - Маяковский. За что этот человек был прозван

Маяковским, не знали даже его близкие друзья. Логично было бы предположить, что он просто похож на великого поэта, но ни внутренняя, ни, тем более, внешняя схожесть не прослеживались. К поэзии отношение современного Маяковского было весьма прохладным.

Маяк, как сокращенно называли Маяковского, отличался не только странным прозвищем. На протяжении первых лет семнадцати жизни он был самым обычным горожанином, родился, ходил в детский садик, учился в школе для дебилов... Ну, вообще-то это была самая обычная школа, но как можно назвать людей, которым нравится ходить на уроки, как не дебилами? А так как подобные кадры встречаются в любой школе, все школы можно именовать школами для дебилов, совершенно не греша притом против истины.

Затем, съездив на несколько вылазок с корешами, пожив некоторое время за городской чертой, поколесив чуток по великой стране, он стал потихоньку менять взгляды на жизнь. Ему стало неуютно спать в городе. Причина была ясна, возможно, лишь самому Маяковскому, и он ее не разглашал. Любовь к странствиям и природе разъедала изнутри несчастного Маяка, в прошлом патриота своей малой родины. Но компромисс был найден.

Основную часть своей сознательной жизни этот замечательный человек провел в поездах. Он работал на разных случайных работах, откладывал деньги. Затем покупал билет на поезд и ехал в другой город. Там покупал билет на другой поезд. И так пока деньги не закончатся, в поездах спалось спокойно.

Иногда компанию Маяку составляли близкие ему люди, но часто он путешествовал один. Случайные знакомства, железнодорожные романы, разговоры на вечные темы за столиком плацкартного вагона за водкой - вот что составляло костяк существования.

Но длилось все это не долго, поэтому Маяк так и не стал человеком-легендой, вечным путешественником, историями о котором парни с бедной фантазией развлекают своих девушек. Однажды, во время одной из поездок, сумасшедшая попутчица перерезала Маяковскому горло, пока он спал.

***

Улица освещена солнцем сверху, отражением солнца в лужах снизу, фонарями, горящими днем, по бокам. Вскоре солнце заходит и освещение меняется. Я еду на троллейбусе в центр города, однажды мне рассказывали историю о троллейбусе с водителем нечеловеческой внешности, освещаемом керосиновой лампой. Я не поверил в эту историю, хотя склонен верить почти всему. Иррациональная вера, граничащая временами с безумием – удел падших богов.

Я верю во многие городские легенды. Мифология города богата, не беднее древнеегипетской, пожалуй. Особенно мне нравится легенда о Странствующем Анархисте.

Правда, зря его называют странствующим, так, разумеется, эффектней, но не такой уж Анархист и заядлый путешественник. Зовут его, кстати, Моргэн Фримэн, имя его символизирует восход солнца завтрашнего дня, фамилия же – свободу личности, нетрудно додуматься до этого человеку, знающему немного английский. Разумеется, в паспорте Анархиста изначально стояли другие имя и фамилия, но проверить это чрезвычайно сложно, так как нет у него больше паспорта.

Анархист изначально прославился как персонаж легенды о Михаиле, мэре Харькова. Согласно распространяемым по городу слухам, перепроверив данные несколько раз, сверив сведения из разных источников, оформилась одна странная история. Интересна это история исключительно своей странностью, повествует она о том, что наш глубокоуважаемый городской голова всюду ходит со свитой необычного состава, почти как Князь Тьмы. Вечными его спутниками являются:

– Охрана;

– Архангел;

– Анархист.

При этом, когда Михаил зовет Охрану, пред ним в тот же миг предстает Архангел, если же Архангела - приходит Анархист. Кстати, чтобы вы не заподозрили подвоха, сообщу, что Охрана действительно состоит из охранников, Архангел и правда архангел, по крайней мере, так себя ставит, Анархист же анархистом является и по убеждениям, не только по прозванию. Просто, став персонажами легенды, эти люди и нелюди обрели большую букву в начале обозначения своего социального статуса. Чего и вам желаю.

Да, так вот, я отвлекся. Ведь история моя об Анархисте и ни ком ином. Моргэн, пребывая в свите мэра, является, когда тот зовет Архангела, долго трясет Михаилу руку и призывает того отказаться от власти:

– Отрекись от власти, – говорит Фримэн, – живи ради людей, ведь все ради справедливости. Верь мне, я не подведу тебя. - Ну и в том же духе на протяжении долгого времени.

Анархист выглядит, как и подобает анархисту. Он немного лысеет спереди, но сзади волосы затягивает в аккуратный маленький хвостик. Усы его подкручены кверху. Одет Моргэн в шитый золотом красный камзол, старые потертые джинсы, обут в старые, пыльные, но элегантные туфли.

Моргэн Фримэн – гроза харьковских контролеров. Стоит контролеру подойти к Фримэну с намерением взять с последнего плату за проезд, Моргэн, не давая бедняге сказать хоть слово, хватает его за руку и проникновенным голосом говорит:

– Ты хороший человек, я по глазам вижу. Верь мне, я твой друг, отрекись от работы. Ты служишь государству, но государство не должно существовать, ты должен жить для людей. Не работай, будь беден, но горд и честен. – И так далее.

Анархист – человек-легенда. Приятно было бы встретить его в городе, затем и еду в центр. В центре чаще встречаются люди, прославившиеся при жизни. Из живых легенд лично я знаком с немногими. Особенно, разумеется, следует выделить Героя Нашего Времени – Серегу. Рассказывать о нем не вижу смысла, его и так все знают.

***

И вот – я в центре своего родного города Харькова, города парадоксов. Неформалы здесь одеваются подобно гопникам, негры пристают к скинхедам, музыкантов здесь больше чем музыки. Город наполнен святыми пророками, доносящими до окружающих музыку Бога, но многие принимают их за обычных алкашей.

Я иду по дорожке, по левую руку от меня детская площадка, на ней много детей, боттлхантеров и памятников психоделической архитектуры. По правую – платный сортир. Туда я и направляюсь. В нашей среде вообще-то не принято пользоваться платными туалетами, но соблюдай я все заповеди, был бы слишком предсказуем.

В уборной я справляю нужду, и вдруг меня догоняет из-за угла приступ тошноты. Вообще-то блевать в нашем круге считается почетным. Это - признак класса. Существует даже такая теория, что наш народ пьет, в отличие от других, не для того, чтобы поднять настроение, но единственно ради блева. Это, разумеется, не вполне так, но иногда приятно хорошенько поблевать, согласитесь.

Я выбегаю из туалета и склоняюсь над ближайшими кустами. Проблевку в туалете я считаю занятием позорным и неаристократичным, если человек чувствует себя нехорошо, он должен немедленно покинуть уборную, я считаю.

Сделав свое дело, присаживаюсь на лавочку и закуриваю. Задумчиво смотрю на детей, спускающих с горки игрушечные машинки. Эх, хорошо бы было раскопать свои машинки и тоже вволю попускать их с горки, надо только поймать тот момент, когда занятие это даст мне удовольствие и просветление. Ведь, как мне кажется, я могу сейчас отыскать свои старые игрушки, вернуться и подумать: а на кой хрен мне все это надо. Все на свете имеет смысл, но лишь в определенные моменты времени, поэтому глупо о чем-либо жалеть. Ведь в тот момент, когда

человек совершал определенный поступок, этот поступок имел для него смысл. И хорошо, что люди не имеют возможности менять прошлое.

Пора домой. Пора спать.

***

В эту ночь я вижу сон. Глупый, включающий в себя элементы пародии на сюрреализм и психоделию. Но лишь на первый взгляд он столь нелеп, он оказывается одним из самых важных в моей жизни. Во время одного из бесцельных похождений я подслушиваю разговор одного знаменитого провидца. Тот говорит обо мне с незнакомым моей персоне человеком, называет срок моей жизни.

В конце сна я встречаю другого знаменитого провидца, получаю от него право задать любой интересующий меня вопрос. Спрашиваю, сколько проживу, получаю подтверждение. Все зависит от меня, или пятьдесят лет, или четыреста. Известие меня почему-то сильно шокирует, падаю на пол и долго сижу на заднице, затем просыпаюсь лежа на кровати.

Оказывается, бывают люди, которые живут четыреста лет, я слышал о таких, но никогда не встречал. Интересно, если я точно знаю, что проживу или пятьдесят лет, или четыреста, есть ли мне чего бояться в моем возрасте?

Глава 4

Кузьма очень страдал последние месяца два. В его жизни произошла

настоящая катастрофа. Хотя правильнее будет сказать - происходила. Ежедневно, просыпаясь, он смотрел на часы и видел, что они показывают 11:11. Кузьма уже и будильник ставил, и чего только не пробовал, не помогало. И вообще, стоило Кузьме на часы посмотреть, они то 12:21 покажут, то наоборот 21:12, а то и вовсе 22:22 или еще какое-нибудь непотребство. Эти ужасные цифры вносили колоссальную дисгармонию в ранее столь безоблачное существование этого несчастного мужчины. Наконец Кузьма не выдержал - он разбил о стену все имевшиеся в доме часы, а затем разбил о ту же стену собственную голову.

Негативное влияние часов на психическое здоровье человека (мужчина разбивает голову о стену, вокруг валяются разбитые часы, они показывают 11:11, 22:22, 12:21).

Нос, Еж и Ганс прибыли на вокзал. Ганс собирался отбывать в свой немецкий город-герой, Еж собирался поехать просто куда глаза глядят, Нос же приехал просто за компанию. Пока Ганс брал себе билет до Берлина, Нос и Еж поняли, что если в ближайшее время им не удастся помочиться, получиться нехорошо. Они отправились за ближайший угол, сделали свое дело и решили выглянуть за забор на железнодорожные пути, там они увидели поезд. Поезд вот-вот должен был отойти в какой-то Богом забытый украинский городишко. Пассажиров поезда провожали друзья, знакомые, сестры, любовницы и другие родные и близкие, машиниста же не провожал никто. Пассажирам совали в руки свертки с колбасой и водкой, гладили по голове и называли всякими нехорошими словами, машинист же сидел себе одинокий и мрачный и жевал бутерброд с несвежим салом. Такой несправедливости Еж и Нос перенести не могли. Как же это так, всех провожают, а машиниста - нет. Они тут же начали кричать о важности профессии машиниста, о том, какие подвиги совершает этот мужественный человек, перевозя ежедневно сотни человек, как несправедливо к нему капиталистическое общество. Машинист дожевал бутерброд и занялся делом, поезд тронулся. Нос и Еж помахали еще некоторое время руками и удалились с чувством выполненного долга.

Долг перед машинистом (поезд, машинист в кабине жует бутерброд, на заднем плане двое молодых людей машут руками).

Нос и Еж торжественно шествовали по асфальту в замечательном расположении духа после распитых пары бутылок портвейна.

Единственное, что их смущало - несмотря на выпитый портвейн, было довольно холодно. Поэтому курить они расположились в метро, недалеко от входа. И вот какая картина предстала пред их глазами. На лестнице, ведущей в подземку, стояли в художественном беспорядке пустые бутылки. Какой-то веселый подвыпивший парень сообщал прохожим, что это тест на трезвость, и надо пройти, не зацепив ни единого препятствия. Большинство людей этот тест проходили, что весьма удивительно для субботнего вечера. В уголке сидела парочка бомжей и веселилась от души. Еж и Нос тоже веселились от души. Докурив, они решили помочь потешнику-тестировщику и пошли на улицу за новыми бутылками. Холодно не было. Друзья были заняты делом. Бутылок, правда, в округе оказалось немного, но свой посильный вклад они внесли. Затем Нос и Еж стали спускаться, а бомжи продолжали веселиться. Тест был пройден.

Бутылки (двое парней лавируют между бутылками на входе в метро, на заднем плане смеются от души парочка бомжей и нетрезвый молодой человек).

Иван пребывал в чудесном расположении духа. Сегодня он получил зарплату, большая часть коей была уже пропита с коллегами. Приятно возвращаться домой, когда в желудке твоем консервированная рыба, которая с улыбкой на дохлом рыбьем лице плещется в употребленной недавно водке "Люботинн", а вокруг весна.

Иван шел по улицам своего горячо любимого города, любуясь тающим снегом, свежеуложенным асфальтом и радующимися весне гражданками.

Внезапно ему захотелось закурить. Так как курить на ходу Иван не любил, он отошел в сторону, к стене здания, дабы не заграждать дорогу, остановился, вытащил из пачки сигарету, чиркнул спичкой и с наслаждением затянулся. И миг спустя ему на голову свалился кирпич.

Минздрав предупреждал (кирпич, падающий на голову мужчине с сигаретой)

Девушка, идущая по лесу, ассоциировалась с мотыльком. Сравнение довольно пошлое, однако уместное. Она как будто бы не шла, а порхала между деревьев. Одета была девушка в легкий сарафан, голову ее украшал

венок из полевых цветов. Обуви не было. Девушка шла босиком по дороге, усеянной камешками, сучьями и тому подобными вещами, способными сильно затруднить такое передвижение. Увидев это, подумать, что она летит, могли бы даже те, кому ранее подобная мысль в голову не приходила. Тут и поэтом быть не надо.

Девушка сама не знала, куда она идет, но не могла не идти. Словно какая-то сила тащила ее. На душе было легко и радостно. Глаза этого удивительного существа женского пола светились уверенностью, что на пути ее ожидает что-то волшебное, замечательное. Ожидания не были обмануты. Выйдя из лесу, девушка увидела огромное поле роз, никогда в жизни не видела она ничего прекраснее. Лишь одна деталь смутила девушку: невдалеке от нее стоял грязный старик в лохмотьях и блевал.

Поле роз (блюющий старик посреди поля роз).

– Сюжеты готовы. Их вполне достаточно, надолго хватит. Пора приступать к работе, – подумала Ольга.

Ольга была художницей. Хотя она могла бы стать неплохой писательницей, это не интересовало ее. По мнению Ольги, художник стоял выше литератора. Ведь сочинить хорошую историю - не проблема. А вот отобразить ее содержание в одном лишь моменте, чтобы уловить его можно было, не тратя много времени, а лишь бросив взгляд - вот что такое настоящее искусство. Поэтому писателей Ольга хоть и уважала, но считала недохудожниками и смотрела на них несколько свысока.

Обстановка комнаты, в которой происходило действие, была довольно необычна. Она состояла из ковра, матраса с пледом, мольберта и цветного ксерокса в углу. Ольга была ярой противницей всяческих излишеств, в комнате было только то, без чего невозможно было обойтись. А как же ксерокс - возразите вы?

Ксерокс также был довольно важным элементом убранства, вторым после мольберта, пожалуй.

Как уже было упомянуто выше, Ольга занималась живописью. В принципе, у нее было все необходимое для занятия любимым делом. У нее были рисовальные принадлежности, мольберт и квартира, служившая одновременно студией. Умение рисовать давало ей заработок, которого

вполне хватало на жизнь. Немного - скажете вы? Но ведь у некоторых великих творцов и того не было, а излишеств, как уже говорилось ранее, художница не признавала.

Единственной проблемой была популяризация плодов творческой деятельности. Стоять и продавать картины у станции метро "Исторический музей" Ольге не улыбалось. Это было ниже ее достоинства.

Но выход был найден. Здесь и сослужил службу ксерокс. Закончив работу над полотном, Ольга размножала его на ксероксе. Затем, стараясь не попасться на глаза добропорядочным гражданам, они бродила по городу и расклеивала копии своего нового творения в наиболее людных местах. Никаких сторонних надписей, ничего подобного - это не могло не привлечь внимание. Люди не могли не заинтересоваться происхождением этих плакатов. Ведь не может не удивлять, что вместо рожи очередного кандидата в органы антинародной власти они видят на столбах произведения современного искусства. Их ксерокопии к тому же. Представители всевозможных политических движений искали во всем этом какой-либо политический подтекст, нанимали лучших специалистов для распознания скрытой рекламы. И ведь специалисты ее находили, они честно отрабатывали свои деньги, надо найти - найдут, это их прямая обязанность, не так ли? Несмотря на то, что сей факт не предавался огласке долгое время, надежды Ольги насчет заинтересованности в данном факте телевидения и других средств массовой информации оправдались. Хотя когда те самые политики усилиями злополучных специалистов в области пиара начали производить что-то подобное, затея утратила смысл. Впрочем, я и так слишком забежал наперед. Скажу только, что рекламная капания художнице удалась, но речь не об этом.

Ксерокс, впрочем, служил не только для рекламы Ольгиных эпохальных полотен. Его также использовали харьковские фашисты для издания своих харьковских фашистских газет и листовок. Надо сказать, эти ребята были просто помешаны на конспирации. Каких только приемов они не изобретали, любая разведка позавидует. Они изобретали собственные языки, обменивались письмами с непонятными никому шифрами и пометкой "перед прочтением сжечь" и.т.д. и.т.п.. Даже основной их точкой сборки был наркоманский притон, хотя наркотиков никто из них не употреблял принципиально. Конечно, в наркопритон могла в любой момент нагрянуть милиция, и, увидев, что фашисты не принимают наркотиков, их

бы приняли за распространителей... Но об этом никто не думал, слишком уж романтичные люди.

Так вот, собственной типографии у фашистов не было, и они просто-напросто верстали свою прессу на компьютере и размножали на ксероксе. Пользоваться легальными ксерокопировальными аппаратами они остерегались по вышеописанным причинам. Глупо, конечно. Как писал кто-то из великих мудрецов древности, Маркс, кажется, капитализм сам продаст нам веревку, которой мы его удавим. Или что-то в этом роде, смысл налицо в любом случае. Ты платишь свои деньги и получаешь все, что захочешь. Хоть рабов.

Ольга всегда была рада фашистам. Это были весьма интересные ребята, у которых при себе всегда были хорошие алкоголесодержащие напитки и масса интересных историй из жизни. Наша героиня нередко брала сюжеты для своих произведений из жизни, пожалуй, почти так же часто, как и выдуманные.

***

Ольга сидела на диване и курила "Герцеговину флор". Непонятно, где она доставала эти папиросы. Во всем городе даже "Беломора" в продаже нет, а у нее - любимые папиросы Сталина. Ольгины знакомые уже долгое время вынашивали план ее похищения и выяснения под пытками тайны происхождения папирос. Но все как-то руки не доходили, а сама художница молчала аки немой партизан в плену у фрицеоккупантов.

Так вот, Ольга сидела на диване, курила и обдумывала один сюжет. Это был один из очень немногих случаев, когда она даже представить себе не могла, как изобразить все это на холсте. Сюжет был из жизни, но источником его, как ни удивительно, не были фашистские истории. А поведал об этом случае некий странный молодой человек татарско-славянской внешности по имени Полиграф. Полиграфу же рассказал эту историю сам ее главный герой, тоже не совсем фашист, хоть и лидер одной подпольной политической партии. Кстати, интересно было бы поподробнее исследовать современное подполье. Вот, к примеру, в начале двадцатого

века в моде был революционный андеграунд, в конце его - рок-н-ролльный. Что же актуально сейчас? Трудно сказать. Какая-то полная неразбериха и разобщенность присутствует в подпольном обществе начала века двадцать первого. Ладно, не будем отвлекаться чересчур уж отвлеченно, как сказал бы один неумный человек.

Так вот, история такая. Этот знакомый Полиграфа, зовут его, кстати, Ризограф, возвращался домой в состоянии сильного алкогольного опьянения. Причем, опьянение было весьма странно проявляющимся, напоминающим чем-то укурку. Ризограф сидел в вагоне метро на дикой измене и разглядывал рекламные объявления. Он наткнулся на рекламу какого-то медицинского препарата, рекомендуемого для людей, в организме которых недостает йода. "А вдруг у меня в организме йода не хватает", - испуганно подумал Риз. Он прочитал приведенные здесь же симптомы и понял, что дела его плохи. Выйдя на своей станции, парень забежал в первую попавшуюся аптеку и поинтересовался, есть ли у них йод. Узнав, что есть, Ризограф купил баночку и пошел домой. Дома он смешал йод с чаем, один к одному, и все это выпил. Ночью было лидеру подпольной партии довольно таки хреново, ужасно сушило горло и все эти вещи. Утром же, проведя беспокойную ночь, Риз заглянул в медицинский справочник и узнал, что йод применяется для лечения сифилиса.

– И что мне со всем этим делать? – Думала Ольга, уставившись на выключенный телевизор, - странная какая-то история. Ладно, придет Полиграф – у него спрошу.

Что это за имя такое, Полиграф. Странное какое то. Надо обязательно у него спросить.

Конечно, нехорошо это, прямо как на войне капитулировать, но...

Размышления ее прервал звонок в дверь. "Уж не Полиграф ли?" – подумала хозяйка квартиры, открыла дверь и действительно увидела Полиграфа.

***

Недавно мне было видение. Согласно ему я должен сегодня посетить Ольгу, во что бы то ни стало посетить. К ней я и направляюсь, обходя лужи. Беда в нашем городе с дорогами. А Ольга - удивительная девушка. Одна из замечательнейших особей женского пола, встреченных мною на протяжении жизни. По законам жанра, я просто обязан был в нее влюбиться, но этого не произошло. К счастью, не произошло. Зато получил я еще один объект для своих исследований, с еще одним высокодуховным человеком познакомился.

Вот эта улица, вот этот дом. Я поднимаюсь, звоню в квартиру. Ольга открывает и приглашает войти, я вхожу. В глаза сразу же бросается ее новая работа - блюющий старик расположился среди роз. У девочки талант, определенно.

Предлагаю Ольге карамультук, она соглашается. В Харькове в определенных кругах не так давно появился обычай курить карамультук. Изготовляется он очень просто: берется семечка (жареная), чистится, всовывается в сигарету с фильтром. Впрочем, можно и без фильтра. Карамультук готов к употреблению. Не знаю, почему это называют карамультуком, но почему бы и нет, в конце то концов. У этого слова очень много значений, его даже как тост можно использовать. Едва ли не больше, чем у слова "хуй". Это давно уж не только вид оружия. Хорошая вообще штука, этот курительный карамультук, рекомендую.

Мы курим карамультук, Оля интересуется моим мнением об истории про Ризографа и йод. Ей интересно, как это можно изобразить.

– Знаешь, Ольга, – говорю, - если б я был танцором... В смысле, если б я и был художником, все равно бы ничего тебе не сказал. Не надо ничего изображать, Ризу это не понравится, он мнительный. Я тебе другое хотел предложить. Почему бы тебе не создавать картины из жизни древних? Стоит изобразить древний мир таким, какой он есть, со всеми этими сиренами, драконами, псоглавцами и так далее. Ведь современная пропаганда не учла кое-чего, гордо назвав все это вымыслом. Она не учла, что эти существа описаны в фольклоре совершенно чуждых друг другу, практически не пресекавшихся между собой культур.

– Я с тобой согласна, – отвечает Ольга, изготовляя себе еще один карамультук, - полностью. Но рисовать этого не буду. Бессмысленно. Подумают, тетя перечиталась мифами и Толкином, и теперь гонит пургу. Не воспримут. И дело тут не столько для меня в общественном мнении, сколько в том, что не мое это.

Оля достает буржуазное пиво, вспоминает о моем к нему презрении и достает роганское - специально для меня. Буржуазное пиво не опохмеляет. Следовательно, это вообще не пиво.

Мы говорим о творчестве, о масскультуре, всюду сующей свои гнилые щупальца. О том, что настоящий творец вынужден в наше время зарабатывать себе на жизнь чем ни попадя. Конечно, в капиталистическом обществе деньги лежат на дороге, и достаточно порой просто взять кредит, купить себе лопату и грести их, но люди искусства редко видят эти деньги. Они недальновидны.

Мы обсуждаем, кем же лучше работать человеку искусства, в мире фантазий своих замкнутому. Издавна популярна в этих кругах профессия дворника, работа весьма творческая, на подвиги вдохновляющая и престижная под определенным углом зрения. Но сходимся на том, что лучше всего все же быть кочегаром. Единственная проблема - нет практически в нашем городе кочегаров, и в других больших и интересных городах нет. Остается завидовать тихо Виктору Цою, этому Джону Леннону закатывающегося советского общества. Оля вспоминает какую-то политическую партию, программа коей состояла в том, чтобы каждый дом оборудовать котельной. Хорошо, конечно, было бы, но в общем, если честно, мне пофиг.

Я не особенно склонен говорить, но все же описываю все преимущества профессии сторожа. Сторож, он просто сидит, прислушиваясь к тишине или к музыке в наушниках. Еще он может жрать бутерброды и запивать их кока-колой, выходить курить может, если повезет. Но самое главное – сторож может выучить наизусть все стихотворения своих любимых поэтов, читая их на вахте. И он может писать что-нибудь сам.

Мой рассказ почему-то впечатляет Ольгу, ее вообще многое впечатляет, по-моему, это ее главный недостаток. Она даже хочет

нарисовать что-нибудь в тему.

– Тебе бы все рисовать, - говорю я.

Мы долго молчим, затем Ольга заводит разговор о заброшенных домах. Она просто обожает заброшенные дома. Благо, этого добра в нашем городе навалом, даже в его центре. У нас вообще существует традиция половину домов не достраивать, возникла она уже после развала СССР. Видимо, это символизирует так и не достроенный в нашей великой стране коммунизм.

Я ненавижу заброшенные дома, о чем и сообщаю. У меня есть на то свои причины. Не то чтобы я был очень цивилизованным парнем, фанатом Европы и женской цивилизации, просто однажды в одном из таких зданий я свалился в подвал и сломал себе ногу. Странно, обычно, когда я падаю, время как бы притормаживается, я успеваю понять, что происходит и как именно я должен падать, дабы остаться невредимым. Но в этот раз ничего подобного не произошло, виной тому не внезапность, а то ли алкоголь, впрочем, это вряд ли, то ли дело в самом доме, в его духе, я думаю, что так оно и есть. Конечно, это было увлекательное приключение. Я впервые в жизни сломал ногу, впервые в жизни меня домой провожала девушка, а не наоборот. Даже не провожала, а можно сказать тащила на себе большую часть дороги. Я был тогда в неплохом настроении и рассказывал всем, что только советский человек может сломать ногу и быть при этом чертовски веселым, и чувствовать себя легко. Еще впервые в жизни я отжимал шапку от вина, раздавившегося у меня в сумке. Тем не менее, ебал я такие приключения. Единственное, что хоть как-то помогало мне не потерять душевного равновесия, когда я лежал в гипсе, так это мое воображение. Я представлял себя великим революционером, заключенным в тюрьму. Можно было вообразить себя, к примеру, Володькой Маяковским, знакомящимся с современным искусством, или Адольфом Гитлером, работающим над "Майн Кампфом". Правда, о своей борьбе я так ничего и не написал, да и она кардинально отличалась от борьбы Адольфа. Но прошли те славные времена, времена создания великих империй, теперь у человечества другие цели, о них после. Но хоть подобные размышления и несколько облегчали мою тяжкую участь, но я не хотел бы, чтобы все это повторилось.

– Ты становишься слишком циничным, – с обвинительными

интонациями провозглашает Оля, – это не есть хорошо.

– Это есть похуй, – отвечаю я, – зато я знаю, что нужно делать.

– И что же, интересно бы узнать?

– Пора покидать этот ебучий город.

– Зачем же? - удивляется моя собеседница, – я люблю город, не могу без него.

– Нет, это город любит себя тобой. Между тем он пожирает тебя, откусывая по кусочку и питая своей голимой наркотой. Город мешает потенциальным святым стать истинными святыми, не дает своим жителям жить истинно духовной жизнью. Со всем его шумом, автомобилями, нищими и базарами.

– Ну, уезжай, - тихо и задумчиво произносит Ольга, – я остаюсь, я не готова.

– Ты никогда не будешь готова, – говорю я, прощаюсь и ухожу.

Я вхожу в метро, сажусь на подземную электричку, еду на вокзал. Там я покупаю билет, долго стою и изучаю его, куря сигарету за сигаретой. Затем сжигаю билет и ухожу из города пешком. Прочь. Хватит с меня.

Глава 5

Я просыпаюсь оттого, что на меня кто-то смотрит. Мне, разумеется, интересно, кто это, но при пробуждении первейшей задачей является все же другое, а именно - вспомнить то место, на котором уснул. Вспомнив это, человек процентах в среднем в девяноста может с достаточно высокой точностью определить место пробуждения.

Итак, последнее, что я помню, так это себя самого, похмельного и злого, морщащегося от лучей рассветного солнца и покупающего билет на

электричку. Нет, вру, я еще помню, как залез в вагон, зачем-то прошелся по нему несколько раз вперед-назад и сел на скамейку.

Судя по всему, я сейчас лежу на твердом сидении электрички, укрывшись газетой, как будто бы это может согреть. Когда я ложился, газеты наверняка не было, я никогда не читаю газет и покупаю их лишь изредка, перед посещением футбольного матча, чтобы подстелить. По всей видимости, какой-то сердобольный бродяга с большим опытом ночевок где попало выделил мне это своего рода бумажное одеяло из личных запасов.

В окно электрички светит солнце, прямо мне в лицо, я настолько хотел спать, что забыл задернуть занавески на окнах вагона. Ненавижу солнце. Но разбудило меня не оно, а пожилая женщина с лукошком, сидящая напротив меня и пристально на меня глядящая. Кроме лукошка в ней нет ничего примечательного, обычная бабулька, каких много в городе. Они просят милостыню в общественном транспорте и у сигаретных киосков (наверное, считается, что курят только состоятельные и успешные люди, а может быть дело в том, что курильщики, осознавая пагубность своей привычки, считают себя одной ногой в могиле и в связи с этим проще относятся к деньгам и легче с ними расстаются), ходят на базар за продуктами, играют с малолетними внуками и часами просиживают на лавочках у подъездов, отравляя жизнь соседям. В общем, выполняют свои прямые стариковские обязанности. Так вот, видно эта старуха сидела и пялилась на меня своими глупыми глазами, и от этого я проснулся. Она и сейчас смотрит на меня, не мигая, будто в гляделки сыграть хочет. Я уж совсем было собираюсь сказать, что играть с ней не намерен, но она опережает меня.

– Притомился, небось, внучек, - скрипучим голосом говорит старуха, – поешь вот пирожков, – лезет в лукошко с твердым намерением меня накормить.

– Спасибо, – отвечаю, – бабушка, за заботу, но я вегетарианец.

– Но пирожки ведь с капустой! – Протестует моя спутница.

– Это не важно, – неприязненным тоном говорю я и отворачиваюсь к окну. Старуха обижается и в скором времени уходит.

За окном проплывает станция "Харьков-сортировочная". Гляжу на

часы - девять утра. Не лучшее время суток, но небо, по крайней мере, выглядит уже более или менее нормально, а вовсе не так омерзительно как ранним утром. Нет зрелища более неприятного, чем утреннее небо, особенно отвратительно небо рассветное. Поэтому я и предпочитаю утром спать, коли есть такая возможность. Сижу, размышляю о положении, в коем нахожусь.

"Да, Полиграфушка, не отпустил тебя город, – думаю, – не святой ты, каким бы юродивым себя ни мнил, каким бы психом тебя ни считали". На душе гадостно, я осознаю, что еще не готов покинуть город, сблизиться с миром духов и, возможно, даже открыть путь в другие миры. Возможно, это произойдет в будущем, хотелось бы надеяться.

Я чувствую себя просто ужасно. Я привязан к городу, несвободен. И что с того, что меня, казалось бы, никто не контролирует, и я могу делать что хочу и ходить куда хочу? Все равно я не могу уйти от города навсегда, я даже не в состоянии путешествовать пешком по стране, собирая пыль тысяч городов на своих шузах. Вот певший об этом Веня Др"кин, наверное, мог. Но он умер, забудем о нем.

Вообще-то ограничение свободы куда хуже, чем полное ее лишение. Лучше уж тюрьма, чем домашний арест. Ведь если твою свободу ограничивают, то существо, сделавшее это, обретает власть над тобой, становится твоим хозяином. Если же кто-то лишает тебя свободы – он просто ненавистный тебе пидор. С ним намного легче бороться на самом то деле, а вот бороться со своим хозяином... Здесь разные морально-этические нормы, которые трудно обойти и тому подобное.

***

Станция "Харьков-сортировочная". Ну, здравствуй, город, еб твою мать! Земля, на которую я так любил некогда возвращаться, без которой двух дней без тоски не мог провести. Я больше не люблю тебя, Харьков. Я люблю твою футбольную команду "Металлист", твои кабаки и твоих

женщин, твой памятник Ленину и отдельных шизанутых жителей твоих. Но нет больше любви к тебе, о Харьков. Но я вернулся, привет, бля.

На Леваде мне делать вроде бы и нечего, надо подыскивать транспорт и ехать дальше. Метро, пожалуй, будет лучшим вариантом. Приближаюсь ко входу, спускаюсь, покупаю жетон, покупаю в киоске прессы газету. Надо узнать, что случилось в городе за время моего отсутствия. Необходимо держать руку на пульсе, скажем так. В газете - программа телепередач, анекдоты, новости спорта и какие-то конкурсы. Не худший вариант. Возможно, некоторые считают, что максимум информации можно получить из газет с объявлениями. Но я подобных изданий не покупаю принципиально. По-моему размещать объявления в газете, выставляя их на всеобщее обозрение - в высшей степени неприлично, все равно, что идти по улице без штанов, носков и шляпы. Герой фильма "Arizona dream" считал главным элементом одеяния шляпу, он говорил что-то вроде того, что если человек идет по улице совершенно без одежды, но на голове его шляпа, ему не стыдно. Ведь он не голый, он в шляпе. Мой друг детства по бассейну Миха считал главной деталью одежды носки. "Главное – носки не забыть", - любил говорить он. И оба были в чем-то правы.

Метро – изобретение, порождающее безумие. Совершенно нормальные, порой даже чересчур нормальные во внешнем мире граждане преображаются, спускаясь под землю. Они подобно умалишенным мчатся, сметая все на своем пути, их цель - успеть на поезд любой ценой. Ничто не остановит пассажиров метро, они готовы убивать и калечить, рисковать жизнью и здоровьем, лишь бы быть первыми у поезда и, не дай Бог, не упустить транспорт и не ждать следующего. Они выигрывают минимум времени, куда больше экономилось бы, если сократить семейные ссоры. Но под землей рациональное уступает место иррациональному, ничего не поделаешь.

Разжившись газетой, минуя безумие подземки, я спускаюсь к поездам. Электричка подходит быстро и, что странно, вагон полупустой. Здесь обычно столпотворение, не мудрено - вокзал неподалеку. Да и сегодняшний день не является исключением, соседние вагоны забиты под завязку. Но мой практически пуст, в нем от силы человек пятнадцать. Наверное, не всем дано его видеть. Или же силы зла отпугивают от дверей этого вагона простолюдинов.

Я присаживаюсь на сидение и открываю газету. Просматриваю программку - интересного футбола нет. Я смотрю по телевизору исключительно футбол, поэтому не обнаруживаю ничего заслуживающего внимания и переключаюсь на новости спорта. "Металлист" опять не стал чемпионом. Что ж, перейдем к юмору. Первая страница этого раздела посвящена анекдотам про искусство. Выбираю первый попавшийся, читаю: "У американских рок-музыкантов существовала мода умирать в двадцать семь лет. Джим Моррисон умер в двадцать семь лет, Джанис Джоплин умерла в двадцать семь лет, даже Курт Кобейн и тот умер в двадцать семь лет. Один лишь Джими Хендрикс дожил до двадцати восьми. Он так этому огорчился, что взял и умер". "Странно", – думаю, перескакиваю на следующую страницу. "Эротические анекдоты". "Просыпается утром Ёбаный Пёс в своей квартире, хреново ему, совершенно не помнит, что же было вчера. Чувствует только, что его ебали. Сидит на кровати, силится вспомнить. Тут из ванной, весело напевая, выходит Ебучий Шакал. "Опять Вы ебли?" – с надеждой спрашивает Ёбаный Пёс. "Опять яя-а!" - гордо отвечает Шакал и идет ставить кофе. Ёбаный Пёс вздыхает с облегчением". "Ничего себе. Интересно, кто эту газету выпускает", - возникает мысль в моем сознании. Переворачиваю страницу - "Анекдоты про Егора Широкого". Но прочитать не успеваю - моя остановка, пора выходить.

***

"Советская". Эта станция метро нравится мне только названием. Может, потому что здесь переход на "Исторический музей". Исторический музей - место крайне мрачное и вводящее в меланхолию - кладбище всего лучшего, что было в истории человечества. Впрочем, вру, далеко не всего - только того, что допускает к существованию официальное мнение представителей нынешней цивилизации. В переходе между станциями всегда весьма людно. Тем удивительней созерцать нищих на станции - как их только не сметает толпа.

Перехожу на "Исторический музей", выбираю более-менее

безопасное место на платформе. Открываю газету, читаю про конкурс на лучшую сборную мира по футболу. Интересно, по какому принципу выбирается победитель? Но поучаствовать стоит в любом случае.

Я выбираю, разумеется, свою любимую схему – четыре защитника с либеро, четыре полузащитника ромбом и двое на острие атаки. Остается только подобрать игроков под схему. Кого бы взять? Идея! Составлю сборную русского рока.

В воротах, естественно, "Аквариум". Тут налицо и уверенность, и мастерство - что еще надо хорошему вратарю. Защита: справа – "Кино", защитники правого дела, слева – "Машнинбэнд", небольшая шестеренка, вызывающая сбой всего механизма, последний защитник – "Ноль", ибо наглые и "на ноль", стоппер – опытный "Машина времени". Полузащита: "Наутилус помпилиус" – опорник, потому что надежный, справа – "Пикник", довольно изолированные и аполитичные ребята, куда их еще ставить, слева – представители левого искусства, "Аукцыон", разыгрывающий – креативные "Звуки Му". Ну и в атаке разрывные "Гражданская оборона" и "Агата Кристи". Остался лишь запас. Ну, тут лишь субъективное тренерское мнение. "Зоопарк" – запасной вратарь, "Би-2", "Крематорий", "Чиж и Со", "Торба на круче" – на подмену немолодому ВИА Летова, мастер нестандартных решений "Ногу Свело" и "Алиса", как же без нее?

Все. Достаю из кармана ручку, записываю на руке адрес издательства, бросаю газету нищему – пусть почитает, скучно ведь чуваку, впихиваюсь в поезд.

***

Выхожу на станции "Университет". Она названа так не зря - поблизости действительно наличествует университет, куда я и направляюсь. Начало июня, пора вступительных экзаменов, в этот период в здании университета можно приобрести конверт и марку, что я и делаю. И практически сразу использую покупку по назначению - быстренько пишу на листе бумаги свой вариант футбольной сборной, вкладываю бумажку в

конверт, запечатываю, наклеиваю марку и пишу адрес.

Дело сделано. Осталось только найти почтовый ящик и опустить туда письмо. Впрочем, далеко ходить не потребуется, рядом Госпром, там есть ящик. Кроме того, пора бы позавтракать, а неподалеку располагается замечательная пиццерия. Как раз по пути.

Бросив по пути конверт куда следует, я покупаю в киоске бутылку пива и направляю свои стопы к пиццерии. Отоварившись там пиццей, опускаюсь на скамейку. Довольно поздний завтрак. Обычно я, правда, не завтракаю вообще, но сегодняшнее утро принесло мне голод. К чему бы это?

Предаваясь таким вот раздумьям, я неспешно поглощаю пиццу, запивая ее пивом, наслаждаюсь прекрасным летним днем и начинаю осознавать, что и в городской жизни есть свои прелести. Но спокойствие мое длится не долго. Внезапно перед глазами предстает довольно странное зрелище - из пиццерии через заднюю дверь выходит служащая с огромным черным полиэтиленовым мешком в руках. В таких мешках как правила упаковывают мертвецов. И пакет, надо сказать, не пустой. И форма его напоминает человека. "Блядь, да это ж труп! - доходит до меня, - эта ужасная женщина умертвила очередного несчастного студента, не сумевшего расплатиться за хуевые жареные пирожки с картошкой, и теперь собирается избавиться от трупа. Интересно, как это она шагает с такой легкостью? Ведь труп, поди, штука тяжелая". И действительно, эта сучка несет труп несчастной жертвы с такой легкостью, будто он невесомый. Видимо она совершенно потеряла чувство реальности, и безумие придает ей сил.

Пронеся мешок с телом несколько шагов, она останавливается и принимается с остервенением впихивать свою ношу в урну. И это убийце, в конце концов, удается, после чего она возвращается на место работы. Ну не дура ли? Здесь же скоро куча ментов будет, а свидетелей, однако, десятка два наберется. Хотя... Я обнаруживаю, что кроме меня на происшедшее внимания никто не обратил. Такое впечатление, что каждый день официантки из пиццерии кого-нибудь лишают жизни и выбрасывают останки в урну для мусора... Но как бы то ни было, несмотря на то, что окружающие продолжают увлеченно общаться и поглощать свою еду, кто-то должен же был что-то заметить и доложить куда положено. А значит,

милиция прибудет с минуты на минуту, пора скрываться. Я в один глоток вливаю в себя оставшееся пиво и, оставив часть пиццы недоеденной, покидаю место происшествия. И я дохожу уже почти до проспекта Ленина, как вдруг взгляд мой падает на камень у дороги и мир окончательно переворачивается с ног на голову.

Этот камень установлен здесь в память о какой-то битве. Присмотревшись, я осознаю, что дата на камне – 2001 год. Какая битва могла здесь случиться в двадцать первом веке, в эру повального пацифизма и матриархата? И тут до меня доходит.

Кто сказал, что в сорок пятом мы выиграли войну? В школе нас могут учить чему угодно, телевизору тем более верить нельзя. Ветераны войны... Не так уж и много их осталось. Да и подозрительно похожи участники боевых действий друг на друга. Они зазомбированы!

Получается, это не наши взяли Берлин, а нацисты Москву. Они среди нас. Они одурманивают нас и потихоньку уничтожают, незаметно, одного за другим. Вот этот мужик, к примеру – окидываю взглядом человека, идущего навстречу – лицо типично арийское, это враг. Нет, смотри в другую сторону, нельзя подавать вида, что ты что-то знаешь.

Успокойся, Полиграф. Купи кока-колы, сядь на лавочку, расслабься. Взгляни на прохожих, совершенно нормальные советские лица. У тебя же дед воевал, ты веришь своему деду, не правда ли? Да и ведь американцы тоже считают, что нацизм побежден, и англичане, и французы. Не могут же они обманывать целый мир. Что с того, что ты никогда не был за границей? Ты знаком с их искусством. Ты разговаривал с людьми, которые были там. Не могли нацисты все подделать, слишком уж это сложно...

Внутренний голос несколько успокаивает меня, я покупаю бутылочку кока-колы, напитка приятного, успокаивающего и творчески стимулирующего. Сажусь на лавочку, делаю глоток. Все нормально. Бросаю взгляд в сторону дороги. Нормальные советские лица?

Вот этот мужик, явно врач, их нетрудно отличить, профессия накладывает отпечаток, внешность – Ганнибал Лектор. Как две капли воды похожи. Наверное, тоже людоед. А что это он несет? Пакет какой-то, что в нем?

Чьи-то ноги, он расчленил труп в компании товарищей-людоедов, они поделили то, что когда-то было человеком между собой. Этому достались ноги – он у них, по всей видимости, в авторитете. Какая хищная улыбка! Скотина. Ладно бы он сейчас думал о своем обеде, как будет жрать эти ноги. Поджарит их. Или он предпочитает сырое мясо? Будет рвать плоть зубами, наслаждаясь вкусом крови. Так нет же - он явно помышляет о том, чтобы схавать кого-либо еще. Например, вот эту девченку...

Ну и пусть. Типичная нацистка. Пора отсюда валить, однозначно. Я отрываю зад от скамейки, выбрасываю бутылку и ухожу. Несколько часов я петляю по городу в полувменяемом состоянии.

***

Выхожу на пустырь. Перед моими глазами возникает такая картина: десяток псов сидят строго на одной линии и испражняются. Выражения морд у них весьма несчастные. Завидев меня, собаки поднимаются, перестраиваются в колонну и убегают трусцой прочь.

Похоже, это и есть конечный пункт моего сегодняшнего путешествия. Пустырем я назвал это место чисто условно. Не подумайте, что это какое-нибудь огромное открытое пространство где-то, где непонятно, находишься ли ты на окраине города или же далеко за его пределами. Место, в котором я сейчас нахожусь, является ничем иным как просто пространством между жилым пятиэтажным домом и бывшим детским садом, в здании которого ныне располагаются какие-то малополезные конторы, входящие в бюрократический аппарат нашего несправедливого капиталистического государства.

На земле вокруг много мусора и собачьего дерьма и немного дерьма человечьего. Людям здесь справлять нужду не с руки - кто-нибудь из жильцов может не вовремя выглянуть из окна и, если он не признает свободы человека срать где душе угодно, все испортить. Лично я никогда бы не стал испражняться на этом пустыре, я здесь разве что проблевался разок, когда из школы пьяный шел. Но это давно было.

Данная территория заслуживает названия пустыря в первую очередь потому, что она никем, кроме собак, практически не используется и располагается здесь впустую. У нас ведь цивилизация людей, а не собак, не так ли? Впрочем, когда-то это место казалось мне полезным, но было это недолго и очень давно, в детстве, еще задолго до того как я начал возвращаться из школы нетрезвым.

Это был старт моей карьеры бытового анархиста. Тогда среди людей моего возраста было модно носить с собой спички. Что с ними делать наверняка никто не знал. Иногда ими поджигали петарды, но редко, так как петарды были далеко не всегда. Но как немного для счастья нужно детям. Хватало и спичек. В основном мы их втупую жгли где попало - во дворах, в детских садах, в родной школе. Я тогда еще не слышал песню "Rammstein"а "Feuer frei", да, скорее всего, и не было тогда такой песни в видимом мире, но огонь вызывал у меня ассоциации со свободой, тут уж ничего не поделаешь.

Складывалось так, что все время кто-то мешал нашей невинной забаве со спичками - дети, учителя, старушки на лавочках. И однажды в поисках подходящего места для освобождения огня мы нашли этот пустырь. Но радость была недолгой. Из окна вскоре выглянула какая-то глупая пьяная женщина и прогнала нас, сказав, чтобы шли жечь спички на пустырь, а здесь люди живут. Мы хотели спросить, что это за люди, и где же мы находимся, как не на пустыре, но почему-то не спросили. Просто молча дуру прокляли и ушли.

Да уж, занесло меня. Не сомневаюсь, что это не случайно, но что я могу найти на этом замусоренном пустыре? Пессимизм уж совсем было начинает овладевать мною, как вдруг я вижу приближающуюся женскую фигуру. Она как будто бы не идет, а парит над горами дерьма и сора. Когда женщина приближается, я вижу, что это Грэйс Слик, она молода и прекрасна. Та самая божественная Грэйс Слик, что вдохнула жизнь в до того весьма среднюю группу "Jefferson airplane".

– Почему ты такая молодая, Грэйс? – Спрашиваю я.

Она ничего не отвечает, лишь подмигивает мне и улыбается. Грэйс подходит, берет меня за руку и куда-то ведет. Мы обходим дом и в соседнем дворе я вижу воздушный шар. Моя спутница подводит меня к шару. Ничего

не остается, как просто влезть туда и обрезать держащие его тросы. Я медленно взлетаю над городом, еще не зная, куда унесет меня это транспортное средство. Это мой первый опыт воздухоплавателя, первый полет. Шар уносится в небо, и некоторое время я еще вижу машущую рукой Грэйс.

Глава 6

Приключения продолжаются, я лечу на воздушном шаре над облаками и чувствую себя жителем неба. Мой воздухоплавательный аппарат уютен и надежен, стены и пол корзины обиты чем-то мягким, в качестве балласта присутствуют две наковальни, когда шар начнет снижаться, можно будет бросать их на головы жителей земли. Если я буду в это время пролетать над Госпромом, есть вероятность, что попаду четко в голову губернатору моего города Арсену, занимающемуся всяким непотребством на крыше этого величественного здания. Все складывается как нельзя лучше. С провиантом проблем возникнуть не должно, подо мною облака, а ведь любому нормальному советскому человеку с детства известно, что они представляют собой кисель. Так говорил герой книжки Николая Носова Незнайка, а этот малец был мудр не по годам.

Мимо меня пролетают голуби, трудолюбивые птицы изо всех сил машут крыльями, стремясь как можно скорей доставить доверенную им почту. Сверху периодически осыпаются листья с небесных деревьев. Мне, разумеется, хотелось бы вкусить их плодов, но возможности воздушного шара, к сожалению, ограничены, на такую высоту ему не взлететь.

Мимо меня проплывает "Летучий голландец". Это судно в последние годы окончательно потерялось в пространстве, оно плавает по небесным просторам и ищет океан, или хотя бы море. Корабль удаляется в направлении Кривого Рога, что ж, поговаривают, в этом городе есть Криворожское море, скрытое от глаз непросветленных посредством чего-то неведомого.

"Слепой не увидел, как море над лесом в стакане пылало у водки-реки, а в лодке сидели два пьяных балбеса и в сторону леса по небу гребли.

По небу гребли... По небу гребли..." - доносится песня авторства Хвоста. Мимо меня движется деревянная лодка, в лодке двое, они гребут, рассекая веслами воздух. Я не могу не удивиться и не воскликнуть в порыве любопытства:

– Ребята, вы кто?!

– Мы - воздухоплаватели, – с гордостью отзываются мужчины, замедляя темп гребли, - мы плаваем по воздуху.

– А правда ли, что существуют звездоходы, которые ходят по звездам? – задаю давно интересующий меня вопрос.

– Да, они ходят по звездам и гадят, бля, на эти звезды. Не будем вдаваться в подробности. – Отвечают мне воздухоплаватели. Затем они, ссылаясь на занятость, прощаются и желают мне приятного путешествия.

– Удачи, товарищи! – кричу я и машу им рукой. Лодка уплывает вдаль.

Странно, что здесь, над облаками, где можно лицезреть столько чудес, совсем нет музыки. Признаться, мне ее немного не хватает. Есть, правда, и одно преимущество - невозможность встречи с музыкальными гопниками. Однажды я с ними едва не столкнулся.

Дело было одним погожим осенним днем. Телефонный звонок оторвал меня от размышлений о футболе и направил в госпромовскую столовую, место встречи харьковских фашистов. Там я должен был встретиться со своими друзьями, среди которых наличествовала тетя Галя, заслуженный повар Столицы Мира. Тетя Галя замечательная девушка, но есть у нее один существенный недостаток - любовь к музыке группы "Мельница". И в этот светлый день я как раз записал ей музыку вышеупомянутой группы и стремился поскорее избавиться от оной записи. Я даже отослал сообщение одному из своих друзей, гласившее, что если тетушка будет порываться уйти до моего прибытия, ее необходимо привязать к стулу. Причем, желательно так, чтобы на него невозможно было сесть. Что может быть для повара хуже невозможности сесть на стул?

Дорога в столовую была нервной - я остерегался встречи с музыкальными гопниками. Представьте себе: встретили бы они меня в пути и спросили бы:

– Адептом какой музыкальной идеологии ты являешься?

– Я рок-н-ролльщик! – Гордо и честно ответил бы я.

– Ах, рок-н-ролльщик, – иронично сказали бы гопники, – а почему же у тебя в кармане диск с записью "Мельницы"?

Боюсь представить, что бы тогда было, но, к счастью, все обошлось. И вот - сейчас я в небе на воздушном шаре. Решаюсь взмыть ввысь, сбрасываю наковальни за борт. Надеюсь, падут они праведным гневом на головы врагов моих. Шар поднимается все выше и выше, возможно, мне удастся взлететь до самых Рок-н-ролльных Небес. Но нет, не судьба.

Сценарий стандартный – на шар садится ворона. Она клюет оболочку, проделывая в ней прореху. Газ выходит, я начинаю снижаться. Внизу виднеется какая-то постройка из дерева. Интересно, кому в голову пришло создать нечто подобное на такой высоте?

***

Я приземляюсь на деревянную площадку, к счастью, без неприятных последствий для организма. Шар окончательно сдувается, кое-как выбираюсь из корзины, технично приземляюсь на задницу. Отряхиваюсь и, потирая ушибленное мягкое место, осматриваюсь. Несмотря на происшедшие со мной за последнее время чудеса, удивляюсь - это никак не укладывается ни в общепринятую, ни в мою схему мира.

Огромная деревянная площадка расстилается подобно деревянному морю, конца-края ей не видно. Это напоминает убогую большую деревню,

вокруг - постройки из бревен. Качество древесины невероятно высокое, неземное: постройке явно много лет, но ни в едином месте не подгнивает. Полное отсутствие флоры; особенно удивляет население. Жители сего несчастного края напоминают людей, но за плечами их облезлые крылья. Похожи на ангелов, но ангелы представлялись мне величественными существами. Ну, не то, чтобы величественными, но, особенно после фильма "Догма", достаточно веселыми. Эти же выглядят жалко. У них измученные лица, одеты они в лохмотья, коими побрезговали бы даже бомжи из стран, более бедных, чем Украина. Несмотря на наличие крыльев, существа летать похоже не умеют. Они медленно передвигаются на своих двоих между постройками, совершенно беспорядочно, устремив вдаль полные грусти взгляды. Почти не общаются между собой, иногда собираются по двое или по трое, перебрасываются фразами, шепчущими тихими голосами, надолго умолкают, затем еще две-три фразы, разговоры длятся недолго, несмотря на длинные паузы. Да и о чем им говорить? О футболе? О бабах? Вряд ли. Но особенно неприятно поражает другое - они периодически кое-как расправляют грязные крылья со слипшимися перьями, трясут головами с жирными кудрями и хлопают крыльями, силясь взлететь, не поднимаясь при этом над землей ни на сантиметр. Ангелоподобные существа напоминают домашних гусей, у которых умер хозяин.

При виде меня в глазах здешних обитателей появляется какой-то слабый огонек, похоже на то, что мое появление внесло некоторое разнообразие в их скучное существование. Вперед выдвигается личность с длинной белой бородой, видимо, их старейшина, говорит, обращаясь ко мне:

– Приветствуем тебя, о, потомок Адама и Евы, в нашем краю. Давно собратья твои не гостили у нас.

– Здравствуйте. А вы, простите, чьи потомки?

– Мы падшие ангелы, Господом ниспровергнутые в это гнусное место за провинности тяжкие.

– А, интересно, – вы уже поняли, что это не из вежливости я так говорю, действительно интересно, – а как вы здесь живете? Питаетесь чем?

– Мы, сын человеческий, не едим. Ангелы не едят

– А что вы вообще делаете? – Задаю несколько бестактный вопрос.

– На небесах мы выполняли поручения Господа нашего, в свободное время же порхали да музицировали. Но поручения исполнялись нами плохо, и осерчал на нас Бог, отобрал инструменты наши и ниспроверг в сей пустынный край. Ныне же скорбим мы о тяжкой судьбе своей.

Возможно, в другое время я заинтересовался бы жизнью на небесах и тому подобными вопросами, ответы на которые с удовольствием узнал бы всякий человек, сохраняющий в душе своей хоть немного веры в Бога. Но мысли мои были заняты другим - перспективой голодной смерти. При всей своей ущербности, ангелы выглядят довольно крепкими, вряд ли мне удалось бы питаться ими. А больше как бы и нечем. Впрочем, вскоре мой бородатый собеседник приподнял мне настроение, испорченное до невозможности перспективой предстоящих мучений. Хотя начало истории, рассказанной им, не вселяло оптимизма.

Оказалось, я был не первым человеком в этих краях. До меня здесь побывал экипаж одного самолета, считающегося на земле пропавшим без вести. Самолет сломался и, с трудом дотянув до места обитания падших ангелов, заглох. Пассажиры его серьезных телесных повреждений не получили, но радости им от того было мало - вскоре все они дали дуба. Некоторые покончили жизнь самоубийством, спрыгнув вниз с края деревянной площадки. Остальные тоже убили себя, но мазохистским способом - остались здесь смиренно погибать от голода и жажды, проводя долгие и несчастливые часы в молитвах.

История, согласитесь, грустная. Но, оказалось, есть у нее продолжение, вселяющее в меня надежду. Дело в том, что современные падшие ангелы – народ, довольно слабый духом. Но не все, хотя исключение, пока, имеется лишь одно.

Ангел с простым русским именем Афанасий резко выделяется из толпы собратьев – он не желает мириться со своим ущербным положением. Он решил отомстить Богу.

Уже было сказано, что крылья у ангелов были подрезаны, соответственно свободы передвижения у них нет. Стоит ангелам ступить за

край - их ждет падение и болезненная смерть.

Афанасий изучил устройство самолета, устранил поломку - это оказалось не так и сложно. Теперь он намерен полететь на землю и совершить террористический акт, устремив свой летательный аппарат в обитель Папы Римского. Это мой шанс.

На самолете еще сохранился один парашют: обезумевшие пассажиры совсем забыли о нем. Падший ангел сможет высадить меня в пути.

***

Мы летим. Это словно вторая часть фильма "Горячие головы". Не хватает только негра, мажущего лицо черной краской. Афанасий молча сидит за штурвалом в кабине пилота, выражение лица у него невероятно гордое и одухотворенное, словно у Виктора Цоя во время концертов группы "Кино". Некоторое время я сижу рядом с ним, затем иду в салон.

Я могу курить в самолете. Ангел не имеет ничего против, он вообще смутно представляет, что такое табак. Слышал, разумеется, но вряд ли пробовал, низшее существо. Ангелам не хватает мудрости, даруемой людям дымом. Не хватает табачного вкуса жизни. Открываю дверцу, достаю сигарету, закуриваю. Крепко держусь руками, смотрю вниз на далекую землю.

Никогда не прыгал с парашютом. Вдруг он не раскроется? Больно будет. Может не прыгать, долететь с этим странным существом до конечной точки? Прославиться на весь мир - самолет из ниоткуда, акт терроризма в Ватикане. Нет, нельзя. Я хочу умереть героем, но не сейчас. Ведь сейчас это будет лишь искусственный героизм, халявный, примазка к чужой славе. Это все не я ведь, это он сделал. Нет, пора прыгать, пора домой. Иду в кабину пилота:

– Да пребудет с тобой сила, – говорю Афанасию. Он оборачивается и кивает, я ухожу.

Надеваю парашют, прыгаю.

***

Я опускаюсь на центральную площадь родного города. Все прошло более чем успешно. Парашют раскрылся. Без травм, еще и на родную землю.

Избавляюсь от парашюта, спешу скрыться с глаз любопытных. Милиционеры настолько удивлены, что никаких признаков погони не замечаю. Сегодня явно мой день.

Иду в направлении ближайшего кинотеатра. Сейчас концептуально было бы посмотреть что-нибудь в стиле трэш-хоррор. Старый добрый трэш-хоррор, дарующий столько пищи воображению.

Место действия – Соединенные штаты Америки, пятидесятые годы. Во всех кинотеатрах больших городов и маленьких селений идут фильмы Эдварда Д. Вуда. Стоит жаркое лето. Народ валит валом: пожившие алкоголики в ковбойских шляпах; старики-фермеры, только что вернувшиеся из церкви; влюбленные парочки, взявшись за руки; ветераны войны, увешанные орденами; студенты, приехавшие на каникулы, еще и не подозревающие о том, сколько их ровесников в следующем десятилетии продадут душу хипповскому движению. Эд Вуд захватывает их умы. Актриса Вампира покоряет сердца старшеклассников и холостяков средних лет.

Знатоки кино, морща носы, потягивая коктейли, зажимая красоток, откусывая кончики сигар, зачесывая волосы на лысину, почесывая жирные зады, высокомерно переговариваясь, нарекают Вуда худшим киношником всех времен и народов.

Душное здание кинотеатра в американской глубинке. Старая добрая кока-кола, старый добрый поп-корн. Барышни визжат, парни замирают. Ветераны войны вспоминает былое, работяги смотрят на экран широко раскрытыми глазами. Кто-то давится воздушной кукурузой. Утробные звуки - кого-то стошнило. Единственная сохранявшая спокойствие девушка в зале визжит - ее облили колой.

Картина подходит к концу, публика неспешно покидает кинематограф. Выходят двое друзей, один высокий и худой, словно жердь, другой маленький и толстый.

Первый:

– Классный фильм.

Второй:

– Да, классный фильм.

Место действия - Харьков, наши дни. Трое молодых людей пьют чай, смотрят фильм Эда Вуда. Они еще не знают, что им суждено стать великими деятелями киноискусства. В кинотеатрах идет попса.

***

Замечаю за собой слежку, люди в черных костюмах и темных очках. Ведут меня с гротескным непрофессионализмом, словно я угодил в какой-то мультфильм. Преследователи неуклюже прячутся за деревья, передвигаются перебежками, залегают в кусты. Понятия не имею, что это за ребята, почему они так нелепо вырядились, нелепо себя ведут, почему они выбрали объектом слежки именно меня.

В конце концов, придурковатые спутники начинают меня напрягать, сворачиваю в ближайший двор, начинаю петлять закоулками, стараясь

стряхнуть "хвост". В этом деле опыта у меня имеется немного, но все-таки преследователи в черном отстают. Но не успеваю я порадоваться, как вижу, что прибыла смена - мужчины средних лет в ярко-красных костюмах и очках с простыми стеклами. Эти ведут себя более степенно, они просто с невозмутимым видом следуют за мной по пятам на некотором расстоянии. Возможно, мои преследователи - просто шутники из Коклоу, подпольной школы клоунов. Но в любом случае их общество неприятно.

***

В одном из подвалов города, в древние времена бывшего столицей УССР, теперь же не находящего себе места в круговороте событий мира современного, было чисто, словно в операционной. В центре подвального помещения стоял небольшой кухонный стол, вокруг него - четыре стула. Рядом со столом располагались кипятильник и электрический камин, на столе стояли четыре чашки, пакет с чаем и вазочка с баранками. Двое как раз пили чай, остальные два места пустовало. Больше мебели в подвале не было.

С одним из участников чаепития читатели уже немного знакомы, это Нео, не будем описывать его внешность и характер, ибо достаточно подробное описание можно найти в одной из предыдущих глав. Второй же сидящий за столом человек был довольно молод, одет был в макинтош, в зубах его была зажженная трубка. Нео называл человека в макинтоше Джорджем, хоть и был практически уверен, что это не настоящее имя. Но настоящего он не знал, неведомо оно и мне.

Мужчины пили чай почти в полной тишине, разговор не клеился. Они явно кого-то ждали, лица их были задумчивы, баранки поглощались на автомате, лишь бы чем-нибудь время занять, вкуса пищи ни один не чувствовал, чай поглощался тоже механически. Думаю, если бы им вместо чая подсунули чашки с кофе, они бы ничего не заметили. В один из моментов, совсем заскучав, Джордж извлек из стоявшего у ноги саквояжа газету на английском языке и погрузился в чтение. Нео, видя такое дело,

достал из кармана книгу и, открыв ее на заложенном месте, последовал примеру своего товарища. Так прошло минут пятнадцать, затем дверь подвала отворилась, и на сцене возникло новое действующее лицо - парень лет двадцати.

– Привет, ребята, – поздоровался вошедший и протянул руку для приветствия.

– Привет, Вадим, – ответил Нео и пожал протянутую руку. Джордж ничего не ответил, просто вытянул руку из-за газеты и, совершив ритуал рукопожатия, спрятал ее обратно. Он даже от чтения не оторвался.

Вадим сел на стул, заварил себе чаю и приготовился ждать. Но ожидание было недолгим. Спустя минуты три в подвал вошел элегантный мужчина лет сорока пяти с сединой в волосах. Он закрыл за собой дверь на ключ, поздоровался с присутствующими и опустился на свободное место. Джордж отложил газету и сделал глубокую затяжку, Нео спрятал книжку, все с интересом смотрели на новоприбывших. Тот не заставил себя ждать и повел речь:

– Господа, у меня для вас две новости, обе хорошие. Первая – число больных манией преследования выросло за последний год на тридцать процентов. Это наш успех, большой успех, но мы можем и дальше, и больше, и лучше. Далее, я нашел новый объект для наших экспериментов. Имя - Полиграф, психически неуравновешен, оторван от реальности, считает себя случайно заброшенным на нашу планету королем из другого мира. Ненавидит город, предпринимал попытку сбежать на природу, попытка была неудачна...

Клуб сводящих с ума занимался тем, что вызывал у психически неустойчивых людей паранойю. Организовал его известный врач, светило психиатрии Иван Елисеевич Андреев. Для него это предприятие было коммерческим, так как росло число пациентов. Для остальных трех членов клуба это было просто хобби, им нравилось одеваться как персонажи фильма "Люди в черном" и доводить людей до сумасшествия. Нео, Джордж и Вадим выполняли практическую часть работы, бесплатно, для души. В этот день, слушая рассказ Ивана Елисеевича об очередной потенциальной жертве, ребята не знали, что это будет последнее дел Клуба сводящих с ума. Они и заподозрить не могли, что в процессе слежки к ним самим

пристроится "хвост" – странные люди в красной одежде и очках с простыми стеклами, что панический ужас овладеет ими, что они разбегутся, чтобы никогда больше не встречаться и искать новые пути в этой жизни.

***

"Чертовы клоуны," - думаю я, поворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и иду в обратном направлении. Мужчины в красном не убегают, спокойно стоят и ждут.

– Какого черта? – Спрашиваю.

– Не обижайтесь, – говорит один из мужчин, – мы простые преподаватели из Коклоу, проходим курсы повышения квалификации.

– А те, в черном, тоже ваши? – Интересуюсь я, несколько постудив свой пыл.

– Да нет, понятия не имею, кто это такие, - пожимает плечами собеседник.

Что ж, хоть что-то прояснилось. Возможно, я так никогда и не узнаю, кто такие эти люди в черном, но я не из тех, кто будет мучить себя догадками. Просто выброшу их из головы. Прощаюсь с преподавателями школы клоунов и иду к друзьям, они делают инкубатор.

Глава 7

Нос возвращался домой. Ноги его немного заплетались, он улыбался, время от времени плевал на землю и слушал звучащую в его нездоровом сознании песню битлов "Hard day"s night". Звучала песня как-то странно, создавалось впечатление, что исполняли ее совместно группы "Аукцыон" и "Птица - парровоз", причем, не помня половины слов. Нос подошел к подъезду, выкурил сигарету и посмотрел на луну. Ночное светило напоминало сыр, только что вытащенный из мышеловки. Носу почему-то вспомнился эпизод из далекого лета года прошлого, когда он, засандалив литра полтора портвейна, прилег посмотреть на звезды и с удивлением обнаружил, что они движутся по небу подобно титрам. От приятных воспоминаний Носа отвлекла упавшая ему на голову капля. "Блядь, Бог опять на меня плюнул", - подумал парень, поднялся на крыльцо и вошел в подъезд. Свет, как всегда, не горел.

Долгое время добропорядочные жильцы, к коим с некоторой натяжкой можно было отнести и самого Носа, регулярно вкручивали лампочки на лестничной клетке. Эти лампочки постоянно выкручивали. Казалось бы, не особенно вроде и прибыльный бизнес, но тащить все, что плохо лежит, или, как в данном случае, плохо торчит - национальная черта нашего народа. Тут уж ничего не поделаешь. Жильцы, правда, пытались бороться. Сначала они прикручивали поверх лампочек железные каркасы с замочками. Нос заметил по этому поводу, что воры обязательно эти замочки взломают, из принципа. Но он ошибся, до такой изощренной степени лэмпхантинга не дошло, лампочки элементарно побили. Назло. Сам Нос пошел дальше, он раздобыл у приятеля-химика какую-то особенную клейкую субстанцию и намазал ей лампочку. Но единственным результатом было увеличение количества непристойных надписей на его пролете и появление оных на его двери. Надписи Носа особенно не расстроили, он отнесся к этому с присущим ему пофигизмом, но человека с приклеенной к руке электролампой обнаружить так и не удалось. След затерялся. Жильцы хотели организовать посменное наблюдение за подъездом, но всем было влом. В результате тьма воцарила над лестницей.

***

Нос медленно и осторожно поднимался по лестнице, стараясь не наступить в темноте на какого-нибудь приблудного пса или алкоголика. На площадке между четвертым и пятым этажом он остановился. Здесь было не так уж темно, в окно светила луна. Стекол в окнах давно уже не было, и они были забиты фанерой. Но на этой площадке фанеру кто-то отломал, и образовавшаяся дыра отныне служила единственным устройством для освещения подъезда. Нос остановился, достал из кармана две сигареты без фильтра и закурил. Он редко курил сигареты без фильтра, и если уж курил, то не менее двух одновременно. Нос минут десять стоял, уставившись на луну, неторопливо вдыхал и выдыхал табачный дым, время от времени извлекая из пачки новые две сигареты, он думал о светлом будущем, о том, что загнившая цивилизация современности вскоре будет разрушена, и человечество начнет с нуля и построит общество куда как более духовное и счастливое. Пошел дождь, Нос оторвался от мечтаний, затушил сигареты и, высунув в окно руку, поймал несколько капель. Дождь все усиливался, и не прошло и двух минут, как он превратился в ливень. "Разверзлись хляби небесные", - подумал Нос. Он понятия не имел, что такое хляби, но выражение ему нравилось.

Наконец Носу надоело так стоять, и он продолжил подъем. Впрочем, его квартира располагалась на пятом этаже, и идти пришлось недолго. Дверь в квартиру соседей Носа была открыта. В этом не было ничего удивительного, соседи были вконец опустившимися наркоманами и на дверь особого внимания не обращали. К ним в любой момент мог войти кто угодно, впрочем, кем угодно, как правило, оказывались такие же законченные торчки, как и они сами. Иногда, правда приходили и вполне приличные на вид молодые люди, судя по обрывкам их разговоров, фашисты. Непонятно, что они здесь делали. Хотя это, в общем, никого и не интересовало. Хозяев квартиры вообще интересовало только ширево, Нос любопытен не был, третья же квартира на этой площадке пустовала уже около года.

Нос уже извлек из кармана ключи и совсем было собрался войти к себе, как вдруг передумал. Он решительно спрятал ключи и повернулся на девяносто градусов. Таким образом, перед ним оказалась открытая дверь соседей. "Пойду-ка стрельну у этих голимых нариков курева, - подумал Нос, - заебался эту хуйню без фильтра курить".

***

Нос подошел к двери и постучал в нее с внешней стороны. Затем он немного подумал и постучал в дверь с внутренней стороны. После чего, решив, что приличия соблюдены, и хозяева оповещены о приходе гостя, Нос вошел внутрь. В наркоманском логове было, как и положено, весьма грязно, обои свисали со стен обрывками, на них повсюду были отпечатки жирных рук. На полу было несколько разноцветных лужиц, повсюду были раскиданы рванные полиэтиленовые кульки и окурки сигарет "Captain Black". Пахло почему-то подгорелой яичницей и клеем. Было тихо.

– Эй, есть кто живой? – спросил Нос у предположительно находящихся в квартире людей. Ему не ответили. "Ширнулись, видно, и теперь в отрубе", - подумал Нос. И оказался, как мы вскоре узнаем, не совсем прав.

Он прошел по коридору, подошел к двери, ведущей в жилую комнату. Вообще-то комнат в квартире было две, и изначально обе выглядели вполне благопристойно. Но соседи Носа, сев на иглу, принялись распродавать мебель и бытовую технику. За удовольствие употреблять наркотики, сами понимаете, надо платить. И немалые деньги. Так вот, когда почти все было распродано, остатки мебели хозяева снесли в одну из комнат, другая же оказалась лишней. Сначала туда думали пускать за определенную плату молодых людей, которым негде предаться любовным утехам. Но затея провалилась. Мало кто из парней, и уж тем более из девушек, хотел предаваться утехам в комнате без мебели, да еще и зная, что через коридор от них наркоманы занимаются своими грязными наркоманскими делами. Авторитет наркоманов, благодаря усилиям власти и прессы, весьма низок в нашей стране, как и во многих других странах.

Открыв дверь, Нос прошел в комнату. Но далеко от порога он не отошел, ибо замер от удивления. Глазам его предстояло лицезреть весьма неожиданную картину - на полу лежали два трупа. Нос понял, что сигарету стрельнуть не у кого. Неизвестно, загнулись ли торчки от передозировки,

или по какой другой причине, их сосед судмедэкспертом не был и причину определить не мог. А впрочем, какое это имеет значение.

Увидев мертвые тела, Нос невероятно обрадовался. И, надо сказать, радость была оправданной. Он быстренько сбегал домой и взял там огромный шерстяной мешок. Вернувшись, Нос засунул в принесенный мешок один из трупов, взвалил его на плечи, вышел из квартиры и пошел вниз по лестнице.

***

Бросив на этот подвал один лишь взгляд, можно было без труда догадаться, что подвал это не совсем обычный. В отличие от других подвалов, в которых, как правило, проживают бомжи и иногда зависают неформалы и бытовые анархисты, этот выглядит удивительно опрятным. Вроде бы обычный бетонный пол, те же пестрящие самыми разнообразными надписями стены, но... В подвале совершенно нет мусора. И в нем не справляют нужду.

В центре подвального помещения горит костер. На костре в старом закопченном чайнике варится чифирь. Вокруг расположились трое, два парня и девушка. К потолку поднимается дым. Причем с дымом от сгорающих дров смешивается дым от сигарет, которые курят молодые люди. Заметим, что если один из них курит самую обычную сигарету с табаком, у второго, напротив, в сигарете, судя по всему, марихуана. Далее, как вы уже вероятно догадались, последует более подробное описание действующих лиц. Что ж, начнем.

С кого начинать – совершенно неважно в данном случае. Но так как начинать с кого-нибудь надо, начнем с наиболее колоритного персонажа, по крайней мере, он является таковым, если судить по внешнему виду. А это именно тот самый парень с косяком. Он носит весьма редкое имя Африкан. Волосы его заплетены в дреды, одет он в пеструю рубашку с коротким рукавом, голубые джинсы и длинный черный плащ, который он никогда не

застегивает. Более того, он специально оборвал все пуговицы, чтоб не дай Бог никто другой не застегнул ему плащ, улучив благоприятный момент для этого. На ногах у Африкана черные лакированные туфли. В облике этого человека действительно есть что-то африканское, не даром многие говорят Африкану, что имя его очень ему подходит. У Африкана есть одна навязчивая идея, он убежден, что душа человека - такой же орган, как и, к примеру, почки, и стремится обнаружить, где же она располагается.

Девушку зовут Людмила. Внешне она красива, блондинка, стройная, одета стандартно. Характером замкнута, высокомерна. Совершенно удивительная девушка, ее можно назвать эстетическим вампиром. Очень любит вид крови, употребление этой жидкости внутрь ее не прельщает, но вид оной доставляет огромное удовольствие. Она даже пыталась резать себя, но такой недостаток сего метода как чувство боли заставило ее от него отказаться. После чего она долгое время пробавлялась вскрыванием мертвых животных. Однажды один из ее одноклассников застал ее за этим занятием. Он оказался болтлив, пошла дурная слава. Между Людой и ее одноклассниками выросла стена. Впрочем, их общество не сильно волновало нашу героиню. Ее волновала кровь в первую очередь. Окончив школу, девушка, разумеется, попыталась поступить в мединститут, на хирурга или патологоанатома. Неудачно, что всерьез надломило ее. Конечно, можно было податься в медсестры, но она считала такую профессию недостойной себя. И кто знает, возможно, милая с виду девушка превратилась бы в беспощадного убийцу-маниака, но судьба распорядилась иначе - свела ее с Дмитрием.

Дмитрий, это третий человек, находящийся в подвале. Он невысокого роста, внешности непримечательной. В раннем детстве он воровал у сестры кукол, разламывал их и смотрел, что же находится внутри. Чаще всего там ничего не было, что весьма огорчало маленького Диму. Впрочем, Дмитрия быстро вычислили и наказали. С тех пор воровать кукол у сестры он перестал. Не то чтобы боялся наказания, ему просто стало жаль плачущую сестру. Дмитрий был очень добрым человеком. После этого он воровал игрушки лишь у товарищей по детскому саду и школе. Он ничего не мог поделать со своей страстью, а чужих детей было не так жалко, как родную сестренку. Со временем куклы перестали интересовать Диму, запросы росли, его заинтересовало содержание человека. Будучи пареньком весьма творческим и смекалистым, Дмитрий быстро нашел выход... И скоро вы узнаете, какой именно.

Эти трое представляют собой семьдесят пять процентов состава одного весьма необычного клуба по интересам, Дмитрий является его председателем. Четвертый человек отсутствует, и его отсутствие является предметом обсуждения для людей в подвале.

– Этот идиот опять нажрался и забыл о собрании, – мрачно цедит сквозь зубы Людмила.

– А ведь он по-своему прав, – задумчиво проговаривает Дмитрий, – мертвый вечер. Ни материала, ни хера...

– Ребята, смените настроение с минуса на плюс, – вмешивается Африкан, успевший к этому моменту добить косяк, - я жопой чувствую, это будет лучший вечер за последние месяца два.

Африкан, сказав это, уходит в себя и принимается медленно, делая неуместные паузы, напевать песню группы "Звуки му" "Шубадуба блюз". Людмила и Дмитрий не знают, что и сказать. С одной стороны, за окном ливень, все весьма плохо, и откуда возьмется материал - непонятно, разве что с неба свалится и в подвал закатится, с другой - седалище у Африкана отличается небывалой чувствительностью и никогда не обманывает своего владельца. Дмитрий снимает с огня сваренный чифирь и разливает его по кружкам, все молча сидят и пьют, глядя на огонь. Вдруг дверь подвала открывается, кто-то решил зайти в гости.

***

Дождь льет, как из ведра, и я иду домой, насквозь промокший и мрачноватый. Раньше мне очень нравился ливень, я специально выскакивал под его струи из сухого убежища. Ведь только в первые несколько секунд дождь - неприятно, холодно и мокро. Затем промокаешь до нитки и неприятные ощущения исчезают, не оставив и следа, уступая место чему-то кардинально противоположному. Но прошли годы с тех пор, как я в последний раз наслаждался ливнем. Теперь мне он неприятен, и дело даже

не в том, что неудобно курить. Просто дождливая погода однообразна до пошлости, она мне надоела, элементарно надоела.

Воспользоваться общественным транспортом я не могу, будь то наземная его разновидность, или подземная, без разницы. Средства к существованию иссякли, переместившись из моих карманов в небытие. Даже карточку на метро, предоставляющую право бесплатного проезда аж до конца месяца, я уж дня три как пропил. Это и вынуждает меня идти под струями постылого ливня ногами, пешком то есть. Конечно, можно стрельнуть денег у добрых людей, но не так уж и много людей в такую погоду на улицах, а уж людей добрых и подавно. Их, конечно, отыскать можно, но не люблю я этого, и искать, и просить денег. И я иду, ступая промокшими ступнями в грязных ботинках куда попало, иду, размышляя о Вуди Аллене и Вуди Харрельсоне.

Многие подумают, что я совсем крышей съехал. И неудивительно, какого черта человек, вымокший под дождем до нитки и всею душою жаждущий комфорта, будет размышлять о каких-то двух мужиках, которые имя свое, одно на двоих, заметьте, получили, видимо, в честь дятла, Вуди Вудпеккера, мультзвезды. И, тем не менее, мне просто покоя не дают два вопроса. Кто такой Вуди Аллен? Чем он отличается от Вуди Харрельсона?

Вроде бы не самый сложный вопрос, я без проблем ответил бы на него в другое время. Хоть я и не знаток кино, телевизор смотрю редко, а светскую хронику и вовсе обхожу вниманием, я знал это. Но сейчас вспомнить не могу, мозги болят безумно. Лезу в карман, и извлекаю недопитую банку пива. "Бля, - думаю, - как можно было забыть о пиве в кармане, что оно вообще там делает? А, вспомнил, я положил его туда, когда ходил поссать в отель "Харьков". И забыл достать. На кой хрен я вообще баночное пиво купил? А, концерт был какой-то, другого не продавали". Извлекаю банку из кармана, пиво вмиг разбавляется дождевой водой, выпиваю образовавшийся коктейль залпом, дабы избежать дальнейшего разбавления. В мозгу проясняется. Вспоминаю, что Аллен, он такой старенький, в очках в каких-то порнокомедиях вроде снимался, Харрельсон, ну это я и раньше помнил, снимался в "Прирожденных убийцах" гениального Стоуна. Он вроде как помоложе. Неплохой актер, кстати. Может они братья? Нет, вряд ли. Не могут же в одной семье сразу двух детей в честь дятла назвать, это ж каким фанатом этого мультфильма надо быть. Но они, видно, друзья. Даже меняются женами на брудершафт.

Потому что жена Харрельсона божественно готовит сливовый пирог, а благоверной Аллена нет равных в приготовлении омлета. Режим питания, и все такое. Во всем необходимо разнообразие. Постойте, при современной технике, учитывая, что в Голливуде без проблем можно загримировать кого угодно так, что мать родная не узнает... Страшно подумать, может Аллен на самом деле – Харрельсон, а Харрельсон, соответственно, наоборот?..

Я спотыкаюсь о какой-то мелкий предмет, это отвлекает меня от раздумий. В свете фонаря я вижу, что это книга одного посредственного харьковского поэта. Точно такую же один мой друг купил во Львове. В Харькове, насколько мне известно, такие не продаются. Интересно, зачем львовянам книги посредственных харьковских поэтов? У них что, своих посредственных поэтов мало? Или их книги у нас продаются? Мне вспоминается история, произошедшая с моим одноклассником еще в школьные годы. На одном из уроков, я во время его, видимо, как обычно, искал смысл жизни, или, что вероятнее, пьянствовал где-нибудь... Интересно, а почему он на уроках оказался? Мы ж обычно вместе пьянствовали. Ладно, не буду отвлекаться. Итак, на одном из уроков пацанов из моего класса погнали на погрузку старых учебников в кузов не менее старого грузовика. Естественно, с макулатурой мои школьные товарищи особо не церемонились, попросту говоря, кидали ее как попало. И вдруг к ним подошел какой-то араб, посмотрел на все это с грусть во взоре и пафосно изрек: "Как вы можете? Ведь это же книги".

Душа моя как-то успокаивается, я вспоминаю одного юродивого из метро. На вид это был самый обычный юродивый, он ходил по вагонам и просил милостыню, исполняя раз за разом одну и ту же песню, состоящую всего лишь из двух строк. Но это была лучшая песня из всех, что я когда-либо слышал. Видно, не нищий это был, а сам Бог спустился к людям, пытаясь донести им эти строки, которых большинство из них не восприняло. Я воспринял, но не запомнил. Было там что-то про океан любви, вот и все, что отложилось в памяти. А жаль. Черт побери, не зря я вспомнил эту песню! Это знак свыше. Вот мигающий огонек виден в окне подвала. Я подхожу, заглядываю и вижу трех людей у костра, я осознаю, что просто не могу не зайти к ним. Что я и делаю.

***

Клуб собирается в этом подвале раз в две недели. По уговору, существующему между несколькими подпольными организациями, денег у коих, как правило, практически нет, а место проведение собраний коим в то же время необходимо, они собираются в подвале согласно уговору в определенные дни. Здесь в разное время, помимо моих новых знакомых, можно встретить различных сектантов, революционеров и черт знает кого еще. Между собой представители различных организаций практически не контактируют, не считая особых случаев, разумеется. Таких как посягательство на подвал посторонних. Тогда все они объединяются в единую силу и бьют врагов долго и больно, иногда даже до смерти.

Чертовски приятно наблюдать за этими задорными людьми. Пусть они немного напоминают врачей, к которым я отношусь неприязненно, так как считаю большую их часть нацистами. Пусть встретили они меня весьма мрачно и холодно и едва не выгнали обратно под дождь. Правда, когда Африкан огласил, что его филейная часть чувствует уместность моего присутствия, они приняли меня и даже напоили чифирем, но факт остается фактом. И, тем не менее, мне приятно находиться в их компании, приятно наблюдать за их работой. Вообще-то я не люблю смотреть, как другие работают. Наверное, потому что сам не терплю работать при посторонних. Но у любого правила есть исключения.

Замечательные все же ребята состоят в Клубе патологоанатомов-любителей. Их необычное хобби сопряжено с риском, ведь не так то и легко добыть пригодные для вскрывания трупы. Часто приходится раскапывать свежие могилы и воровать тела из моргов. Дела это уголовно наказуемые, что уже само по себе вызывает симпатию, ведь враги милиции - мои друзья.

Удовольствием было для меня наблюдать, каким огнем загорелись их глаза, когда Нос принес мешок с телом покойного наркомана. С каким воодушевлением Дмитрий, этот духовный лидер уникальной организации, подхватил мешок и побежал за вторым телом. С какой, удивительной для его тщедушного телосложения легкостью тащил он на своих плечах второй труп. Правду говорят, что своя ноша не тянет. Как утонченно орудовали эти

ребята своими скальпелями, да они в искусство превратили процесс потрошения мертвеца, не меньше. С каким интересом они рассматривали внутренности. Я понял, что когда я сдохну и мой душеприказчик огласит завещание, там будет написано, что я завещаю свое тело Клубу патологоанатомов-любителей, и лишь после окончания их работы мои останки должны быть доставлены в крематорий. Я должен достойно распорядиться своим телом в завещании, неизвестно ведь, будет ли мне еще чем распоряжаться при его составлении. Ибо что может быть прекраснее, чем даже после своей смерти заставить глаза людей заблестеть.

Глава 8

"Как же прекрасно все это, все эти улицы и эти вывески, люди и лошади, мостовая и лужи на ней, - подумал Антон, - все-таки мой город - прекраснейший из городов империи, что бы там ни говорили. Да какое они право имеют так говорить?! Какие же они после этого харьковчане?!" Антон бывал и в столице, и в Киеве, и в Москве, но нигде душа его так не радовалась при созерцании окружающего. Осень... Как же любил Антон осень. Он попытался припомнить, что же писал об этом времени года его любимый поэт Александр Пушкин, но строки все никак не шли на ум.

"Нет, грешно в такой чудесный день не дать себе сполна насладиться всей прелестью пути", – решил Антон и велел извозчику остановиться. Расплатившись с ванькой, дальше он двинул пешком. Неспешно шагая по харьковским улицам и вглядываясь в лица прохожих, Антон чего-то искал, но сам не знал, чего именно. Остановившись на углу, он извлек из кармана трубку и принялся сосредоточенно ее набивать. Затем он закурил, расположившись на обочине. Там он простоял несколько минут, вдыхая табачный дым и прислушиваясь к звукам шарманки в руках расположившегося неподалеку шарманщика. И вдруг чья-то грязная ругань разрушила его покой. Обернувшись на вышеупомянутые звуки, Антон увидел пьяного в стельку гусара, вцепившегося в волосы какой-то барышни. Барышня плакала и вырывалась.

Гусар домогался юной леди самым что ни на есть грязным образом. Порядочному человеку и в голову не могло взбрести, что офицер, опора русской армии, способен на подобную гнусность.

"Возмутительно, – подумал Антон, – почему никто не вмешивается? Неужто не осталось благородных людей? " Естественно, наш герой стерпеть подобного не мог.

– Сударь, как Вы смеете?! – Пылая праведным гневом, обратился он к гусару.

– Отъебись, не твое дело...

– Ах, не мое! Вы задели честь дамы и оскорбили меня лично! Я требую сатисфакции!

- Ну, сколько можно повторять? Курить – в коридор, сказал кто-то Антону на ухо. Кем-то оказалась работница столовой.

–- Да, конечно, извините, – сказал Антон и поспешно затушил сигарету в блюдце.

Оторвавшая Антона от мечтаний дама умолкла и отправилась заниматься своими делами. "В наше время не осталось места для героев и аристократов", - с грустью подумал мечтатель и налил себе еще водки.

В подвале Госпрома Антон рассчитывал встретить знакомых, пообщаться с ними, выпить. Но посетителей в столовой не оказалось. Тем не менее, Антон взял пол литра водки, стакан томатного сока и сосиску в тесте и пристроился за столиком в ожидании других завсегдатаев этого заведения. До их прихода ему оставалось только пить и грезить, чем он и занимался.

***

Антон налил пятьдесят грамм, надел наушники и включил свой плэйер. Он сидел минут пятнадцать, уставившись на колышущуюся штору, закрывающую окна, слушал свою любимую группу "The Cure" и периодически делал маленький глоточек водки. Стопка опустела, созерцание шторы наскучило. Антон выключил музыку, спрятал плэйер в сумку и прислушался к разговору за соседним столом.

Разговор шел о Вуди Аллене и Вуди Харрельсоне. Участвовали в нем двое молодых людей, они сидели друг напротив друга, между ними лежала тетрадь, рядом с каждым стояло по бутылке пива. Первый интересовался, чем же отличается Вуди Аллен от Вуди Харрельсона, второй, видимо, не знал, но интуитивно чувствовал истину. Он вслух перебирал варианты, и, в конце концов, просветил своего товарища. Оказалось, Харрельсон голландец, он не родился в Америке, "как шварцнэггер" по словам рассказчика.

После этого разговор перекинулся на футбол. Ребята пытались выяснить, почему так бывает, что некоторые футболисты весьма подвержены микротравмам, и, тем не менее, карьера их складывается успешно и длится долго. Другие же играют много лет подряд от звонка до звонка, и вот - один неудачный подкат и конец карьере, в лучшем случае - долгий перерыв, после которого они так и не восстанавливаются до конца и больше не выходят на свой былой уровень игры. "Действительно, почему так?" - задумался Антон. Но так ничего и не придумал, и собеседники за соседним столиком тоже не придумали. Они оставили эту тему и принялись писать что-то по очереди в своей тетради. Антон же приуныл, ему пришла в голову мысль, что это не лучший день для посещения его любимого заведения. И оказался неправ - в столовой появился тот, чьего появления никто не ждал, но чье присутствие всегда уместно. И он направился к столику Антона.

***

Наиболее проницательные читатели, безусловно, уже догадались,

что речь шла о Сотоне. Безусловно, многие из вас знают, как Сотона выглядит, но все же опишу его внешность для менее просвещенной публики. Ведь каждый имеет право на информацию. Блажен тот человек, который изобрел интернет. Вдвойне блажен муж, создавший локальные сети. Впрочем, возможно это была и дама, рассказчик не располагает информацией подобного рода, зато располагает многой другой благодаря вышеупомянутым людям. Теперь возможности части человечества, обеспеченной этими благами цивилизации, заметно возросли, они могут ознакомиться с огромным числом интеллектуальных ценностей, созданных их собратьями по виду. Ведь искусство должно принадлежать народу, не так ли?

Итак, Сотона был толст, хвостат и рогат. Пузо его было огромным и мягким с виду, последнее его владелец регулярно доказывал окружающим, он постоянно мял свое пузо руками. Жест, имитирующий вминание огромного пуза, является одним из основных атрибутов культа Сотоны. При этом сотонейцы, как правило, молятся, оканчивая молитву словами "Слово Сотоне" (в некоторых вариантах "Слова Сотоне", сотонологи и служители культа уж долгое время не могут придти к единому мнению относительно этого, потому приемлемы оба варианта) или "Ове Сотонос". Хвост новоприбывшего был огромен и пушист и мило телепался из стороны в сторону. В те времена, когда Сотона не мял своего пуза, он трогательно сучил лапками, этот жест также нередко используется наиболее истовыми сотонейцами. Было воистину удивительно, как, выполняя эти действия, Сотона, или, как его еще величают, Князь Добра и Света, умудрялся удерживать в руках тросточку. Набалдашник трости был выполнен в виде головы пуделя, улыбающегося и с высунутым языком, видно, пес, служивший натурщиком, был весьма милым животным. Кроме того, на набалдашнике была надпись на китайском языке. Перед тем как подсесть к Антону, Сотона купил еще бутылку водки "Люботинн", две пачки сухариков и две пачки орешков и прихватил стакан для себя. Затем он поздоровался с нашим героем, пожав ему руку своей лапкой, и грациозным движением разлил по стаканам сорокаградусную. Когда водка была выпита, Антон осмелился задать вертевшийся на языке вопрос:

– Что привело тебя сюда, о Трогательнейший?

– Зомечательное зоведение, – ответствовал Князь Света, – и водка "Люботинн", моя любимая, кстати, в продаже, и онтураж советский.

Зомечательное было время при советской власти, хоть и отеизм, и все такое, и в меня не верили, но все же зомечательное...

– И только то? – Изумился наш герой?

– Ну, конечно же, нет. Я, Онтон, с тобой пообщаться пришел. Первое, что я хочу тебе скозать, так это то, что ты зря себя сумосшедшим считаешь. Ибо то, что ты, читая о Гарри Поттере, в середине второй книги начинаешь вдруг мучительно вспоминать, кто токой Гарри и откуда в повествовании взялся, ничего подобного ровным счетом не озночает.

– Приму к сведению, о Добрейший.

– Дальше, – продолжал Сотона, – ты знаешь, что жизнь – игра и люди сами выбирают себе роли. Так вот, Онтон, разумеется, если у людей есть подставка для чая и подставка для рыбы, это еще недостаточное для них основание, дабы считать себя ористократами. Но не бывать им ористократами, коль не будут они считать себя таковыми.

– Ты как всегда прав, ведь правда на стороне Добра вовеки, – искренне произнес Антон.

– И последнее, не в моих силах наставить тебя на путь истинный. Ты все-таки не заблудившаяся девочка и не голодный котенок. Так что, решай сам.

И Сотона, молвив слова эти, встал, поклонился, помял пузо свое и удалился, оставив Антона вновь наедине со своими мыслями и мечтаниями. Тот налил себе еще водки и незамедлительно выпил.

– Жизнь это цирк, и люди в нем – акробаты, – донеслось из-за соседнего стола.

Антон посмотрел на часы и понял, что ему пора выдвигаться в направлении одного кафе, расположенного где-то на пути от станции метро "Университет" до станции метро "Советская". Там у него назначена важная встреча с неким весьма любопытным человеком. Опаздывать Антон не любил, поэтому он незамедлительно поднялся из-за стола, надел плащ, шляпу, взял зонт и направился к выходу.

***

Антон прошел мимо университета, остановился купить сигарет и двинул дальше, в обход. Ему больше нравился этот путь, время позволяло. Дойдя до входа в метро, он бросил мимолетный взгляд на демонстрантов перед зданием облсовета, зажав зонт между ног, остановился подкурить сигарету.

На площади Свободы, бывшей Дзержинского, между тем текла своим чередом акция протеста против губернатора. Активисты оппозиционного движения и нанятые ими для массовости студенты старались устроить как можно более эффектное шоу перед камерами недавно прибывших телевизионщиков. Губернатор к протестующим не выходил. Впрочем, последние должны быть ему благодарны хотя бы за то, что он подписал несколько дней назад разрешение на проведение акции. Как и на большинстве подобных площадных мероприятий, т.е. если не считать концертов с участием рок- и поп-групп, число работников милиции превосходило число протестующих.

Антон совсем было собирался продолжить путь, но тут произошло нечто из ряда вон выходящее. Два милиционера, отделившись от сослуживцев, подошли к одному из многочисленных киосков.

– Шоколадку, пожалуйста, – только и успел произнести один из работников МВД. Оказалось, это были последние слова в его жизни.

Едва неудачливый покупатель сумел закончить эту короткую фразу, раздался звук выстрела и он повалился замертво. Мгновение спустя из окошка киоска высунулась рука с револьвером, еще мгновение - из револьвера вылетела пуля и вонзилась в сердце второго милиционера.

Коллеги убитых отреагировали несколько замедленно, но все же уже несколько секунд спустя они выломали дверь киоска. Но безрезультатно - убийца скрылся. В полу киоска был люк, а под ним - подземный ход.

Видимо, преступник подкопался под киоск, готовясь заранее к уходу от погони.

Антон подошел поближе, и взгляд его упал на руку одного из погибших. На руке были часы. Антон удивленно взглянул на циферблат своих часов, затем вновь перевел взгляд на часы покойника. Последние показывали на час раньше. Чтобы удостовериться в правильности своей догадки, наш герой взглянул на часы на руке другого мертвого милиционера. И тогда Антон понял, что его часы действительно выставлены не правильно и спешат, и у него есть еще целый час времени.

Антон купил бутылку пива и пошел в направлении располагающейся неподалеку детской площадки. Одна из лавочек оказалась свободной, она стояла неподалеку от двух других, на которых расположилась весьма шумная компания. Вообще-то скамейки были переносные, но Антону было лень что-либо делать, и он просто сел спиной к компании и занялся поглощением пива. Но обрывки разговора все же доносились до него, и весьма интересные, надо сказать. Интересные даже для нелюбопытного в общем Антона.

– Как видите, – хвастался один из компании, – мой план убийства мента был безупречен...

"Надо же", – подумал Антон. Ему показалось странным, что этот человек за соседней лавочкой так свободно говорит о совершенном им преступлении. Неужели он не боится, что кто-нибудь услышит и сдаст его? Впрочем, сам Антон доносить не собирался, он ненавидел милицию. Так что наш герой неспешно допил свое пиво, поднялся и побрел к месту встречи.

***

Но дойти до пункта назначения без приключений было Антону не суждено. Не судьба, такой уж день. Ему предстоял короткий, но весьма

странный разговор с не менее странным незнакомцем. Антон обратил внимание на этого человека еще до того, как тот заговорил. И немудрено, одета эта странная личность была весьма необычно - в длинный черный балахон. Лицо незнакомца трудно было разглядеть - его частично закрывал капюшон, а частично - шарф, синего цвета с золотыми звездами, и, тем не менее, можно было разглядеть, что он противоестественно бледен. Этот человек напомнил Антону какого-то литературного персонажа, кажется, из цикла романов о Гарри Поттере. Нашему герою показалось весьма странным, что прохожие казалось, не видят ничего не обычного, еще более он удивился, когда незнакомец, поравнявшись с Антоном, заговорил.

– Здравствуй, Антон, – молвил он.

– Добрый день.

– Знаешь откуда мне известно твое имя?

– Понятия не имею, – честно ответил Антон и пожал плечами. Вообще-то у него не было подобной привычки, но жест был уместен.

– Я должен тебе кое-что поведать. Я разговаривал с духами, – сменил тему человек в балахоне.

– И что эти духи тебе сказали? - Иронично осведомился его собеседник.

– Ты – потенциально сильный черный маг, – замогильным голосом произнес незнакомец.

– Может, темный? – Уже откровенно издеваясь, спросил Антон.

– Черный!

– Вот уж никогда не считал себя негром... Всего доброго.

Антон сплюнул на асфальт и поспешил в кафе. Его ждали дела поважнее общения с незнакомым бледным мужиком в балахоне.

***

Принимая во внимание все те странные случаи, приключившиеся по дороге, было маловероятно, что Антон придет на встречу без опоздания. Этого и не произошло, его дожидались. И не удивительно. Удивительным было то, что в зале для курящих сидел всего лишь один человек, тот самый, с которым у Антона была назначена встреча. Это был довольно молодой, не старше тридцати лет от роду, мужчина, одет он был в макинтош, на стуле рядом с ним лежали его вещи: шляпа, зонт и саквояж. "Странно, - подумал Антон, - обычно здесь столько посетителей, студенты, люди искусства". Между тем дожидавшийся его человек, до того меланхолично куривший длинную трубку, увидев входящего в зал Антона, поднялся со стула и протянул правую верхнюю конечность для рукопожатия:

– Это Вы хотели со мной встретиться? – Тихо спросил он.

– Да, я, – без тени сомнения ответил Антон, – честь имею представиться, Антон.

– Зовите меня Джордж, – в свою очередь представился человек в макинтоше.

– Не желаете портвейна? – Осведомился Антон.

– Я б с удовольствием, но не сегодня. Обстоятельства не позволяют. Так что я чаю, - с этими словами мужчина, представившийся Джорджем, вновь опустился на стул, сделал глоток из чашки и принялся заново раскуривать потухшую трубку.

Антон думал было взять пиво, но мысль о том, что на сегодня пока хватит, не дала ему воплотить в жизнь задуманное. Поэтому наш герой взял себе тоже чаю и присоединился к Джорджу.

– Итак, Вы твердо решили разжиться револьвером? – Сразу перешел к делу человек с трубкой.

– Несомненно! Он нужен мне как можно скорее! – С жаром воскликнул Антон.

– Решили завязать небольшую войну? – Задал вопрос Джордж.

– Что Вы! Просто я собираюсь сыграть в одну игру. Не в русскую рулетку, Вы не подумайте.

– Это ваше личное дело, – сказал Джордж извиняющимся тоном, – прошу меня простить, я был излишне любопытен.

– Что Вы, это же вполне естественно! – Воскликнул Антон. – Итак, что Вы можете предложить?

– Выбор широк, – с гордостью проговорил торговец оружием, – но лично я бы, разумеется, порекомендовал "кольт", старый добрый "кольт".

– Вы знаете толк в своем деле, – похвалил собеседника потенциальный покупатель, – я говорю "да".

Спустя несколько секунд Джордж достал из саквояжа револьвер и обменял его на деньги своего клиента. После чего торговец сказал:

– Сделку обмывать не будем. Если возникнут проблемы - вот мой номер телефона, - он протянул кусочек бумаги с записанным номером, - а теперь идите. Не хочу показаться невежливым, но это в Ваших же интересах. У меня есть здесь еще одно дельце, и Вам лучше находиться на расстоянии, когда я займусь им. Ведь Вы не хотите проблем с законом, не правда ли?

Делать Антону в кафе и правда было нечего, да и смущать своим присутствием нового знакомого не хотелось. Поэтому он встал, распрощался с Джорджем, засунул обретенное оружие в карман и вышел на свежий воздух.

На улице Антон достал сигарету, закурил, и совсем уже собрался уходить, как вдруг внимание его привлекли странные звуки. Заглянув в окно недавно покинутого кафе, Антон увидел, что барменша и официантка бьются в истерике, в то время как человек, именующий себя Джорджем, держит в руке револьвер и посредством вылетающих из него пуль выбивает

на стене инициалы английской королевы.

***

Антон сидел на диване, погрузившись в размышления. Он невидящим взглядом уставился на включенный телевизор и обдумывал слова Сотоны об игре. В руках он вертел недавно приобретенный револьвер. "Ума не приложу, что с ним делать, - думал молодой человек, - хотя, постойте". План неожиданно созрел в голове Антона, гениальный план. Он извлек из кармана джинсов номер телефона Джорджа, позвонил ему и назначил встречу через полтора часа у памятника Ленину. Затем он сел за письменный стол, взял ручку и лист бумаги, принялся быстро что-то писать. Закончив писать, Антон свернул листок, засунул его в конверт, написал адрес и наклеил марку. Совершив выше описанные действия, Антон покинул квартиру и направился к месту встречи, попутно опустив конверт в почтовый ящик. Он четко знал теперь, что ему делать.

На этот раз Антон был на месте встречи первым. Джордж подошел минут через десять и протянул руку для приветствия. Но вместо того, чтобы пожать ее, Антон извлек из кармана револьвер, навел его на стоявшего перед ним с протянутой рукой человека и выстрелил, заставив навсегда прекратить биться сердце Джорджа. Затем Антон поднес дуло к виску, закрыл глаза и вышиб себе мозги. Дело было сделано.

Глава 9

Лучи полуденного солнца падали в незашторенные окна, освещая комнату Константина, молодого человека лет двадцати от роду. Хозяин комнаты сладко спал, свернувшись калачиком, на диване.

Внезапно за окном раздался автомобильный гудок. Он прозвучал громко и настойчиво несколько раз подряд, извещая жителей окрестных домов, что подвезли минеральную воду. Гудок разбудил Константина.

"Блядь, опять не выспался", – раздраженным голосом сказал, ни к кому не обращаясь, Костя. С этой грустной фразы ежедневно начиналось утро этого человека. Описываемый день не был исключением.

Встав с постели, Константин выкатил из-под кровати гантели и сделал зарядку. Затем он натянул штаны, носки, майку и рубашку. Костя всегда носил под рубашкой майку - это было следствием уважения к традициям древности. Накинув куртку, протерев глаза, всунув в зубы сигарету марки "Classic" и подкурив, Константин подхватил две десятилитровые баклажки и вышел из дому. Традиционное субботнее утро - подняться с постели, сделать зарядку, спуститься по лестнице, пройти несколько метров, набрать воды, заплатить денег, вернуться. Каждую неделю одно и то же, хоть бы раз выспаться. Можно, разумеется, не покупать воду, сходить на источник и набрать ее бесплатно. Можно сходить в магазин в удобное время, купить воды там или пренебречь здоровьем и пить из-под крана. Но гудок автомобиля пробуждает ото сна, и больше уснуть не удается, такие уж особенности организма. Сегодня – гудок, завтра – будильник, послезавтра – соседский пес... Каждый день что-либо выступает помехой сну.

Погружение в мрачные размышления о том, какими же бодрыми и свежими выглядели лица торговцев водой, с какими блаженными улыбками вслушивались они в доносившиеся из радиоприемника звуки блатной музыки, насколько приветливо общались они с покупателями... Яичница с колбасой, томатный сок, кофе, гренки, раздражающие лучи солнца в окно... Комната, компьютер включен, песня Марка Болана "Get it on", процесс одевания, компьютер выключен. Вышел из комнаты, вышел из квартиры, ключ в замок, повернуть по часовой стрелке, по ступенькам вниз во двор.

Во дворе Константин закурил еще одну сигарету, мрачно поздоровался со старушками на лавочке, чуть более бодро поздоровался с встречной кошкой и пошел в направлении остановки.

На остановке было людно, в подъехавшем троллейбусе было еще более людно - эффект массовки и замкнутого пространства. Люди по

давнему харьковскому обычаю смотрели друг на друга волками. Так что фраза знаменитого музыканта Николая Кепелова "Человек человеку - волк!" выдает его харьковское происхождение.

Костя мрачно переминался с ноги на ногу и думал о том, какой же он все-таки несчастный и обделенный судьбой, и это привело к довольно плачевным результатам. Он наступил на ногу одному из пассажиров.

– Ты что, не с той ноги встал? – Обиженно спросил пострадавший мужчина.

Эта вполне культурная фраза наполнила гневом больную душу Константина. Транспорт как раз подходил к остановке, и наш герой не сдержался. Он без предупреждения зарядил вышеупомянутому мужчине кулаком по носу, причем, похоже, настолько сильно, что дело закончилось переломом. Совершив этот хулиганский поступок, Костя выскочил из троллейбуса и задал стрекача в направлении дворов.

***

Остановившись в одном из дворов и отдышавшись, Константин громко выдохнул и задумался. Он не может выспаться, как с этим бороться? Как не стать окончательно антисоциальным элементом, как не загреметь в кутузку, как жить дальше среди людей?

И тут взгляд его остановился на трех предметах, лежавших перед одним из подъездов. Это были камень, ножницы и бумага. "Это знак", - подумал Костя и подобрал камень - он всегда выбирал камень в этой знаменитой игре. Положив камень в карман, Костантин вошел в подъезд.

Перепрыгнув через лужу мочи у входа, он пошел вверх по лестнице. Сверху доносились обрывки разговора. Переступив через лежавшие на лестнице трупы попугая и хомяка, Костя ускорил шаг.

На пролете между этажами незнакомая девушка, затягиваясь время от времени папиросой, разговаривала на повышенных тонах по мобильному телефону.

– Да, все нормально! Да, я выспалась! – Орала в трубку она.

– Ах ты ж сука, и ты туда же! – не помня себя закричал Костя, в три прыжка одолел лестничный пролет, выхватил из кармана камень и раскроил несчастной череп.

Преступление, как ни удивительно, внесло покой в душу нашего героя. Он вальяжным движением стер с орудия убийства отпечатки пальцев, вышел из подъезда и неспешным шагом пошел домой. Дома Константин лег спать и спал несколько дней, после чего во сне к нему явилась смерть и забрала его с собой.

***

"Father? - Yes, son? - I want to kill you". – Звучало в голове Носа. В тот день на площади бесплатно раздавали молоко "Подояринцев". "Подояринцев" - молоко, которое пьет даже футболист Подояринцев. Хорошая реклама, но владельцы предприятия на этом не остановились и решили раздавать свой продукт бесплатно на центральной площади города, сделать его потребление массовым. Улицы были завалены пакетами из-под молока, разбросанными падкими на дармовщину и неаккуратными горожанами.

Открыв дверь подъезда, Нос сморщился от резких запахов – воняло мочой и несвежими трупами. Первое объяснялось легко, кто-то справил малую нужду прямо перед входом. Лужа была такой огромной, что ее невозможно было переступить. Зато какой-то умник проложил к ступенькам импровизированный мостик из досок. Пройдя по этому нехитрому сооружению, Нос начал свой подъем по лестнице. Между первым и вторым этажом ничего примечательного его взору не открылось.

Между вторым и третьим на ступеньках лежали трупики собаки, попугая и хомячка. Другой человек призадумался бы, что же здесь произошло, но Нос не был любопытен, кроме того был поглощен своим замыслом. Но то, что предстало перед его глазами между третьим и четвертым этажами заставило притормозить даже равнодушного ко всему Носа. Не площадке между этажами лежало мертвое тело молодой девушки. Череп ее был проломлен, руки измазаны краской, рядом с трупом лежала пачка папирос "Герцоговина-флор". Чуть в стороне валялся паспорт. "Ай-яй-яй," – с жалостью в голосе произнес Нос, переступил через мертвую и продолжил восхождение. Дойдя до пятого, он остановился и позвонил в одну из квартир. Не прошло и полминуты, как пожилой мужчина открыл дверь, даже не заглянув в глазок.

– Привет, сына, – поздоровался с порога старик, – проходи.

– Привет, батя, – ответил Нос, после чего вошел, прикрыв за собой дверь.

Отец Носа был человеком, как уже говорилось, немолодым, но вполне хорошо сохранившимся. Лицо его, правда, выдавало в нем старого пьяницу, но во всем остальном мужчина тянул лет максимум на пятьдесят. Одет пожилой человек был вполне типично как для пенсионера с постсоветского пространства: в старые заплатанные тренировочные штаны и старую же рубаху. Да и вообще, помимо отменного здоровья, никаких черт, отличительных от черт других пенсионеров, обнаружить в отце Носа было практически невозможно.

– Чай будешь? – Спросил сына наш новый герой.

Нос кивнул и прошел в комнату, хозяин же квартиры отправился на кухню ставить чайник. Нос, войдя в комнату, первым делом подошел к окну. Около минуты смотрел он на двор сквозь стекло. Затем, тихо вздохнув и рывком оторвав руки от подоконника, Нос развернулся на сто восемьдесят градусов и крикнул:

– Пап, подойди сюда!

– Да, стряслось что? – Взволнованно спросил отец, входя в комнату.

– Стряслось, батя. Я собираюсь убить тебя. – С этими словами Нос

извлек на свет Божий свой ТТ и наставил его дулом на отца.

В это время произошло то, чего не ждал не только потрясенный до глубины души старик, но и злоумышленник Нос. Дверь гардероба внезапно открылась, и из нее вылез человек в костюме клоуна. На голове незваного гостя красовалась широкополая шляпа с бубенчиками, в руках он сжимал огромный мачете.

Подкравшись к оторопевшему пожилому человеку сзади, новоприбывший улыбнулся, поднял свое оружие и ловко оттяпал несчастному голову. Триумфально подняв отрезанную часть тела за волосы, клоун громко рассмеялся.

Отсмеявшись, убийца положил голову на пол, посмотрел на Носа и картинно протер глаза, после чего снял шляпу и низко поклонился, позванивая бубенцами.

– Разрешите представиться – Бим, ха-ха-ха. Выпускник Коклоу, дипломированный клоун.

Сказав это, Бим вновь взял голову за волосы и вышел из комнаты.

Нос на негнущихся ногах подошел к окну, на этот раз он стоял здесь минут пять, глядя сквозь стекло невидящим взглядом.

– Чертовщина, - наконец выдавил из себя Нос, взял пистолет и отправился на кухню, откуда доносился какой-то странный шум.

Бим, стоя у газовой плиты, смотрел на стоящую над огнем большую кастрюлю и тихонько посмеивался. В кастрюле он варил голову своей жертвы. Он так увлекся этим занятием, что не обратил на сверлившего ему спину ненавидящим взором Носа ровным счетом никакого внимания, а зря. Нос, несмотря на свое недавнее намерение убить отца, горел желанием отомстить за смерть оного. Он положил оружие на кухонный стол, четким выверенным движением сбил с клоуна шляпу, взял его за волосы и окунул голову в кипящую воду. Спустя короткое время выпускника Коклоу не стало.

Нос еще долго стоял на кухне, задумчиво глядя на обожженную руку и радуясь осуществленной мести. Впрочем, в конце концов, он

помрачнел. "Эх, батя, батя, – подумал он, – войну прошел, а сгинул от руки клоуна".

***

Я вхожу в подъезд и открываю почтовый ящик. Мне почти никогда не пишут, но привычка ежедневно проверять ящик на наличие корреспонденции неискоренима. Вообще-то я с детства мечтаю о почтовом голубе. Можно было бы за это время и разжиться уже этой полезной птицей, но мне слишком сложно заставить себя решать бытовые проблемы, это один из основных моих недостатков. Если вспомнить коронную фразу музыканта Кепелова "Ты не животное, надо себя заставлять!", которую он говорит на каждой пьянке наименее выносливым в плане употребления алкоголя товарищам, можно сказать, что я ближе к животному. Не люблю себя заставлять. Интересно, может ли себя заставлять человек-животное? И как он вообще, черт побери, выглядит?

Внутри ящика я нахожу письмо от своего старого знакомого Антона. Мы с ним редко общаемся, хотя я уважаю его как мечтателя. Интересно, какого черта он мне пишет? Проще было позвонить. Поднимаюсь по лестнице, открываю дверь квартиры, вхожу, снимаю верхнюю одежду и уличную обувь, устраиваюсь в комнате на диване и распечатываю письмо. Нет, темновато читать, надо включить верхний свет - включаю. Так, посмотрим, что он пишет...

***

"Уважаемый Полиграф,

Я пишу именно тебе не потому, что я тебе доверяю, и даже не потому, что хочу попросить об услуге. Просто ты - самый иррациональный и психоделический чувак в кругу моего общения. Ты коллекционируешь мусор, собираешь тупые истории, исследуешь жизнь. Думаю, в момент прочтения тобой письма меня уже нет в живых.

Недавно на меня снизошло откровение, мне открылось, что случается с людьми после их смерти. Имеется два варианта загробной жизни.

Первый. Умерев, человек попадает в серую комнату. В комнате постелен грязный антиэстетичный линолеум, стены похожи на больничные. Окна и двери отсутствуют. Комната освещена светом непонятного происхождения, что сильно напрягает. На стене табличка "Бога нет". Так и приходиться сидеть веки вечные. Пленнику комнаты хочется есть, ему скучно. Он даже помолиться не может, потому что некому.

Второй. Человек попадает в другую комнату, тоже без окон и дверей, но раскрашенную в ярких красках и освещенную разноцветными лампочками. На стене табличка "Бога есть". В комнате есть кресло, в нем удобно устроилась Бога. Она курит длинную тонкую трубку. Бога - довольно необычное существо с шестью лапками, мохнатой головой, она чем-то похожа на пчелку, только без крыльев. "Привет, я - Бога", - представляется Бога. Затем она на протяжении долгих веков подшучивает над гостем, издевается над ним, травит анекдоты и хохмы. В принципе, существо беззлобное и где-то даже милое, но ужасно доставучее.

Как видишь, ничего хорошего после смерти нас не ждет. Так что придется выкладываться на максимум в этом мире. Так устроим же хорошее шоу!

Успешного общения с Богой, когда придет твое время,

Антон.

После прочтения сжечь".

***

"Вообще-то я вполне рациональный человек. И это очевидно", - думаю я, сжигая письмо. И мусор я не коллекционирую. Просто однажды моя муза подарила мне немного мусора. Я положил его в спичечный коробок и некоторое время носил с собой, такой вот необычный талисман. Но муза, узнав это, отчитала меня и сказала, что я должен хранить это дома. Теперь коробок с мусором лежит у меня в маленьком деревянном сундучке вместе с деньгами моей советской родины. В моих детских играх этот сундук играл роль пиратского клада.

Вместе с тем в нашем городе есть настоящий коллекционер мусора. Невдалеке от главного здания Харьковского национального университета им. Каразина есть детская площадка. Если регулярно сидеть на лавочках на территории площадки и пить пиво, можно увидеть немало занимательнейших личностей. В том числе и коллекционера мусора. Он ходит по дорожкам с огромной тачкой, иногда толкая ее перед собой, чаще же везя ее за собой за ручку, обходит все имеющиеся урны. Он всегда в шляпе и в элегантных перчатках. Коллекционер выгребает из мусорок объект своей страсти, бережно и внимательно, складывает добычу в тачку. Затем он уходит домой. Вернувшись, смотрит на портрет ушедшей к любовнику супруги, горестно вздыхает и метает в глаз изображения своей бывшей второй половины остро наточенный кухонный нож. Снимает перчатки, тщательно моет руки под струями холодной воды, идет на кухню и ест мюсли. Покончив со скудной своей трапезой, моет посуду, возвращается в прихожую и перекатывает тачку в комнату. Там он выгружает все на пол, тщательно перебирает, откладывает лучшие экземпляры мусора и работает над мусорным натюрмортом, своим хобби, он художественно располагает добычу на полу, время от времени перекладывает сор, добиваясь гармонии, совершенства. Неподходящий же материал впоследствии отправляется в мусоропровод. Наш герой весьма прихотлив, за новым мусором ходит он в среднем раз в неделю, над натюрмортом работает уж месяцев семь, а готова едва ли половина.

Утром на лавочке просыпается дух огня. Ранее я думал, что у него

есть дом. Но один странник, носящий нерусское имя SSS(Some Strange Subject) поведал, что это не так. На самом деле дух огня - бомж, он бродит по миру, возвращаясь спать каждую ночь на одну и ту же лавочку неподалеку от детской площадке. Дух огня носит красную бороду, огненные длинные волосы, красный камзол и красные же высокие сапоги. Он весел и добродушен, знает много хороших историй. Единственное - не стоит его обижать, вести себя некультурно в его присутствии, это чревато неприятными последствиями, в особенности для курильщиков. Они рискуют всю жизнь покупать проклятые зажигалки, не зажигающиеся у них в руках, и это в лучшем случае. Ведь есть еще проклятые зажигалки, опаливающие брови, ресницы и волосы, и даже выжигающие глаза - такие попадаются прогневившим духа огня гопникам. Помимо гопников дух огня ненавидит милицию. Когда представители этого ведомства пытаются разбудить его, спящего на лавочке, или же проверить у него документы, дух огня испепеляет несчастных людей в форме без предупреждения. У него нет документов, они ему не нужны, и он очень не любит, когда его будят. В центре города нередко можно увидеть горстки пепла, некогда бывшие милиционерами. Многие прохожие плюют на них до тех пор, пока не приходят коллеги убиенных, не сгребают бережно, роняя слезы, пепел в совок и не уносят на кладбище.

Меж играющих детей петляет велосипедист, похожий на Пиздеца Иваныча. Помимо внешней схожести - не хватает разве что божественного блеска в глазах и знаменитой пиздецовской ухмылки - он схож и по роду занятий - велосипедист занимается сбором бутылок. Разумеется, бутылки с остатками пива, оставленные в жертву вышеупомятому божеству велосипедист не трогает. Пусть он и не в состоянии остановить других боттлхантеров, готовых даже на такое кощунство, но сам достоинства не теряет. За спиной этот человек носит рюкзак с пластинками, на которых записаны концерты старых рок-н-ролльных групп, он очень дорожит ценными записями и боится оставлять их дома. Вполне возможно, впрочем, что изредка здесь бывает и сам Пиздец Иваныч, собирает принесенные ему жертвы. Возможно, он тоже приезжает на велосипеде и веселит ребятишек, спускаясь на нем с детских горок и перепрыгивая качели.

Перечисленное мною – лишь ничтожная доля происходящих здесь чудес, но история моя не совсем об этом, посему прервемся.

***

Вот я и на детской площадке, встречаю там старого знакомца Носа. Он сидит на лавочке и пьет водку из горла, закусывая плавленым сырком. Рядом с ним стоит сумка.Подхожу, здороваюсь.

– Ну, как там ваш Клуб паталогоанатомов?

– Да никак. Пиздец клубу, – угрюмо отвечает мой знакомый.

– Что так? - Удивляюсь я. – Ведь с таким энтузиазмом работали.

– Да, нечего там рассказывать. Некрасивая история вышла... Давай выпьем лучше. У меня отец умер, помянуть надо. Он протягивает мне бутылку и сырок, я пью, закусываю.

Вдруг я случайно цепляю ногой сумку Носа, и та раскрывается. Моему взору предстает обложенная подтаивающим льдом голова какого-то мужика.

– Что это? – Изумленно спрашиваю я. Вообще-то не привык лезть в чужие дела, но не так часто встречаешь людей с чьей-то головой в сумке.

– Это, дружище Полиграф, голова моего бати. Он завещал похоронить ее в местах его боевой славы. Я, значит, допью сейчас, и сразу на вокзал, поеду завет исполнять.

"Любовь это наше все, хотя если ее нет, ничего не меняется - мы бухаем, чтобы почувствовать вкус воды – кстати, как фамилия Лены, не помню, блядь, хоть убей – что за бред – похоже вырубаюсь," – такие мысли пронеслись в моей голове, и я заснул.

Проснулся я на лавочке, оттого, что меня кто-то тряс за плечо. Это был милиционер. Нос уже ушел, и слава Богу, как бы он объяснил этому бездуховному существу в форме, почему у него голова в сумке?

– С Вами все в порядке, молодой человек? – Спрашивает работник милиции.

– Иди к черту, - отвечаю я.

Глава 10

Место было крайне неприятным, хотелось убежать, но в комнате отсутствовали окна и двери, бежать было элементарно некуда. Темно, но не так, как ночью, а как-то неприятно темно, такое впечатление, что все вокруг заполнено какой-то темно-коричневой вязкой субстанцией. Было очень холодно.

В какой-то момент я осознал, что это сон, после чего едва не проснулся. Мне стоило больших усилий удержать картинку, но усилия были приложены, и меня не выкинуло. Не самый лучший сон, разумеется, но все-таки интересно, у меня большие проблемы с практикой сновидения, приходится цепляться за любую возможность.

Надо сказать, мои старания были вознаграждены сполна, даже более чем следовало ожидать.

В какой-то момент комната заполнилась мягким светом и прогрелась до приемлемой температуры, я осмотрелся. Ни дверей, ни окон действительно не было, я не проглядел в темноте. Мебели тоже не было. Из стен росли волосы черного цвета, они были измазаны какой-то зеленоватой гадостью.

Помимо света и тепла в комнате возникла еще одна персона, вероятно, эти самые свет и тепло с собой и принесшая. Это был ни кто иной, как Сотона, Князь Добра и Света. Он повисел немного в центре комнаты, затем сотворил из пустоты два кресла и уселся на одно из них. Второе он жестом предложил мне, я не преминул воспользоваться оказанной любезностью. Устроившись поудобнее, Сотона поздоровался:

– Привет, Полиграф. Как спится?

– Привет. Неплохо, только местечко не из приятных, не так ли? Что это за шняга на стенах?

– Мне-то откуда знать? – Изумился Князь Света и помял руками свое огромное пузо, – Я не зонимаюсь дизайном снов. Кокая разница?

– Так, любопытствую... Зачем мы здесь?

– Ты хороший чувак, Полиграф, – получил я впервые в жизни поощрение со стороны высших сил, – я собираюсь помочь тебе. Я знаю, ты ищешь двери.

– Ищу, – согласился я, – то есть вообще ищу, в этой комнате они не требуются. Из нее и так выйти можно. И моя любимая группа "The Doors" здесь ни причем.

– Я это и имею в виду. Я помогу тебе открыть дверь. Хоть и не совсем ту, что ты ищешь, но это поможет тебе в поисках.

– Не совсем ту?

– Да, но тебе будет интересно, – уверенно сказал Сотона, – наверняка. Я научу тебя открыть на один день дверь в шестьдесят восьмой год. Причем, не в Харьков шестьдесят восьмого, а в твой шестьдесят восьмой.

– Но меня на свете не было тогда, – удивился ваш рассказчик.

– Не было. Но твой шестьдесят восьмой - шестьдесят восьмой твоего воображения. Ты рок-н-ролльщик, а это было время, когда рок-н-ролл был не просто музыкой. Он значит для тебя много.

– Да, тогда вышел альбом Pink Floyd'a "Piper at the gates of dawn". Переворо...

– Он в шестьдесят седьмом вышел, осел. – возмущается Сотона. – Стыдно такого не знать. А еще меломан. Не перебивай, у нас мало времени. Слушай внимательно. У тебя на балконе стоит старая дверь, которая

некогда была входной. Она там не нужна. Выбрось ее. Ты должен сбросить дверь с балкона, тогда она станет той дверью, что тебе требуется.

Сказав это, Сотона растворился в воздухе. Он любит уходить эффектно.

***

Я проснулся и сразу же вскочил с кровати. Надо действовать, путь мой лежит на балкон. Выхожу, вдыхаю свежий ночной воздух, наслаждаюсь обволакивающей меня тьмой. Скоро рассвет, я пью последние капли тьмы. Сделав подряд несколько глубоких вдохов и выдохов, возвращаюсь в комнату за сигаретами. Сигареты прекрасны во всех отношениях, ими только надо уметь правильно пользоваться. Казалось бы, все просто - зажигай и кури, но это лишь поверхностный взгляд. Нельзя превращать курение в дурную привычку. Надо наслаждаться связью с дымом, любой дым прекрасен, а табачный в особенности. Никотин это наркотик, и самое замечательное, что недостаток никотина это тоже наркотик. То есть курильщик может получать удовольствие, как от курения, так и от отсутствия возможности курить.

Беру сигареты, иду обратно на балкон, закуриваю. Прочищаю сознание, вспоминаю. Я обычно плохо запоминаю сны, но сегодняшний отложился в памяти отчетливо. Гляжу на старую дверь, решаюсь. Докуриваю, беру дверь обеими руками и сбрасываю с балкона, стараясь отбросить как можно дальше от окна, чтобы соседи ничего не поняли. Также пытаюсь не попасть на асфальт, чтобы было меньше шума, мне это удается.

Вспоминаю случай, происшедший с одним моим другом. Однажды ночью мы зависли на хате на Холодной Горе. Курили на балконе. И вот во время одного из перекуров этот парень загорелся идеей осквернить соседскую клубнику, он расстегнул штаны, встал на табурет и помочился вниз. Этот человек вообще отличался редкой любовью к бытовому

анархизму. Так вот, сколь велико же было его разочарование поутру, когда мы обнаружили, что клубника растет в другом месте, под балконом же ничего, кроме сорной травы, нет.

Что ж, дело сделано, можно вернуться и еще немного поспать. Что я и делаю.

***

Просыпаюсь четко в одиннадцать часов одиннадцать минут. "Одиннадцать одиннадцать в Столице мира, - громким командным голосом провозглашаю я, - время подрываться, Полиграф! Пора бы убедиться, не наебала ли тебя эта толстая тварь". Разумеется, некрасиво так отзываться о Сотоне, но он не обидчив, да и не любит подслушивать. А я хам, у меня такой имидж. Строевым шагом марширую в совмещенный санузел, отливаю, привожу себя в порядок. Принимаю душ. В новый мир необходимо входить чистым, во всех смыслах этого слова. Иду на кухню, варю кофе в турке. Обычно я пользуюсь кофеваркой, но раз в год предпочитаю турку. Съедаю кусок медовика - с утра лучше всего идет сладкое, выпиваю кофе, выкуриваю сигарету. Настало время выйти на улицу и посмотреть на результаты, надеюсь, они не ограничатся пиздежом соседей. Интересно, что это - мой шестьдесят восьмой? Одно радует, это не произошло со мной в более раннем возрасте. Лет до семнадцати-восемнадцати я не умел создавать образы в своем сознании. Если я пытался представить себе какого-нибудь человека или предмет, мне, как правило, представлялось слово - имя этого человека или предмета - написанное на темном фоне. Не помню уже, каким цветом, возможно, разными. Или, в лучшем случае, очень слабый и расплывчатый образ, состоящий, впрочем, процентов на восемьдесят из текста. То есть мир моего воображения представлял собой текст. Мечта постмодерниста.

Выхожу во двор. Двор как двор, ничего особенного. Деревья за ночь не выросли. Хотя... Что это? Вижу троих скинов, они избивают Джими Хендрикса.

– Получай, долбанный ниггер. Не сиделось тебе в Африке, теперь ты горько об этом пожалеешь.

Джими явно ширнулся, он неадекватен. Тут дело не только в том, что он уже получил немалую порцию ударов от нацистской молодежи, никакие кулаки и берцы не могут произвести такого эффекта.

Подавляю в себе порыв помочь, мне, разумеется, жаль Хендрикса. Но в конце то концов, он давно умер. И умер не так как все приличные американские музыканты, не в двадцать семь лет, а в двадцать восемь. Интересно, что будет, если рок-идол погибнет во второй раз. Но ответа на этот вопрос я не получаю.

Джими каким-то чудом доползает до гитары и преображается. Это больше не избитый негр-наркоман, это воин. Он вскакивает на ноги и со всей силы бьет одного из скинхедов гитарой по голове. Тот вырубается. Хендрикс с поразительной легкостью уворачивается от двоих оставшихся и несколькими ударами своего инструмента отправляет в нокаут второго. Затем музыкант вырывает из гитары одну струну и душит ей последнего оставшегося. Расправившись с неприятелями, великий гитарист бьет струной о гитару и та словно бы врастает на место. Теперь все окружающие, а это, впрочем, только я да черный кот на лавочке, могут насладиться игрой живого Джими Хендрикса. Или мертвого? Живой игрой, во всяком случае, музыкой с рок-н-ролльных небес.

***

Сыграв несколько песен, Джими достает бутылку виски, отхлебывает и передает мне. После того, как я делаю пару добрых глотков, он забирает бутылку и протягивает мне гитару с такими словами:

– Возьми, сыграй. Не важно, если ты не умеешь. Это волшебная гитара, здесь не нужно ни мастерства, ни тренировок, ни слуха. На ней играют душой. Если у тебя есть в душе музыка, пальцы сами сделают все

необходимое.

Я беру гитару и трогаю струны. Лучше бы я этого не делал. Недавно я принял душ, я долго стоял под струями горячей воды, кожа на пальцах размягчилась. Железные струны наносят мне ощутимые порезы, после чего при всем желании я играть не могу. Приходится возвращаться домой.

Вернувшись, первым делом достаю из бара бутылку водки. Предпочитаю дезинфицировать порезы именно таким путем. Или спиртом - всему остальному я не доверяю. Промыв порезы, я прикладываю к ним бумагу. Это отличное средство для остановки крови, лучших я не знаю. Глянцевая бумага, естественно, не годится, а вот газетная или даже элементарно туалетная - в самый раз. Думаю, бумагу пора включить в аптечку, аптечку же продавать вместе с набором "Кепелов". Проведя все вышеуказанные процедуры, я наливаю в стакан водки, выпиваю, жду, пока кровь свернется, дабы продолжить свое путешествие.

Непросвещенным стоит объяснить, что "Кепелов" - военный набор, в который входят очки, камуфляж или, как его в данном случае стоит называть, "камок" и берцы. Назван этот набор в честь великого музыканта Кепелова, прославившегося после выхода его легендарного альбома "Я вынослив". Кепелов - удивительный человек, человек-парадокс. Он способен одновременно месяц не пить и всю ночь бухать. Думаю, стоит закончить рассказ о нем, так как этот человек заслуживает отдельного романа, наша же история совсем о другом. Кроме того, кровь уже остановилась, и я могу продолжить исследование своего шестьдесят восьмого. Разумеется, у меня есть и другие возможности прожить сей день. Я могу, к примеру, заняться у себя в квартире ловлей кузнечиков. Их тут в последнее время много развелось. Не понимаю, как эти шустрые насекомые умудряются запрыгивать на третий этаж. Ловить кузнечиком - занятие концептуальное, но сегодня неуместное.

***

Выйдя во двор, замечаю, что Хендрикса здесь уже нет. Видимо скрылся, или менты забрали. И трупов тоже больше нет. Зато посреди детской площадки выступает группа "Jethro Tull". Раньше я думал, что это какой-то голимый металл, но, к счастью, по счастливой случайности выкачал творчество этого ансамбля из локальной сети, этого гениальнейшего изобретения человечества, давшего мне путь к познанию музыки лучших исполнителей мира. Оказалось, и не металл это вовсе. Пацаны играют "Beggar's farm", здорово.

Интересно, удастся ли мне сегодня покинуть свой двор? И везде ли происходят такие дела? Или, быть может, только там, где я нахожусь. В любом случае я не могу отказать себе в удовольствии послушать молодых "Jethro Tull".

Народу во дворе собралось порядочно. Видимо слухи о концерте легенд рока разлетелись по городу. Впрочем, если бы наш народ верил в чудеса, здесь была бы уже такая давка, что не дай Бог. Я впервые в жизни радуюсь приземленности, ограниченности и тупорылости своих земляков. Хотя, пожалуй, все же не впервые. Но все равно такое редко случается.

В перерыве между песнями к Иану Андерсону подходит молодой человек в клетчатом костюме и в очках, в глазах его фанатичный блеск. У меня мелькает мысль, что сейчас в некотором роде повторится история с Джоном Ленноном. Вот только интересно, как отреагирует настоящий Андерсон на появление в городе Харькове, в котором он, скорее всего ни разу не был, трупа его из шестьдесят восьмого. Чувствуют ли вообще что-либо настоящие музыканты? Хендрикс, разумеется, давно мертв, но ведь джетроталльцы живы. Парадокс получается почище, чем в фильме "Назад в будущее".

Вглядевшись, узнаю этого парня. Это харьковский рок-музыкант, я видел его на одном из концертов, когда ходил послушать "Ancestral damnation". В клубе выступало несколько команд, я все не дослушал, но команду парня в очках все-таки застал. Их особенно выделяли, так как у них в коллективе имеется скрипачка. Непонятно, к чему столько восторгов, скрипка в рок-группе - модно, она сейчас у многих есть, этим больше никого не удивишь. Девочка, правда, довольно симпатичная, но ведь к музыке это отношения не имеет.

Вышеупомянутый молодой человек похож на хиппующего студента из Америки шестидесятых. Проживая в наши дни, он тем не мене как нельзя хорошо подходит к имеющейся картине открытой двери между настоящим временем и шестьдесят восьмым годом. Больше всего парень напоминает мне того мужика, что вел вместе с постаревшей, но все еще неотразимой Грэйс Слик передачу о концертах в Европе группы "The Doors". Тому, правда, было лет сорок-пятьдесят, но думаю, что в молодости он был именно таким.

Приблизившись к лидеру группы "Jethro Tull" практически вплотную, харьковский музыкант некоторое время восхищенно смотрит на Андерсона, затем открывает рот и насыщенным почтением голосом произносит:

– Иан, Вы лучший флейтист в мире.

– Ну, парень, ты, бля, попал, – с неожиданной злобой отвечает Иан Андерсон, – я и мои друзья, мы, чувак, делаем охуенную музыку. Мы пишем ее в соавторстве с самим Богом, и мы слышим музыку Его, и, поверь, мы не намного хуже. И все это для того, чтобы ко мне, звезде рок-н-ролла, музыканту группы "Jethro Tull" подошел какой-то мудак в клетчатом костюмчике и сообщил, что я лучший флейтист? Я те покажу лучшего флейтиста.

Разъяренный музыкант отводит назад правую руку и, сжимая свой инструмент в кулаке, вонзает его моему восторженному земляку прямо в глаз, флейта пронзает мозг и упирается в черепную коробку, жертва падает замертво.

– Будь моя флейточка немножко длиннее, я бы всунул ее этому гаду в зад так, что конец ее вышел бы у него изо рта, - с садистскими нотками в голосе говорит убийца.

Публика еще не отошла от шока, все стоят и тупо смотрят на музыкантов, глаза людей не выражают ничего: ни страха, ни любви, ни ненависти. Андерсон тем временем вытаскивает флейту из глаза убиенного и применяет ее подобным же образом к одному из зрителей, становится одним мертвецом больше.

– Поймите, уроды, – оповещает окружающих Иан, – назвать меня

великим флейтистом – это даже худшее оскорбление, чем, если бы вы меня Гансом Христианом Андерсеном обозвали. Меня так детишки из моего двора называют, суки, ненавижу их. Еще и сказочку просят рассказать. И ведь приходится же рассказывать. Когда-нибудь я сорвусь и передушу их всех до единого. Пока же вы, твари, станете жертвами моего справедливого возмездия. Великий флейтист, бля. Это как плевок в лицо. У нас нет великих и невеликих, флейтистов и гитаристов, лидеров и лохов, у нас команда, мы "Jethro Tull", и мы даем миру совершенно новую музыку...

Андерсона несло, неизвестно, сколько бы еще длилась его проникновенная речь, но тут произошло то, что и должно было произойти: толпа ожила. Окружающие набросились на Иана Андерсона, а за одно и на остальных рок-звезд, повалили их на землю и принялись бить ногами, били с остервенением, насмерть.

Избиение рок-идола переходит в самую обыкновенную массовую драку. Не люблю участвовать в подобных мероприятиях, предпочитаю дуэли. Хотя определенный эстетизм в этом все же присутствует, кровь всегда красива, каким бы путем она ни появлялась.

***

От созерцания батальной сцены меня отрывает девушка в пенсне, та самая, что пила со мной в момент краха моей музыкальной карьеры. Я так и не выяснил тогда ее имени, впрочем, оно и не имело значения.

– У тебя больная фантазия, Полиграф, – уведомляет она.

– Знаю. Слушай, кто ты? Старая знакомая или незнакомка? И то и другое определение кажется верным, как ни парадоксально.

– Можешь называть меня Маргаритой. – Отвечает юная леди. – Идем пить портвейн, пока ты не опорочил всех рок-звезд шестидесятых.

– Идем, соглашаюсь я. – У тебя с собой?

– А как же, – тпотрясает она пакетом.

Я забираю у нее портвейн, и мы идем в тот самый детский сад, садимся в павильоне. Очень странное место, здесь почти нет детей, зато нередко можно встретить гопников. Гопники ходят по аллеям, моются в детсадовской душевой. Иногда призраки гопников смотрят из окна на случайных посетителей.

Стаканов нет, я достаю из пакета ножницы и откупориваю бутылку, пьем по очереди.

– Пей осторожно, – говорю я, – постарайся не проглотить Ллойда, который живет в бутылке.

– А что будет, если его проглотить?

– Алкоголь не принесет тебе удовлетворения, - объясняю, - кроме того, если ты выпьешь осторожно и не проглотишь Ллойда, ты можешь загадать желание, оно сбудется.

– А Ллойд пьет? – Старается выяснить все подробности Маргарита.

– Нет. Он дышит алкоголем. Сказать, что Ллойд пьет то же самое, что сказать, что человек пьет воздух.

– Что же происходит с Ллойдом, когда бутылка допита, Полиграф? В зависимости от того, проглочен ли он.

– Последнее не имеет значения. Ллойд возрождается в другой бутылке. Как феникс, можно сказать, что он бессмертен.

– И последний вопрос: что если пьют одновременно из нескольких бутылок.

– Это и есть самое удивительное, – говорю я, – Ллойд в каждой из бутылок. Но это один и тот же Ллойд, понимаешь. Она кивает, поднимается и уходит. Я остаюсь в одиночестве. Через несколько минут ко мне подбегает черный кот, он приносит с собой пластиковый стаканчик. Наливаю коту портвейна, он пьет.

– Будь осторожен, кот, не проглоти Ллойда, – предупреждаю я.

– Мяу, - отвечает кот.

Часть вторая. Музыка для юродивых.

Глава 1

Случается, когда я бреюсь в ванной, я слышу тишину. Появляется осознание, что шум текущей воды, доносящееся сверху пение сидящего на унитазе соседа, все эти звуки привычной реальности - на самом деле лишь галлюцинации, их нет. Я слышу тишину, и мне это нравится.

Также случается, что, глядя в зеркало, я вижу там чужого человека.

Отражение похоже на меня, но оно ведет себя как-то неправильно. Трудно выразить словами, в чем эта неправильность проявляется, думаю, многие люди ее просто не замечают, они и не подозревают, что заглядывают в волшебный мир Зазеркалья. Мне в такие моменты часто представляется голодная толпа, крушащая все на своем пути с единственной целью - пожрать. Питание - мирское, бездуховное занятие. Еда приносит удовлетворение лишь во время потребления, после окончания трапезы появляется ощущение внутренней пустоты и неудовлетворенности. Но приходится есть. Изначально люди не нуждались в пище, я понял это недавно.

Однажды в столовой "Горка" одна глупая женщина прочитала мне лекцию о вреде курения. Организм человека вырабатывает никотиновую кислоту. Когда же он начинает курить, организм снимает с себя эту обязанность и никотин поступает в кровь посредством курения, появляется зависимость. Я понял, что перворожденные люди не ели. Все необходимые для существования вещества вырабатывались самопроизвольно. Но однажды один тип, которому было скучно, попробовал употреблять пищу, это стало модным. Мы видим результат - уже долгое время вследствие генетических мутаций многие поколения людей нуждаются в еде. Более того, еда правит современным миром, культ поглощения пищи сводит людей с ума, заставляет их позабыть о своих моральных принципах и духовных потребностях и, не замечая ничего вокруг, жрать.

***

Я возвращаюсь домой теплым вечером, созерцаю звезды и греюсь в тепле тьмы. Но нехорошее предчувствие омрачает мой душевный покой. Обычно я чувствую себя в полной безопасности с наступлением темноты, но сегодня тьма, похоже, отвернулась от меня, видимо, обиделась за что-то мне неведомое. Что-то нехорошее должно произойти. Может быть, меня побьют? Это вряд ли. Обычно обстоятельства более непредсказуемы по отношению ко мне.

Однажды произошел забавный случай, который только со мной, Полиграфом, вероятно и мог произойти. Предыстория - шел утром по своим делам, навстречу мне немолодой мужик. "Который час, не подскажете, молодой человек?" - спросил он. Я ответил, после этого старик удивил меня, он сказал: "Молодой человек, я очень хочу угостить Вас конфетой", причем таким тоном, словно если я откажусь, он заплачет и пойдет вешаться. "Что за отстой", - подумал я, взял конфету, сказал "спасибо" и поспешил ретироваться. Теперь сама история. Этим же вечером я возвращался домой с пьянки. Я выпил водки, но пива выпить не удалось, чувствовалась некоторая неудовлетворенность. Было состояние скуки. По пути мимо меня прошел парень гоповской внешности, проходя мимо, он пробормотал что-то неразборчивое, типа "во, блядь". Как я уже говорил, мне было скучно, я повернулся и спросил: "Что значит это твое "во, блядь"? Че те надо? Как Вы смеете?" Может, скажет что-нибудь интересное, или хотя б в морду мне даст? Не тут то было, по лицу получить не судилось. Он протянул мне кулек и сказал: "Вот, угощайся". В пакете были конфеты, я взял одну. "Еще бери", - настойчиво сказал он. Я взял еще одну. "Еще бери", – настаивал парень. "Да нет, спасибо, мне хватит, благодарю", – предпринял я попытку отказаться. "Нет, еще бери. Третью бери". Три – магическое число, я взял третью, мы похлопали друг друга по плечу и разошлись. Так бывает.

Пока я вспоминаю этот случай, случается беда. Навстречу мне гордой походкой выходит стая бродячих псов. Они побороли рабскую собачью натуру, глаза их горят огнем жестокости, они страшнее волков. "Приехали," – понимаю я. Не умею находить общий язык с собаками, тем более, вряд ли удастся найти его с этими одичавшими зверюгами. Неужели столь бесславный конец?

Поворачиваюсь и пускаюсь в бегство, уповая на счастливый случай и молясь всем известным и неизвестным богам. Слышу за спиной топот мягких лап и угрожающее дыхание. Что это? Похоже, спасение найдено, передо мной высокий забор какого-то частного дома, перемахиваю через него одним прыжком. Страх придает сил, если уметь им управлять. Бегу вглубь двора. Хозяйский пес, скуля и поджав хвост, забивается в будку, свиньи и куры беспорядочно мечутся, предчувствуя опасность. Мои преследователи даже серьезней, чем я предполагал. Они тоже перепрыгивают через забор. Никогда не думал, что собаки могут прыгать так высоко, очевидно, это не совсем собаки, скорей какие-то исчадия ада,

вырвавшиеся в наш мир. Бежать некуда, оборачиваюсь к преследователем, дабы принять смерть достойно и в бою. Но тут случается чудо. Бродячие псы подбегают к свиным кормушкам и принимаются с довольным видом, помахивая хвостами, есть свиной корм и лакать помои. Никакие они не исчадия ада, даже гордыми животными назвать язык не повернется. Сплевываю на землю, перелажу через забор и ухожу.

Никогда не заведу себе собаку, мне у нее нечему будет учиться. Говорят: каков хозяин, такое и животное. Думаю, надо переиначить. Хозяин, разумеется, учит животное, но в первую очередь это животное учит хозяина. У меня был кот, он научил меня многому: правильно ходить, правильно дремать, правильно зевать... Пора завести себе нового питомца, чтобы научил меня чему-нибудь еще. Завтра отправлюсь на поиски, думаю, ноги сами выведут в правильном направлении. Скорее всего, они приведут меня в зоомагазин, что ж, интуиция подскажет. А может быть и в зоопарк, чтоб я украл там обезьяну.

Прихожу домой. Что б такого сделать? Есть идея картины - человек, который курит рыбу. Затягивается через хвост, дым же идет изо рта рыбы. Но рисовать я не умею и не люблю. Накатывает депрессивная волна, кажется, что я зря живу и зря продал арфу. Надо лечь спать. Утро вечера мудренее – хорошая пословица. Не в том причина, что утро кажется мне прекрасным, это не так, но сон - великая сила. Есть люди, которые спят двадцать три часа в сутки. Я не из таких, но когда выпадает возможность поспать часов тринадцать, это идет на пользу.

***

Поиски домашнего животного – дело ответственное. Внутренний толчок, непостижимый по своей природе, поднял меня рано утром. Ноги ведут к метро. Музыка не звучит. Некоторые люди ходят с плэйерами, я же в подобном не нуждаюсь, я имею возможность включать и выключать музыку в своем мозгу. Это разъедает мозг подобно кислоте, но очень удобно. Зато рождаются и оформляются странные строки: "Все шли по городу, в карман засунув ружья. Прохожие в пути снимали маски, богиня

лета красила животных губительной сиреневой окраской". Я всю жизнь, похоже, не высыпаюсь. Нет, иногда высыпаюсь. Не напоминает песню, но мелодично. Повторяю строки про себя, вхожу в метро, достаю ключи, вновь прячу их в карман. Постоянно возникает позыв открыть турникет ключами, а дверь в квартиру – магнитной карточкой. С пугающей регулярностью. Иногда мне кажется, что я сошел с ума, но вскоре это проходит. Предпочитаю чувствовать себя здоровым душевно и физически человеком. Интересно, часто ли люди считают ступеньки на эскалаторе? Я считаю, что невозможно их сосчитать. Одни въезжают, другие выезжают. Эскалатор непостижим. Некоторые считают иначе, можно сказать, мы живем в разных мирах. По крайней мере, мы воспринимаем мир по-разному, и между нами пропасть.

Входя в поезд, вновь прислушиваюсь к полусонным мозгам. "В мою кожу впиваются когти пещерных кошек. Я сбрасываю кожу и превращаюсь в огромного змея. Беспечная улыбка появляется на лице. Нет, кошки Пещеры Призраков! Вам не суждено заставить меня страдать!" - выдает мозг на этот раз. Что это? Послание из другого мира? Не ошиблись ли адресом? Или это привет с того света от Марка Болана? Он там не спит и ему скучно? Вот бы удивился музыкант Николай Кепелов! "На том свете отоспишься", - любит говорить он, не веря в тот свет при этом.

***

Я выхожу из метро, ноги ведут меня дальше и приводят к реке Харьков. Хотя рекой это и не назовешь, так как воды там в последние годы, пожалуй, и по колено нет, так уж повелось со старых времен - рекой сей водоем величать. А ведь раньше речка была судоходной и кишела осетрами. Икру осетринную мужики тогда скармливали свиньям, поэтому от сала пахло рыбой, и его употребляли с чаем обедневшие дворяне.

Сую руку в реку - достаю из реки рака. Не думал, что здесь еще водится живность. Похоже, следующим моим домашним животным будет этот рак. Он хоть живой? О, усами зашевелил - живой, значит, сонный

просто. Кладу добычу на землю, присаживаюсь на берегу и сам - подумать. Чем раки питаются? Кто-то говорит - планктоном, другие - мясом. Если правы первые, где я планктон возьму? От размышлений меня отрывает шорох за спиной. Оборачиваюсь и вижу Пещерного Тролля.

Не знаю, как зовут этого человека на самом деле, прозвище же закрепилось за ним с легкой руки вокалиста группы "Ancestral damnation" Егора Pink Floyda. Егор - человек вечно похмельный. Это не состояние организма, это состояние души, он почти не пьет. Думаю, когда он разбогатеет, он будет носить за плечами мешок денег, будет бродить по городу, выстукивая психоделические ритмы золотыми каблуками своих новых берцев и искать неформалов, дабы поведать им историю своего успеха. Пещерного Тролля до этого я видел всего один раз - на одном концерте тяжелой музыки. "Ancestral damnation" выступали там последними, было уже поздно, ряды меломанов редели, всем хотелось успеть на метро. Кроме того, у анцэстралов были проблемы со звуком. Казалось, что выступление обречено пусть и не на провал, но на неудачу уж точно. Ушла даже девушка по прозвищу Бульдозер, в необъятную задницу которой Pink Floyd просто таки влюбился. И, тем не менее, пусть Егор - лишь временный вокалист группы, но человек он неунывающий, артистичный и изобретательный. Он пытался спасти концерт всеми силами, активно общался с публикой, рискуя поврежденной ногой, прыгал со сцены. И его старания были вознаграждены - он увидел Пещерного Тролля, высоченного парня с довольно колоритной внешностью, за которую и прозвище свое получил, обритой головой и одетого по кепеловской моде в камуфляж и берцы. Егор не будь дурак сразу же потащил его на сцену.

– Проори что-нибудь в микрофон! – Потребовал вокалист.

– А че орать-то? – Недоуменно спросил удивленный, но счастливый Тролль?

– Да че хошь. – Благосклонно разрешил Pink Floyd.

Вокалом парень не разочаровал, доказав в очередной раз, что не зря был так прозван. "С понтом он что-то умное мог проорать, к примеру, "корпускулярно-волновой дуализм" или "уравнение Шредингера", спросил тоже", – со смехом вспоминал концерт Егор. "Да он просто стеснялся, -

возражал я, он в первый раз на таком мероприятии, до этого весь в науке был. Решил вот выбраться, поглядеть, чем простой народ живет. Вот увидишь, лет десять пройдет, и он уже доктором наук будет".

И вот оно, будущее светило науки, прямо передо мной. Ну, раз он такой умный, как я думаю, должен знать о раках все.

– Слышь, чувак, чем раки питаются, не знаешь? – Спрашиваю я.

Вместо ответа Пещерный Тролль молча подходит к раку и пинком ноги в берце сбрасывает членистоногое в воду.

– Э, ты что делаешь? - Возмущаюсь.

Не обращая на меня никакого внимания, Тролль бросается в воду. В полете он превращается в щуку. Ныряет, уплывает. Оказывается, не суждено мне завести домашнее животное. Ну и ладно, обойдусь.

Чувствую прикосновение к руке. Оборачиваюсь и вижу маленькую девочку в платьице и с косичками.

– Дядя, расскажи стишок на английском языке, - требовательно говорит она.

– Ок, попробую. Слушай: "Baby, take me to your hell. I would make it well myself. Life is full of miracles and that's nothing wrong with rock-n-roll".

– Ты это сам сочинил?

– Нет, это один великий английский поэт четырнадцатого века. – Отвечаю.

Моя собеседница смотрит на меня с укором, она чувствует ложь.

– Да, я соврал, – признаюсь я, – этого никто не писал. Это музыка Хаоса.

– Тебе бы все Хаос да Хаос. – Осуждающе говорит девочка.

– О чем ты? – Я удивлен.

– Зачем продал арфу, дурак?

– Иди к Дьяволу со своей арфой! – Завожусь я. Но девочка меня не слушает.

Она подходит к линии берега и переступает ее, медленно идет вперед, постепенно погружаясь в воду. Я замечаю, что речка стала значительно глубже, чем была недавно.

– Стой, девочка! Утонешь! – Кричу ей вслед. Она оборачивается и спокойно отвечает:

– Не утону. Я могу быть рыбой. А ты уходи, тебе здесь нечего больше делать. До встречи.

– Прощай, – отвечаю я.

***

В 23:23, то есть почти в 11:11, в воскресенье Нос и Еж вылезли на крышу девятиэтажки. В руках они держали по бутылке джин-тоника - парни всегда пили джин-тоник по воскресеньям. А еще они любили лазить по крышам: гулять по краю крыши пьяными в стельку, сидеть на том же краю и смотреть вниз, бегать, спотыкаться о невидимые преграды, падать, орать песни маньяцко-рок-н-ролльной группы "Агата Кристи".

Нос влез на парапет и схватился за провода, он любил посредством пробегающего по телу тока чувствовать город. Ведь провода опоясывают весь Харьков, ток же един и неповторим. Еж нашел стул, присел на него и обрезал скальпелем с обмотанной изолентой рукояткой провод, тянущийся от антенны.

– Хуй сегодня телевизор посмотрите, буржуи чертовы, – торжествующе сказал он и выбросил стул вниз.

Исполнив несколько песен из репертуара "Агаты Кристи", друзья присели на край – покурить да поглядеть на мир свысока. Но сидеть им пришлось так недолго. Сильный толчок в спину, и Еж пробкой вылетел с крыши. Нос не успел даже ничего сообразить, как отправился вслед за товарищем.

Лицо милиционера Андрея расплылось в довольной улыбке. Сбрасывание с крыши любителей по ней полазить было его хобби. Почти абсолютно нормальный на вид работник милиции, он мало чем выделялся среди своих коллег. Разве что часто перечитывал сказку про Карлссона. Но по ночам Андрей преображался, он бродил по крышам домов и сталкивал невнимательных любителей романтики.

Стоя на краю и глядя вниз на то, что еще недавно было людьми, милиционер Андрей торжествовал. Список его жертв пополнен еще двумя. А сколько еще впереди?.. Оказалось - ноль. Вот убийца торжествует, и вдруг, спустя мгновение, сам становится жертвой. Третье тело впечатывается в асфальт, на крыше же на фоне звезд можно легко разглядеть силуэт человека-животного.

Но немногие люди любят глядеть вверх. Так никем и не замеченный, человек-животное садиться верхом на летающего осла Вячеслава и уносится в ночь. Впрочем, предварительно осел успевает зависнуть в воздухе и нагадить на мертвое тело милиционера. По городским легендам живые люди, на которых попадает дерьмо Вячеслава, становятся механиками в аэропорту. Что случается с мертвецами – неизвестно, возможно Андрей сменит милицейскую форму на робу механика в загробной жизни, хотя вряд ли.

Мало кто знает, принадлежал ли Вячеслав человеку-животному всегда, или же у него раньше был другой владелец. По слухам в юности Вячеслав был самым обычным ослом, летать не умел. Он таскался повсюду за своим ненормальным хозяином, пока встреча с человеком-животным не перевернула его мир. Неясно, откуда взялся этот удивительный дар летать. Может от изумления, может от страха, а может это новый хозяин одарил им бессловесную скотину. Также можно предположить, что все ослы от природы способны летать, просто то ли боятся, то ли стыдятся, то ли не любят. Так или иначе, из страха ли или из восхищения, Вячеслав служит верой и правдой своему новому властелину.

Человек-животное улетает, никем не замеченный, загадочный и удивительный. Никто не знает, откуда он взялся и чего ему нужно, просто он существует и изредка напоминает о себе своими деяниями.

***

Я иду через двор недалеко от остановки "Магазин Тополек", что на Алексеевке, прохожу сквозь арку, оказываюсь в другом дворе, уже близко. Мне надо всего лишь пройти несколько метров и спуститься вниз по разбитым ступеням. Там находится недостроенный гараж, в котором нередко собираются местные фашисты – пьют водку и портвейн, бьют друг другу лицо наподобие "Бойцовского клуба", снимают любительское кино. Впрочем, гараж – не то, что мне в данный момент необходимо. Мне банально надо пройти мимо гаража в какое-нибудь уединенное место в низине и помочиться, или, как говорят в последнее время харьковские аристократы, "достать елду". Думаю, в скором времени эта фраза будет столь же необходимым атрибутом истинного аристократа, как, к примеру, чай с рыбой, или ведро для блевотины.

По дороге я встречаю дворничиху тетю Клаву. В этом дворике посменно работают два дворника – дед Василий и тетя Клава. Василий неразговорчив, он скрупулезно выполняет свою работу, подняв глаза к небу, с лицом гордым и отрешенным. Метет дед идеально, хоть и не глядя, удивительное сочетание опыта и таланта дает ошеломляющий результат. В музее я видел работу какого-то фотохудожника времен Сталина, на которой изображены дворники в аккуратной форме, метущие синхронно центральную площадь города, с выражениями радости и гордости за свою профессию на лицах. Так вот, дед Василий словно сошел с такой фотографии. Тетя Клава напротив общительна и весела, она встречает меня с улыбкой на лице:

– Ну, привет, молодой человек.

– Здравствуйте, тетя Клава, – улыбаюсь в ответ, – не хотите хуевого

вчерашнего пива?

– Чем же оно такое плохое?

– Исключительно тем, что выдохлось, – поясняю я.

– Да нет уж, твое предложение не заманчиво. Лучше поздравь меня, Полиграфушка, у меня радость – больше не придется соскребать трупы с асфальта – мент-маньяк наконец-то помер. Засмотрелся на очередных своих жертв, да и закружилась голова, видать. Кара это божья. Он же, ирод, с месяц орудовал, людей с крыш сбрасывал.

– А Вы что же, тетя Клава, – удивляюсь я, – не могли никак ему помешать, коли все о нем знали?

– Могла, думаю. Но мое ли это дело, – задумчиво отвечает дворничиха. – Мой долг – двор убирать, каждому свое место.

– И правда, – соглашаюсь я с мудрой женщиной, машу ей рукой и иду по своим делам.

Глава 2

Пять часов утра, дождливая погода, все свободные люди спали. Граждане, состоящие в рабской службе у государства, нехотя отрывали свои тяжелые головы от подушек и грузные и не очень зады от матрасов. Полгорода почти одновременно стучало по будильникам, судорожно вспоминая как отключать эти адские устройства. Рабочий класс тихо матерился, аристократия материлась громко, интеллигенция грязно ругалась про себя или же просто проклинала жизнь. Наиболее бодрые пенсионеры занимали свои рабочие посты на лавочках. Свободные художники в основном спали.

Аленка проснулась за мгновение до того, как должен был прозвонить будильник. Внутренние часы работали хорошо. Девушка вообще-то не любила рано вставать и большую часть сознательной жизни

предпочитала отсыпаться часов до одиннадцати-двенадцати. И, тем не менее, она матом не ругалась, причем не оттого, что была очень интеллигентной - чувство долга наполняло ее энтузиазмом. Алена сделала зарядку и отправилась в ванную. Поделав привычные утренние дела, она засыпала кофе в кофеварку и отправилась в большую комнату к Мурке.

– Доброе утро, моя хорошая, - поздоровалась Алена.

– Муу-у, - ответила Мурка.

Как вы уже, видимо, догадались, Мурка была коровой и занимала одну из двух комнат жилища девушки.

Хозяйка квартиры убрала за Муркой, подоила корову, вылила молоко в бидон и подбросила питомице свежего сена. После чего она отправилась кормить завтраком себя. Впрочем, завтраком это можно было назвать лишь условно - как и многие представители ночной стороны человечества, она не ела утром. Завтрак ограничивался чашечкой кофе и сигаретой.

Быстро прикончив свой скудный завтрак, будем называть его так, Алена за несколько минут собралась - она была не из тех женщин, что наводят марафет часами - взяла бидончик с молоком, подкинула Мурке еще сена и подлила воды, и вышла из квартиры.

Стоило ей повернуть ключ в замке, соседняя дверь распахнулась и на лестничной площадке появилась соседка Аленки тетя Глаша, женщина немолодая, одинокая и довольно вредная.

– Эт что у тебя там за мычание в квартире? Корову что ль завела? – Окинув подозрительным взглядом соседку, спросила Глафира.

– Это, тетя Глаша, я музыку слушаю, - не растерялась Алена, – Pink Floyd, альбом "Animals".

– Ну молодежь пошла, – неободрительно процедила сквозь зубы пожилая женщина. Но Алена на это внимания не обратила, она уже спускалась по лестнице, весело помахивая бидоном.

Конечно, удобно, что любые нежелательные для улавливания посторонним ухом звуки можно выдать за музыку. Но существует и

обратный эффект. Подтверждением тому может служить весьма поучительная история, происшедшая с известным харьковским музыкантом Лехой Бабуином. Недавно он увлекся каким-то весьма странным музыкальным направлением, не помню названия, но это не так и важно. Так вот, сидел себе спокойно Алексей за компьютером, музыку слушал. Вскоре после того, как запись закончилась, сосед за стеной принялся что-то сверлить посредством электродрели. В этот момент в комнату вошла бабушка Бабуина и сказала: "Леша, сделай музыку потише". Тот решил, как всегда приколоться и ответил: "А по-моему и так не громко". Лучше бы он этого не делал. Ударнику "Ancestral damnation" так и не удалось убедить родственницу, что она слышала звуки дрели.

***

Как ни торопилась Алена поскорее на рынок - она, во-первых, любила продавать молоко людям, которые рано встают, хотя и людей этих не любила, во-вторых, она хотела поскорее выполнить свою миссию, вернуться домой и еще поспать – пришлось ей притормозить. Впереди шла настолько странная парочка, что любой психически здоровый и не слишком флегматичный человек просто не мог пройти мимо. Человек с раскосыми глазами, скорее всего туркмен, вел за уздечку оседланную козу. На мужчине был надет синий халат, расшитый золотыми змеями, на ногах его были лапти. У козы на голове был надет цилиндр, он скрывал рога.

Алена некоторое время стояла и думала, как ей поступить. С одной стороны интересно заговорить с этим странным человеком. Интересно, кто он? Цирковой артист? Сумасшедший? Маг? Пришелец из другого мира?.. С другой - не хотелось подвергать себя риску. Контакт подобного рода мог иметь самые непредсказуемые последствия.

В итоге Аленка решила прибавить шагу, обогнать необычного прохожего и идти не оборачиваясь своей дорогой. Что она и попыталась провернуть. Но не тут то было!

– Эй, девка, остановись! – Раздалось из-за спины.

Другая бы ни за что не послушалась, особенно учитывая столь невежливое обращение. Другая, но не Алена, всегда принимавшая все трудности и опасности жизни, гордо повернувшись лицом к ним.

– Чего тебе, старый, – не отвечать же вежливо хаму. Интеллигентские ходы никогда не приводят ни к чему хорошему.

– У тебя, девка, небось, молоко в бидоне, – уверенно сказал старый азиат. В голосе его не было ни тени сомнения.

– Молоко, стало быть, – издевательски произнесла девушка.

Азиат стащил с козы цилиндр и, выставив его на вытянутой руке перед собой, упал на одно колено:

– Налей молочка, красна девица!

– Желаешь напиться с дороги, путник?

– Знаешь, девка, если смешать козье молоко с коровьим, добавить трав и прокипятить, удивительнейший эликсир выйдет.

– Не думаю. – Недоверчиво проворчала Алена. – Не убедил, фантазия у тебя убогая. Но молока так и быть налью, не жалко.

Девушка плеснула из бидона молока в цилиндр, пребывая в полной уверенности, что оно просочится сквозь днище и начнет капать на асфальт. Но этого не случилось. Более того, человек в халате надел цилиндр себе на голову, при этом ни капли не пролив. Создавалось впечатление, что молоко или затвердело, или вообще исчезло.

– Хорошая, у тебя, девка, корова. – Мечтательно протянул туркмен.

– Не жалуюсь.

– Слышь, а продай-ка мне свою Мурку.

– Откуда Вам известно ее имя, – опешила Алена.

– А оттуда, Аленушка, мультфильмы надо смотреть про кота Матроскина.

Алена пришла в шоковое состояние, но корову продавать отказалась. И было бы удивительно, если бы она ответила иначе.

– Ну, тады давай меняться, – настаивал азиат, – мне – корову, тебе – козу. И цилиндр.

– Наш разговор бесперспективен, – холодно ответила девушка, – прощайте. С этими словами она повернулась к старику с козой спиной и быстрым шагом пошла в направлении рынка.

– Эх, – задумчиво произнес старый туркмен, – дура. Свободна. – Это он уже козе сказал. Животное кивнуло головой и растаяло в воздухе.

– Здесь все ясно, – задумчиво произнес азиат, – будем действовать. Ну, это попозже. А сейчас... Все равно рынок рядом...

Трудно человеку, непосвященному в его мысли, а думаю, вряд ли кроме него самого был в эти самые мысли посвящен, понять, что же имелось в виду. Так что не стоит и пытаться.

***

– Блядь! – Громко и с чувством произношу я. Именно с этого слова начинают свое утро падшие боги. Не уверен, правда, что все, но лично я начинаю утро именно с этого сильного слова. - Блядь, - уже тише повторяю я и стаскиваю себя за руку с дивана. Не люблю рано вставать, но таков мой путь. Я иду в сортир, справляю нужду, привожу себя в порядок и отправляюсь на кухню, именно там и будут сегодня проходить мои исследования.

Я уже сполна познал все прелести рациона английской аристократии, более того, стал большим ценителем чая с рыбой. Настало время узнать, что же чувствуют рядовые англичане. Один из путей - съесть

английский завтрак. Вообще-то я если и завтракаю, то исключительно когда имею возможность встать с постели не раньше полудня. Но ведь английские трудящиеся не могут себе позволить такой роскоши, они каждое утро встают рано-рано, едят овсянку, яичницу с беконом, пьют чай с молоком.

Готовлю себе овсянку и яичницу с беконом, с отвращением впихиваю внутрь. Ну, наконец-то, несчастные они все-таки люди. Впрочем, трудовому народу везде не сладко - рабский труд в пользу государства или чьих-то толстых кошельков - само по себе ничего хорошего. Ладно, теперь чай с молоком. Быть может именно этот напиток и является их спасением?..

– Блядь, – в который раз с грустью произношу я, – молока-то нет.

Придется идти на рынок. Одеваюсь, отодвигаю засов на двери, выхожу на лестничную площадку, запираю дверь на висячий замок. Дверь у меня снаружи запирается на висячий замок, а изнутри - на щеколду. Это от воров. Думаю, им будет стыдно входить без приглашения в квартиру, если на входной двери висячий замок. Если же домушники попадутся аморальные и бессовестные, что ж, по крайней мере, все это заставит их призадуматься и может отсрочить вторжение.

Итак, я достаю из кармана железный транспортир, царапаю на стене слово "хуй" и спускаюсь по лестнице. Выйдя из подъезда, я окидываю взглядом двор, здороваюсь со старушками на лавочке и быстрым шагом топаю по дороге, ведущей к рынку. Разумеется, все дороги ведут к рынку, но какое это имеет значение?

Мне перебегает дорогу черный кот, я здороваюсь с ним. Кот что-то мяукает в ответ и убегает. Через некоторое время он снова перебегает мне дорогу, потом снова...

– Ты что издеваешься? – Спрашиваю я.

Кот не снисходит до ответа, он некоторое время невозмутимо смотрит мне в глаза и неспешно удаляется.

- Ну и хер с тобой, глупое насекомое! - В сердцах кричу ему вслед и иду своей дорогой.

***

После встречи с котом я решаюсь сделать предсказание, что скучать мне сегодня не придется. Обычно если уж происходит со мной что-то необычное, концентрация его велика - сказка закончится не раньше, чем через сутки.

У рынка я осознаю, что был прав на все сто. У входа я вижу старого знакомого - того самого азиата, которому я некогда толкнул свой бесценный инструмент. И арфа при нем, между прочим. Одет старик все в тот же халат, видно это одежда на все случаи жизни, применима и зимой и летом. Странно, вроде бы халат он носит постоянно, но выглядит тот чистым и нисколько не потрепанным. Видно у старого узкоглазого просто много одинаковых халатов, и ничего другого он из принципа не носит.

– Добрый день, – приветствую я знакомого.

– Привет. – Ответствует азиат, – далеко продвинулся в изучении мира?

– Далеко. – Нагло вру я, – как тебе моя арфа?

– Это уже не твоя арфа, – замечает старик, и он прав.

– Не моя. Но разве это важно? Как она тебе?

– Не важно, – соглашается азиат, - мне она никак. Играть отродясь ни на чем не умел. Продаю вот. Хочешь обратно купить? За ту же цену, я не меркантилен.

– Да не, – говорю, – мне бы молочка...

– Ну, здесь я тебе вряд ли чем помогу.

– Тогда я пошел, - интерес к восточному шаману как-то разом пропадает. Да и не шаман он, пожалуй.

– Иди. – Довольно проговаривает мой собеседник. Интересно, чему он радуется, ведь арфу я так и не купил.

***

Вообще-то я пришел на базар, чтобы просто купить пакет молока, самого обычного. Почему я не купил его в ближайшем магазине или киоске? Честно говоря, не знаю, просто мне так захотелось.

Так вот, лавирую я меж торговых рядов, присматриваюсь к товару. В кондитерской палатке продают мед с осами. Для гурманов. Оригинально, но меня интересует молоко. Продают ли в этом паршивом городе молоко в пакетах, или нет?

Думаю, продают, но выяснить это так и не успеваю. Не дойдя до мест продажи фасованной жидкости для заливки чая, я притормаживаю. Вот за прилавком прелестная девчонка, она совсем не похожа на мрачных торговцев, каждодневно приезжающих на ненавистную службу на должности реализатора. Перед юной леди выставлено несколько банок разной емкости.

– Мадемуазель, Вы стеклотарой торгуете, или же напротив принимаете? – Интересуюсь я.

– А вот и не угадал, – с невероятно радостной интонацией в голосе ответствует девушка, - я молоко продаю. Купи молока, это вкусно.

– Свежее?

– Еще бы.

– Сама доила?

– Еще бы, – не балует разнообразием ответов собеседница. – У меня корова в квартире живет, – хвастливо добавляет она.

– Так это ж просто замечательно! – восхищаюсь я. – Меня, кстати, Полиграф зовут.

– Аленушка, – представляется девушка, – как в старой сказке.

– Любишь "Короля и шута"? – Удивляюсь.

– Терпеть не могу.

– Аналогично, – произношу с облегчением. Уверен, что она слушает "Queen". Даже не спрашиваю.

– Любишь молоко? – Тем временем проявляет интерес Алена.

– Вообще-то не очень, – признаюсь я, – просто хочется чай с молоком. Исследую влияние английского завтрака на сознание.

– Здорово! – Искренне восхищается моя новая знакомая. – Но сейчас молоко тебе уже не поможет. Поздновато для завтрака. Приходи ко мне завтра утром, вместе будем исследованиями заниматься.

– Так может я и заночую у тебя? – Не могу не задать такого вопроса.

– Э, нет, – возражает Алена, – вряд ли мне тогда выспаться удастся. А я обязана хорошо поспать, Мурка не любит сонных, лягается.

– Любопытно, – отдаю должное корове. Что ж, пора бы и честь знать. Записываю адрес девушки, оставляю ей свой - чтобы по-честному было, прощаемся до завтрашнего утра.

***

Сегодня я просыпаюсь без будильника. Такое всегда случается, когда с утра намечается что-то важное, поездка, к примеру. Или как сегодня. Поразительная штука этот внутренний будильник: понятия не имеешь, когда заснул, зато заранее знаешь, когда проснешься. Здесь разве что смерть может стать помехой, впрочем, ради такого дела она и до утра подождать может.

Привожу себя в порядок, одеваюсь, выхожу во двор. Лишь на улице закуриваю - сигарету, выкуренную дома, можно при определенном подходе считать завтраком. А завтракаю я сегодня у Алены. Она, кстати, недалеко живет, что радует.

Добравшись благополучно и без приключений до Аленкиной квартиры, звоню в дверь. Мне открывает заспанная хозяйка жилища - оказывается, я прибыл слишком рано. Девушка идет посмотреть еще один-два короткометражных сна, я же отправляюсь на кухню, дабы сварить овсянку и поджарить яичницу с беконом. Корова за все время моего пребывания в этой квартире ничем не обозначила своего присутствия. На редкость флегматичная похоже тварь. Сварив кашу, иду будить Алену. Настало время отведать настоящий завтрак простого англичанина. Деревенского англичанина, городским молоко молочники разносят, корову доят перед завтраком разве что деревенские. Возвращаюсь на кухню, погружаюсь в состояние ожидания, предвкушая успех. Но... Что за грохот? Врываюсь в комнату и вижу бьющуюся в истерике хозяйку квартиры и мертвую корову. Издохло животное недавно, но выглядит все равно малоприятно. Алена обвиняет в случившемся меня и с криком прогоняет вон. Видно не судьба отведать настоящий английский завтрак, но это и к лучшему. Есть пищу простолюдинов не пристало падшему богу. Пора возвращаться к старому доброму чаю с рыбой.

***

Вроде все не так уж плохо. Корову, конечно, жаль, но не то чтобы очень, я ведь не индус все-таки. Девчонку тоже жаль, но, если подумать, это красиво держать в квартире корову, но, черт возьми, бессмысленно! Так почему ж на душе у меня так хреново. "Чувак, не парься, - говорю я себе, сейчас ты придешь домой, выпьешь чаю с рыбой, потом включишь комп и посмотришь божественный пинкфлойдовский концерт на развалинах Помпеи, расслабишься, повосхищаешься тому непотребству, что учиняет с гитарой Гилмор. Остынь, Полиграфушка. Вспомни ту композицию, что тебя так уносит. "Set the controls for the heart of the sun" с неземным вокалом Вотерса".

Но прийти в норму все никак не получается. Что-то не дает покоя. И вдруг... Озарение! Я осознаю, что именно. Поворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и со всех ног спешу обратно. Подбегаю к подъезду Алены, пулей влетаю на кухню и сломя голову мчусь на кухню. Там я беру самый большой и острый нож и направляюсь в комнату.

Картина та же. Аленка сидит на полу и сотрясается от рыданий. Даже не обращает на меня внимания. Подхожу к туше, вспарываю ее, так и есть.

– Эй, посмотри сюда! – Кричу, – Это ж не настоящая корова!

Алена недоуменно смотрит на тушу и вдруг осознает, что из сделанной мною прорези высыпаются опилки. Это чучело.

– Ты хоть понимаешь, что это значит?! – Продолжаю кричать я, – Твоя корова жива! Ее просто подменили.

– Откуда ты знаешь, что она жива? – Осведомляется моя собеседница, несколько успокоившись.

– Я это чувствую. Это знак, тебе пора избрать другой путь, – отвечаю ей с уверенностью.

– Думаешь, это Бог сделал?

– Нет, не думаю. Но какая разница, кто это сделал? Ты хоть понимаешь, что произошло? Радуйся! Радуйся, мать твою!

Она радуется.

Глава 3

В одном загородном заведении в VIP-зале стилизованном под средневековую таверну семеро мужчин различного возраста расположились за столом. Они пили эль, время от времени со стуком ударяя кружками о дубовую поверхность стола, и периодически посматривали на часы. За все время совместного времяпровождения ни один из них не обронил ни слова.

– Пора! – Громко провозгласил, наконец, грузный мужчина, сидящий во главе стола.

Впрочем, грузный – слабо сказано, чтобы передать впечатление о внешности мужчины, вернее было бы назвать его грудой сала. Одет толстяк был в серый деловой костюм и белую рубашку, из кармана его торчал галстук. Было очевидно, что этот человек привык одеваться официально, но сегодняшняя встреча таковой не являлась.

– Итак, – продолжил толстый, – внутреннее чутье подсказывает мне, что именно я как самый толстый из вас и должен открыть наше собрание и быть председателем. Никаких ущемлений здесь присутствующих в правах, разумеется, просто так удобнее.

Слушатели дружно зааплодировали. Один из них, плюгавый мужичок лет сорока в замызганной одежде даже привстал и ободряюще крикнул:

– Дерзай, жирдяй!

– Благодарю вас, – ничуть не обидевшись на, казалось бы,

оскорбительное слово, проговорил мужчина. – Итак, все мы собрались здесь, прочитав в газете весьма оригинальное объявление, подписанное "Джим Слэйд". Ежели все это не розыгрыш и человек, именующий себя подобным образом, присутствует среди нас, предоставляю слово ему.

Долго ждать не пришлось. Молодой человек, одетый довольно необычно – синие джинсы, малиновый пиджак, бандана с Веселым Роджером и огромная золотая цепь на шее – поднялся со своего места и молвил:

– Я – Джим Слэйд. Можете звать меня просто Джим. И сейчас все мы исполним то, зачем мы здесь. Но для начала – хоббит, еще эля!

На зов немедленно явился маленький человечек, действительно очень похожий на хоббита. По всей видимости, представитель местного обслуживающего персонала.

– Для всех, милорд?

– Разумеется, для всех.

Не прошло и двух минут, как кружки были расставлены по местам.

– Что-нибудь еще? – Услужливо осведомился "хоббит".

– Да. Зажгите, пожалуйста, камин. Потом – свободны.

В скором времени огонь запылал в камине, все шестеро сидящих пристально глядели на Слэйда, ожидая развития событий. Джим не заставил себя долго ждать.

– Итак, джентльмены, я – бессмертный бог, – надменно провозгласил Джим. Слушатели вряд ли ему поверили, но смолчали. Слэйд же продолжал. – Время не властно надо мной, но созерцание хода его доставляет небывалое удовольствие. А посему я снимаю с руки свой "Ролекс" и приношу его в жертву. – Слова Джима с делом не разошлись, он снял часы, подошел камину и бросил их в огонь. Совершив этот ритуал, Джим вернулся на свое место, присел и принялся медленно потягивать из кружки эль.

– Что ж, Джим Слэйд на деле доказал серьезность своих намерений. Так последуем же его примеру, - вновь взял слово толстяк. – Я очень люблю поесть. Разумеется, все время есть я не могу, но все же всегда ношу с собой вкусную булочку, испеченную собственноручно моей любящей супругой. Это на случай, если совсем уж невмоготу станет. Эта вот булочка и будет моей жертвой.

Когда булочка отправилась вслед за часами, и грузный мужчина занял свое место, из-за стола поднялся парень лет двадцати.

– Меня зовут Иннокентий, я студент четвертого курса. Учусь всю жизнь на "отлично". Так вот, жертвой моей будет моя зачетка, думаю, это самое.

Вот уже и зачетка скрылась в огне вслед за первыми двумя жертвами, Иннокентий занял свое место и пригубил эля. Следующим на очереди был пожилой человек интеллигентного вида, с усами и в очках.

– Друзья мои, – сказал он. – В этом мире остался лишь один по-настоящему любимый мною человек – моя жена. Она очень любит цветы, и я как раз сегодня купил вот этот букет, - он взял в руки цветы, ранее лежавшие на столе, – хотел ее порадовать. Это будет достойная жертва.

После окончания ритуала, с места вскочил тот самый плюгавый мужичок, обозвавший жирдяем председателя. И говорил он так:

– Я, слесарь Василий, живу на белом свете вот уж сорок пять лет. И тридцать пять из них пью, двадцать пять - пью много. Идейный алкоголик, так сказать. И сейчас я вылью в камин бутылку водки, лучше жертвы не придумать.

– Извините, я не готов. – Сказал вдруг бледный молодой человек. – Я лучше пойду.

– Да никто тебя, собственно, и не держит, – улыбнулся Слэйд. – Но знай, ты никогда не будешь готов. Иди. Только за эль заплати, и не забудь чаевые.

Все проводили отступника взглядом, после чего слово взял последний из собравшихся, мужчина непримечательной внешности.

– Больше всего на свете люблю я деньги, – сообщил он, – и лучшей жертвы, чем мой кошелек, мне в жизни не придумать.

Когда последняя жертва была принесена, Джим Слэйд допил эль, поднялся и заговорил:

– Господа, поздравляю вас. Мы сегодня совершили серьезный поступок, сделали

большой шаг на пути к личной духовной свободе. Разумеется, потребность в жертвоприношении заложена в нас с рождения, и избавиться от нее невозможно, да и не нужно. Но сегодня никто из нас не знал, кому адресованы наши жертвы. Лишь делая жертвоприношения неизвестно кому, мы можем подавить в себе идолопоклонничество.

***

Слэйд шагал по городу, наслаждаясь чудесной погодой - было прохладно, сухо и пасмурно, подобная погода стояла уже месяц, сводя мирских людей с ума и благотворно влияя на нашего героя. Внезапно Джим замедлил ход и крепко пожал руку встречному. Это был Люций, человек со страшным взглядом и голосом в длинном черном плаще. Люций любил музыку группы "Shocking blue" и не любил людей. На концерты своей любимой группы он иногда ходил во сне, людей же называл "презренными смертными". И была в нем еще одна примечательная особенность. В юном возрасте, когда Люций впервые в жизни брился, он порезал лицо. Это настолько пришлось подростку не по душе, что он из чувства эстетизма достал из туалетного шкафчика завалявшееся там древнее лезвие "Нева" и изрезал себе лицо вдоль и поперек, шрамы сохранились и по сей день.

Люций и Джим пережили вместе немало увлекательных приключений. Взять хотя бы их последнюю поездку в Мариуполь, этот город-наследник Сан-Франциско шестидесятых, раскрашенный в кислотные тона безумным художником по прозвищу Ризограф. Вернее,

попытку поездки.

В преддверии той благополучной поездки Слэйд и его товарищ беспечно, ни о чем не подозревая, пили пиво в привокзальном кабаке. Джим рассказывал услышанную им недавно историю о борьбе с браконьерством на Новый Год. Изобретательные милиционеры придумали такой метод - они вымазали стволы елок и сосен города фекалиями и спрятались в кустах в ожидании потехи. Уж очень им хотелось посмотреть на реакцию незадачливых нарушителей закона. Ребятки в голубой форме, они же как дети малые, катаются втроем на некоем подобии тарзанки, напоминающей гротескную тру-готичную петлю для великана, играют в КВН-щиц Жанну и Свету, в общем, любят повеселиться вволю. Но вот незадача – никто так и не подошел. Но милиционеры не унывали. Они весь вечер играли в карты, и проигравшие под радостный хохот коллег облизывали ствол.

Затем, уже в поезде, настал черед Люция рассказывать. Он поведал трагическую историю проводницы вагона, в котором они ехали. Она была худшей проводницей в истории, мало того, что своим характером она порождала ненависть пассажиров, она к тому же не умела заваривать чай. Собственная бездарность повергала проводницу в бесконечные депрессии. По ночам она очень долго плакала в подушку, настолько долго, что одной подушки ей на ночь не хватало, требовались минимум четыре. В перерывах между рыданиями, поменяв подушку, проводница открывала окно вагона и громко кричала в ночь: "Ебать!". Единственной радостью в ее жизни был воображаемый демонический любовник. Впрочем, не совсем воображаемый, этот человек существовал на самом деле. Но проводнице он нанес визит лишь однажды: подошел к окну, и их голоса в крике "ебать!" слились воедино.

Чувство того, что в этом поезде что-то неладно появилось у друзей еще при посадке. Не зря женщина, что проверяла билеты при входе в вагон, была без формы и выглядела подозрительно. Чутье не подвело. Той ночью их отключили усыпляющим газом, очень сильнодействующим, повергающим жертв в сон на несколько суток. Затем Джима и Люция, используя потайные мосты и туннели и неведомые железные дороги увезли на остров Мадагаскар. Выбраться с этого странного клочка суши с необычной флорой и фауной было непросто...

Отвлекшись наконец от воспоминаний, Слэйд сообщил Люцию:

– Есть серьезное дело.

***

На кладбище происходило дьяволослужение. Поклонники Князя Тьмы успешно пробрались на место захоронения, благополучно обезопасив себя путем усыпления сторожа. С собой у них были ни о чем не подозревающая бродячая собака, прикормленная лично сатанистом Егором, связанная и до смерти перепуганная шлюха Рита с окружной и много водки.

Лидер сатанистов начертил перевернутую пентаграмму и провел все приготовления к ритуалам. Надо сказать, он был не очень образованным человеком и технологию проведения службы знал плохо. Но он умел влиять на людей, надо сказать, еще менее просвещенных, заставлять их верить в свою силу, а это было главное.

– Владыко Сатана, прими в жертву жизнь этого ни о чем не подозревающего невинного существа, - с этими словами лидер достал огромный нож и лишил несчастного бродячего пса жизни.

– Аве Сатанас! – Хором прокричали все присутствующие.

"Поскорее бы все это закончилось, – подумал Егор, – скорей бы оргия".

– А теперь, наш Темный Владыко прими в жертву боль и страх человеческого существа и воздай по заслугам верным рабам твоим.

Сатанисты положили на пентаграмму обнаженную проститутку, и их лидер принялся водить по ее телу ножом, периодически оставляя неглубокие, но болезненные надрезы. Рита взирала на него глазами,

полными ужаса. На своем недолгом распутном веку ей многое довелось повидать, но такого еще не случалось.

Спустя некоторое время ритуал был объявлен законченным, дьяволопоклонники выпили водки и принялись по очереди насиловать шлюху. Справившись с этим грязным делом и напившись в хлам, они устроили настоящую оргию в лучших традициях либертинажа, сношаясь кто с кем ни попадя без разбора пола.

Когда все подустали, и запасы алкоголя истощились, лидер сказал:

– Мы сегодня славно послужили Хозяину нашему. Слава Сатане! А ты, сука, – добавил он, обращаясь к Рите, – кому-нибудь проболтаешься, присоединишься к тому псу.

Восславив Сатану еще раз, все разошлись. Но до дома добраться удалось далеко не каждому. Уже на подходе к родному подъезду в висок Егора уперлось дуло револьвера.

– Пойдешь с нами! – Сказал властный голос.

***

На одной загородной поляне проходил языческий праздник. Веселые люди, преимущественно юные, танцевали ритуальные танцы, прыгали через костер. Большая их часть были обнаженными, на головах большинства были венки из полевых цветов. Несколько человек сидело неподалеку у костра, они предпочитали более спокойный отдых. Компания пила вино, то и дело звучали различные истории, основанные на древнеславянских легендах. Несколько парочек, никого не стесняясь, занимались любовью. Ведь что естественно, то не безобразно. Любовь правит миром, на все то воля богов и духов, вот оно, истинное единение с природой.

Иван был не менее весел, чем его товарищи, он обожал такие праздники, позволяющие ему вырваться из серых городских будней и повеселиться всласть. Вино, прекрасные девушки, непринужденная атмосфера... Он не верил ни в каких богов, ему просто нравилась тусовка, нравилось такое времяпровождение.

– Восславим великого бога Перуна, равно как и других славянских богов! - кричал он.

Иван еще не знал, что это последний такой праздник в его жизни. Он не мог предугадать, и это неудивительно, что по возвращении домой ему приставят в темном переулке нож к горлу и куда-то увезут.

***

Местом действия служила поляна за чертой города. Были видны следы случавшихся здесь пикников: пустые бутылки, обертки из-под нехитрой закуси, угли от костра. Но, тем не менее, наши герои пребывали в полной уверенности, что их сегодня никто не потревожит.

Они добирались до места на автомобиле Люция – древнем "Форде", возможно, ныне единственном подобном представителе авторасы в городе. Конечно, любому другому было бы стремно ехать, минуя милицейские кордоны, с двумя связанными людьми в багажнике и еще одним на заднем сидении. Но Джим Слэйд всегда знал, что делает, и бояться было нечего.

Прибыв на место, Джим и Люций положили пленников на землю и принялись готовиться к мероприятию. Люций отправился за дровами, Джим начертил на земле перевернутую пентаграмму и какие-то непонятные простому смертному знаки.

– Что ж, приступим благословясь, - сказал, наконец, Слэйд, когда все было готово. - Я побывал во многих уголках земного шара. Во время моих гастролей в Израиле я видел много голых женщин с нереалистично

огромной грудью. Они ходили по магазинам и покупали продукты. Одной рукой женщины толкали перед собой тачки, на которых покоилась грудь невероятных размеров, в другой держали сумки для покупок. Во время моего шоу поклонницы сплетались своими огромными сиськами, это было феерическое зрелище. Когда я был в Диснейленде, я видел там такое количество негров, что просто трудно себе представить. В Африке все поголовно занимались сексом. В Китае сексом не занимались, ибо никто не умел, они просто плодились, выполняя свою великую миссию. Впрочем, мы собрались здесь не для того, чтобы я рассказывал о своих путешествиях. Скажу лишь, что, объездив практически весь ведомый землянам мир и часть неведомого, я в жизни не видел моральных уродов, подобных этим, – Джим презрительно указал безымянным пальцем на пленников. Неизвестный огромный камень на кольце, надетом на персте Слэйда, засветился алым огнем.

– Да. Лично я бы их четвертовал или посадил на кол. Но согласен – твой план лучше. – Согласился Люций.

– Итак, – сказал Слэйд, – начнем с Егорки, пожалуй. Из всех божеств от скифского бога войны Вайу до покровителя любителей пива Пиздеца Иваныча... Не буду говорить о более древних богах, некоторые из них просто омерзительны. Так вот, наименее симпатичен мне падший Сатана, составляющий достойную конкуренцию Владыке Темных Сил Ипполиту. До сегодняшнего дня не думал я, что скажу об этой личности хоть одно доброе слово и уж тем более принесу ему жертву. Но, каким бы Сатана ни был, у него много поклонников, и он заслуживает хотя бы элементарного уважения. Так что сегодня мы приносим ему достойную жертву, а именно человека, доселе порочившего имя его. Действуй, Люций!

Люций не заставил себя долго ждать. Он достал огромный нож и перерезал сковывавшие Егора путы. Среди бела дня сгустился сумрак, вокруг зашевелились устрашающего вида тени. Егор почти не мог пошевелиться, из глаз его текли слезы.

– Сдохни, собака! – С омерзением воскликнул Люций и толкнул пленника на пентаграмму. Затем, предварительно пнув Егора под дых, Люций приставил ему нож к горлу и одним легким движением лишил горе-сатаниста жизни. Мрак тут же рассеялся.

– Теперь ты, Ваня, – продолжал как ни в чем ни бывало Слэйд. – Ты не просто предатель. Ты многократный предатель. Ты выставлял себя язычником и должен был верить во многих богов. Так что ты изменил им всем. У нас нет времени покарать тебя со всей строгостью, что ж, по крайней мере, душу твою уже не спасти, и это самое страшное. Теперь же единственное, что мне остается сказать, прими эту жертву, громовержец Перун, и не гневись на непутевый народ славянский.

Неожиданно среди ясного солнечного дня блеснула молния. От Ивана остался лишь уголек, смутно напоминающий человеческие останки. Перун принял жертву.

– А теперь перейдем к последнему человеку... Как у меня только язык повернулся назвать его человеком? Человек - разумеется, не высшее существо, но все же людям есть чем гордиться. – Слэйд с отвращение сплюнул на траву и закурил. – Ты, Миша, и такие как ты – позор рода человеческого. – Последний оставшийся в живых пленник при этих словах задрожал всем телом. – Ты, урод, дерьмо, не знаю даже как тебя правильно назвать, ты еретик из еретиков. Ты не веришь ни во что. Хаос породил тысячи богов, почему бы тебе было не обратиться хотя бы к одному из них? В средневековье существовала такая забавная вещь как инквизиция. На самом деле она была гадка. Сжигали вероотступников, сохранявших, в отличие от тебя, хоть какое-то подобие чести и достоинства. Они были, по крайней мере, бунтарями, хоть и людьми недалекими. Сжигали также несчастных ученых и магов, и, что греха таить, сжигали периодически и кого попало. К некоторому стыду своему вынужден признаться, что мы тоже увлеклись инквизицией. Это было модно, мы тогда были даже моложе душой, чем ныне, а молодежь тянется за модой. Люций был первоклассным палачом, жестоким, неумолимым и апатичным. Я же, обретя навыки возрождаться из пепла, экспериментировал с новыми образами, издевался над инквизиторами, представая то магом, то ученым, то вульгарным вероотступником, все мои персонажи были до невозможного комичны. Меня сжигали на костре раз пятнадцать, и все эти разы я хохотал во всю глотку. Впрочем, отбросим лирику. Что ты можешь сказать в свое оправдание, ничтожество?

– Но ведь, - сквозь слезы проговорил Михаил, – я не отрицаю существование Бога. Просто не могу быть уверен, что Он есть.

– Это в тебе и самое отвратительное, неверный, – скривился Джим, – даже у атеистов есть вера – вера в отсутствие Бога, в человека, некоторые из них – возвышенные люди. Ты же – тупая скотина без веры. Дерьмецо. Пора моему другу вспомнить навыки палача.

Люций тем временем уже разложил хворост под столбом, вкопанным предварительно в землю. Как Миша ни упирался, его усилия были ничтожны перед крепкой хваткой его палача, потащившего его к столбу и привязавшего к оному.

– Гори! – Скомандовал Слэйд и костер загорелся. Люций глядел на муки жертвы с неописуемым наслаждением, он вспоминал старые добрые времена.

– Что ж, друг Люций, – сказал Джим, когда еретик обратился в пепел, – мы сделали сегодня большое дело. Так идем же к реке и смоем с себя гнилую кровь грешников.

Глава 4

Я сижу в кресле поджав ноги, читаю с монитора произведения андеграундных авторов. Иногда у меня устают глаза. Тогда я на несколько секунд зажмуриваюсь и понимаю, что такого эффекта как раньше, не будет еще долго. Около полугода назад, когда я засыпал, а часто и когда просто закрывал глаза, у меня перед глазами с периодичностью менее секунды менялись картинки с изображениями этого мира, а помимо него и других миров. Впрочем, не исключено, что только других миров, так как в этих местах я никогда не был. Или же это были какие-то отдаленные экзотические уголки нашей земли. Создавалось впечатление, что кто-то показывает мне слайды. А потом аппарат сломался и я, закрыв глаза, ничего не вижу, но верю, что когда-нибудь это вернется.

Рядом со мной на табурете стоят четыре стакана с настойкой. До этого дня я давно не пил настойку, не лучшее пойло, но, тем не менее, я по нему соскучился. Кроме стаканов - банка из-под орешков, используемая нами вместо пепельницы. Возможно, та самая банка, крышку от которой я

носил в сумке несколько дней, вспоминая о ней только в местах, где некуда было ее выбросить. Я понял, что от крышки не избавиться таким путем и подарил ее своему другу, музыканту Лехе Бабуину, который и по сей день носит крышку как талисман.

Кроме меня в комнате находятся трое моих друзей: мой адвокат Леха, талантливый, но крайне неорганизованный писатель Саня Цвирк и гламурнейший человек Харькова Кеппе Лав. Они играют в преферанс. Кеппе просит поставить какую-то песню. Он не может заказать свою любимую "Хайль, фюрер" группы "Коррозия металла", этой композиции нет в памяти, кроме Лава никто из нас такую музыку не слушает. Поэтому приходится напрячь мозги и вспоминать другие песни. Я ставлю. Хорошо, что я сменил Кеппе на месте ди-джея, у него странное отношение к музыке. Он прокручивает куски песни и не дослушивает до конца.

Я отрываюсь от чтения, закрываю глаза и вспоминаю события вчерашнего дня. В последнее время у меня лажает память, надо ее тренировать. Первое яркое воспоминание: церковь. Мороз вдарил неожиданно. Я бродил по городу и очень замерз, вошел в церковь погреться. Некоторое время я стоял и рассматривал иконы, потирая ладони, чтобы руки скорее отогрелись. Вдруг внимание мое привлекло примечательное событие: из кабинок для исповеди выскочили одновременно священнослужитель и грешник, они дружески обнялись.

– Вован, ебт, сколько лет! – Радостно кричал исповедавшийся.

– Владька! Как долго я тебя искал! – В голосе батюшки звучало облегчение.

Я узнал грешника. Недавно в центре города он толкнул меня и выхватил из моих рук сумку. Но он не был простым воришкой. Отбежав на несколько метров, этот человек, которого, судя по всему, звали Владислав, бросил вещь в реку Харьков и задал стрекача. "Дебил", - что еще можно было сказать? Конечно, сумка, учитывая глубину, не утонула, но речка довольно широка, достать сумку было непросто.

***

Владислав расположился на лавочке, курил сигарету без фильтра и с тоской глядел на облака. Он думал о жизни. Похоже, последние годы он прожил неправильно. Он был несчастлив, у него не было семьи, любимой девушки, друзей, в общем, совсем не было близких. Еще Владислав был беден. "Так дальше жить нельзя", - думал он. Владу было невыносимо стыдно за себя.

В течение вот уже нескольких лет он регулярно гадил людям исподтишка. Это превратилось едва ли не в смысл жизни. Владислав ставил прохожим подножки, плевал им на головы, подворовывал, причем не с целью наживы, а только бы пакость сделать. Причины такого поведения, как это ни вульгарно, стоило искать в его детстве.

Много лет назад Владислав, на тот момент еще вполне нормальный мальчик, приехал на каникулы к бабушке в деревню. Ему там чрезвычайно понравилось, обилие фруктов, речка неподалеку, красивая природа - все было восхитительно. Кроме того, Влад подружился с другими ребятишками, местными и приезжими. Особенно крепкой была его дружба с мальчишкой по имени Владимир, обладателем доброго храброго сердца и буйной фантазии. Ребятишки почти все время проводили вместе, выдумывая все новые и новые игры. Все шло хорошо до того злополучного дня, когда друзья, вдохновившись примером литературных героев Тома Сойера и Гека Финна, не решили искать клад. Поиск сокровищ было решено начать с одинокого старого дуба, стоящего на холме на окраине деревни.

Той ночью, незаметно ускользнув из дома и вооружившись лопатами, ребята отправились к холму. В без пятнадцати минут двенадцать они уже были на месте. Ожидание было мучительным, в свете полной луны окружающие предметы отбрасывали зловещие тени, звуки, что в другое время казались бы обыкновенными, как то уханье совы или скрип веток, ныне слушались иначе. Все это вызывало бег мурашек по коже, заставляло замирать сердца. Наконец, дождавшись полуночи, ребята определили, куда падает тень, и принялись копать. Работа их поглотила, и страхи на некоторое время рассеялись, пока не произошло нечто куда серьезнее

ночных теней и шорохов, способное вызвать ужас у почти любого человека.

Все было бы нормально, если бы они ничего не нашли. Это бы не сильно то и разочаровало наших героев. Ведь даже любимые литературные герои нашли сокровища далеко не сразу. А в реальной жизни клады ведь откапываются значительно реже, нежели в приключенческих книгах. Но надо же, у Владимира и Владислава найти клад получилось с первого раза. Не прошло и четырех минут, как лопата наткнулась на что-то твердое. Это был кованый железом деревянный сундук. Мальчики удвоили усилия и, когда им удалось извлечь его на поверхность, в течении минут трех просто стояли и смотрели на находку горящими от восторга глазами. Они просто не верили своему счастью. Наконец, сбив лопатой замок, Владислав решительно поднял крышку.

Внутри и впрямь оказались сокровища. И не только они – перед ребятами вдруг возникла прозрачная мерцающая фигура человека.

– Ну, привет, кладоискатели, – сказал призрак, – вы что, не знали, что рядом с сокровищами зарывают мертвеца? Теперь вы, конечно, можете забрать это богатство себе, но тогда вам придется мириться с моей компанией. Буду таскаться за вами повсюду, спать не давать. Если не устраивает - выход один, зарыть все обратно.

Как ни жаль было ребятам клада, пришлось зарыть сундук обратно. Общество призрака их не прельщало, более того, пугало до такой степени, что сердце падало в пятки.

Спустя несколько дней Владислав вернулся в город в самых расстроенных чувствах. Он еще не знал, что его бабушка умрет в этом году, дом ее будет продан, и в деревню он больше никогда не вернется. Но ему было очень жаль потерянных сокровищ. Это было нечестно, попросту говоря - западло. Так Влад и принял решение делать западло людям, дабы не быть одиноким в своих страданиях.

И лишь в этот знаковый день во время сидения на лавочке и курения сигареты без фильтра, между второй и третьей затяжкой он окончательно осознал, что живет неправильно. Но ведь он, Владислав, еще молод, не поздно все изменить. Эта мысль приподняла дух, Влад поклялся себе

больше никому гадостей не делать и решил начать новую жизнь. Первым его шагом был поход в церковь на исповедь.

***

Выстояв очередь в исповедальню, Владислав присел и начал исповедаться. При этом он уловил какие-то знакомые нотки в голосе священника. Впрочем, нельзя сказать, чтобы сам голос был ему знаком, но в манере разговора прослеживалось что-то родное. Влад подумал, что это происходит оттого, что священник божий человек и наставит его на путь истинный. Он рассказал обо всех своих злодеяниях и приступил к повествованию о корнях своей злобы. Но закончить не успел.

– Владька, ты, что ли?! – Послышался удивленный возглас из соседней кабинки. – Ну наконец то!

Удивленный Владислав выскочил из кабинки одновременно со священником. Несмотря на годы разлуки, он сразу же узнал повзрослевшего и бородатого Володьку. Друзья обнялись.

– Вован, ебт, сколько лет! – Радостно кричал исповедавшийся.

– Владька! Как долго я тебя искал! – В голосе батюшки звучало облегчение. - Поехали ко мне, мне надо столько тебе поведать.

Друзья вышли из храма и сели в машину Владимира, новенький "Мерседес".

– Приедем, – не отрывая глаз от дороги говорил Владимир, – такое расскажу. Не поверишь.

Спустя минут пятнадцать мужчины въехали во двор роскошного особняка. Поставив машину в гараж, священнослужитель повел товарища в огромную теплицу. Там было уютно, в теплице росли цветы, плодовые

деревья: яблони, абрикосы, сливы; на площадке в центре стоял стол с самоваром посредине. Помимо самовара на столе были пряники, баранки, чайный сервиз, бокалы и пару бутылок хорошего вина. Выпив за встречу, друзья детства несколько секунд сидели молча. Затем Владимир повел речь:

– Я, Влад, очень рад. Я искал тебя все эти годы и наконец с Божьей помощью нашел. Думаешь, откуда вся эта роскошь? Ведь я честный человек, священник. Дело в том, что после того как нам пришлось закопать найденный клад, я не мог спать. Было очень обидно, что мы не можем воспользоваться подарком судьбы. И знаешь, я думал об этом несколько дней напролет, и, в конце концов, решение было найдено, такое простое, что я засмеялся. Следующей же ночью я пошел на то место и несколько часов молился за упокой души мертвеца, охранявшего сокровища. И ведь успешно, я выкопал сундук и разбогател. Все бы хорошо, но теперь меня мучило другое. Ведь клад мы нашли вместе, он по праву принадлежал нам двоим. Я искал-искал тебя, но не нашел. Нашел даже твое старое место жительства, но твоя семья переехала, и никто не знал куда. Все эти годы хранил я твою долю, теперь хочу отдать ее законному владельцу. К всему вышесказанному добавлю, что если ты пустишь часть богатства на дела богоугодные и сделаешь это от чистого сердца, это искупит твои грехи.

Владислав выслушал эту речь и ничего не ответил. Не мог. Он схватился за сердце и сполз со стула.

– Владька, что с тобой? - Вскричал священник. – Он бросился к другу, но было поздно. Тот был мертв.

– Господи, упокой душу раба Твоего Владислава и отпусти ему грехи его. – Со слезами на глазах прошептал Владимир.

Отойдя от шока и выпив за упокой души друга детства, Владимир призадумался. Что же делать с телом? Мертвец в его теплице... Огласка могла серьезно подорвать репутацию, да, пожалуй, и породить неприятности с законом. Это было недопустимо.

Батюшка решительно вышел из теплицы, прошел в сарай и взял в руки лопату. На протяжении минут сорока он усердно копал яму в промерзшей земле. Справившись с делом, он воткнул лопату в землю и

пошел в дом. Там он открыл сейф и вытащил тот саамы злополучный сундук с нетронутой половиной сокровищ. Вынеся его во двор, Владимир притащил из теплицы тело. Он положил останки Владислава в могилу, поверх положил сундук. Забросав яму землей, Володя перекрестился, опустился на колени и заплакал. Слезы стекали с бороды и капали вниз, орошая свежевскопанную землю.

***

Я закуриваю. Интересно, почему дым от сигареты сиреневый, а дым, выпускаемый изо рта - серый? Гляжу в окно на подъемный кран, он напоминает крест со смещенной вбок перекладиной. Интересный символ. Вообще при определенном состоянии души можно увидеть всю красоту этого мира. Не всегда легко в это поверить, но все прекрасно, и телевышка на заднем плане, и пар, поднимающийся из дыры в асфальте, и лужи. Но немногие люди могут это увидеть, потому что не многие по-настоящему счастливы. Большинство находится не на своем месте. Общество диктует, что престижно, а что нет, а вместе с тем любая профессия заслуживает уважение. Есть же, к примеру, человек, который ходит по туалетам с отверткой и с помощью этого нехитрого инструмента сливает воду в писсуарах. Это, во всяком случае, лучше, чем быть неохиппи с их идиотским лозунгом "Drink blood, not wine!" и отвратительными манерами. Все неохиппи хранят в заднице чирик, который, согласно своим тайным законам должны передать своим старшим сыновьям в день их совершеннолетия, пьют чужую водку и никогда не задумываются о прекрасном, это чуждо сим падшим существам. Все они хотят броситься вниз головой в омут, но боятся удариться головой о дно, даже заранее зная, что оно мягкое.

Итак, продолжим вспоминать. Покинув церковь, я пошел в паб. Надо было выпить. Там я заказал виски и в течение некоторого времени сидел за стойкой и пил в одиночестве. Как в американских фильмах.

Допив виски, я заказал кружку пива. Не успел я сделать первый

глоток, как рядом со мной присел нетрезвый мужчина и завел беседу. Он явно хотел по старой русской традиции поделиться проблемами с первым же человеком, что согласится выслушать его и выпить с ним. Я был не против, надо же человеку излить кому-нибудь душу. Все полезнее, чем идти к психоаналитику. Да и сдается мне, что на подобное удовольствие у сего гражданина и денег-то нет.

Мужчина заказал сто грамм и представился. Его звали Яков, и он был евреем, это было первым, что я узнал. Я взял чайную ложку, размешал ей пиво (это успокаивает) и приготовился слушать дальше. Это была самая обычная бытовая история о попытках найти нормальную высокооплачиваемую работу, недостатке средств для семейных нужд, двух маленьких детях Леве и Софе, а также, в первую очередь, о стервозной жене Риве, регулярно поколачивавшей непутевого супруга скалкой. Ничего интересного, но, тем не менее, уместно для этого вечера.

***

Яков возвращался домой на автопилоте. Он с головой погрузился в печальные думы. "Хоть бы не попала скалкой по тому же месту, что в прошлый раз. Это было бы ужасно больно", - так думал он о близкой встрече с женой Ривой. Домой идти не хотелось. Но Яков, человек культурный и цивилизованный, просто представить не мог себя ночующим на улице или чердаке. Ни к кому из друзей он пойти не мог, у тех были жены еще похуже Ривы, его бы на порог не пустили, пьяного, во всяком случае. А если б и пустили, это потом обернулось бы для их мужей огромными неприятностями. Друзей Яков подставлять не хотел. Да и понимал он, что не придешь домой - только хуже будет.

Он шел, пошатываясь, глядя под ноги, готовя себя морально к предстоящей экзекуции. Вдруг взгляд упал на кирпич. Вернее, обломок кирпича, казалось бы, что тут особенного, какого только мусора на земле не валяется. Но Яков решил иначе, он подобрал обломок и сунул его в карман. Нужно было отвести душу. Что можно придумать лучше, чем разбить кому-

то окно? Поиски подходящего длились минут пятнадцать. Где-то Яша видел людей по близости и пугался, где-то окна выглядели слишком убого, и ему совесть не позволяла приносить неприятности людям, не менее бедным и нуждающимся, чем он сам. Но наконец подходящее окно было найдено. Квартира явно принадлежала человеку с достатком выше среднего. Яков отвел руку назад, прицелился и швырнул кирпич прямо в центр. Тот отскочил, не принеся никакого вреда прозрачной поверхности. "Эх, была не была", - подумал удивленный Яша, подошел к окну вплотную (это был первый этаж) и со всего размаху ударил лбом. Это было больно, но без толку. Испугавшись, что его могли услышать, неудачник бросился наутек и не останавливался до самого своего дома.

Перед самой своей дверью Яков вспомнил историю своего друга, такого же несчастного, как и он сам, которого жена выгнала из дому и заставила ехать зарабатывать на пропитание семьи в далекую Москву. Надо сказать, все сложилось довольно успешно, спустя пару лет этот человек уже имел квартиру в столице Российской Федерации, он перевез семью к себе, и они зажили в достатке. Несмотря на счастливый конец этой истории, Яков очень боялся, что Рива последует примеру той женщины. Ему очень не хотелось покидать родной город, в котором прошла вся его жизнь.

***

Рива восседала на кухне и меланхолично смотрела на стоящую на плите кастрюлю, в которой варился бульон. Она думала о своем непутевом муже-алкоголике, зарабатывавшем недостаточно для обеспечения благополучной жизни ее, Ривы, и их двоих детей. Это даже если не учитывать деньги, спускаемые на выпивку. "Эх, задам же я ему трепку", думала женщина. Лишь только уловив движение ключа в замочной скважине, она схватила свою верную скалку и коршуном бросилась к двери.

– Привет, Ривочка, - сказал Яков, входя, – понимаю твое состояние,

но попытаюсь все объяснить.

Но этого ему не удалось. Удар скалкой по голове, и Яша на полу. Все шло по привычному для данной семьи сценарию. Кроме одной, но очень существенной детали. Рива со словами "так тебе и надо, козел" нагнулась, схватила мужа за воротник и совсем уж было хотела оттащить его в спальню, как вдруг заметила, что тело супруга как-то уж чересчур обмякло. Пощупав пульс, она обомлела – Яков был мертв. Такого психика несчастной женщины выдержать не могла.

Когда ее маленький сын вышел из комнаты, он с трудом поверил своим глазам. На своем недолгом веку подобного ему еще наблюдать не доводилось. Посмотрев несколько секунд, он пошел и разбудил сестру. И теперь дети уже вдвоем созерцали странную картину: отец их лежал на полу, мать же, стоя пред ним на коленях, трясла головой и с остервенение молотила по телу Якова деревянной колотушкой.

***

Марья Евгеньевна, детсадовская воспитательница лет сорока пяти, увлеченно вязала шарфик, периодически окидывая своих резвящихся подопечным взглядом добрых зеленых глаз. Большинство детей играли в чехарду, в покемонов или в церковь. Сын батюшки Владимира Акакий с ранних лет проявлял лидерские свойства и в относительно краткий срок не только объяснил одногруппникам правила этой игры, но и сделал ее достаточно популярной. "Далеко пойдет мальчик", - подумала воспитательница, с умилением глядя на размахивающего игрушечным кадилом Акакия. Двое сводных братьев-иностранцев, усыновленные однополой семьей из США (их родители приехали к нам в страну по обмену опытом), не принятые в игры сверстников, играли в сантехников. Впрочем, несколько девчонок, после подслушанных разговоров их мам с подругами интересовавшихся иностранцами, пытались присоединиться, но были отвергнуты. В эту игру девочек не брали. Несколько особенно неспокойных мальчишек били за павильоном милицейского сынка

Андрюшку. Все шло своим чередом, почти все дети были на месте. Отсутствовал лишь сломавший ногу Васька и двое маленьких евреев, брат и сестра. То ли тоже заболели, то ли опаздывают. Правильным оказалось второе предположение.

– Здравствуйте, Марья Евгеньевна! – Хором прозвучали два звонких детских голоска.

Это и были те самые близнецы, Лева и Софа. Похоже, они пришли в детский сад одни. "Странно, почему они одни? Где их мать? - удивленно подумала воспитательница. - Евреи, впрочем, кто знает чего от них ждать?"

– Привет, дети, - ответила она. – А где же Ваша мама?

– Мама сегодня не смогла нас привести, – важно ответила Софа, – она кушать готовит. Мы сами пришли. Как взрослые.

– Да, – подтвердил Лева, – у нас сегодня на ужин будут отбивные из папы.

– Что ж, принесите и мне кусочек, – с улыбкой произнесла Марья Евгеньевна, подумав при этом про себя: "Странная семья. Кто их поймет, евреев?"

– Обязательно принесем, – сказали дети.

Глава 5

В последнее время одно из наиболее посещаемых мною мест - дом некоего Никифора Федоровича по прозвищу Старик. Немудрено, что он носит это прозвище, ведь он действительно старик. Вообще-то я терпеть не могу всех этих дедов старых, на лавочках рассиживающих и с высоты своего маразма на народ пиздящих. Но при старении в душе человека могут происходить самые разнообразные процессы. Чаще всего он элементарно

превращается в старого тупого мудака, подобных коему на кол сажать надобно, после чего грузить в кузов КамАЗа да вывозить из страны подальше, дабы духу их поганого здесь не было. Другие практически не меняются, у меня, к примеру, была преподавательница, которая в семьдесят с лишним лет порхала аки шестнадцатилетняя, что не могло не восхищать. Третьи обретают легкость и ничем не грузятся, они не пришли к нирване, но обрели счастье на пути к ней. Четвертые и пятые нас не интересуют, а к шестым я отношу Федорыча, и никого больше.

Прошлое Старика было покрыто пеленой тумана. Многие считали, что раньше он был разведчиком, но я думаю это не так. Единственное, что в нем было от разведчика так это его скрытность. Но все же, думается мне, в юности Никифор Федорович был странствующим актером. Он ездил по необъятной стране с разными театрами, в основном малоизвестными, в основном по глубинке. Во время гастролей он соблазнял наивных провинциалок, увозил их с собой и терял по дороге. Некоторые преследовали его, но с ними Никифор сталкивался редко, так как страна была огромна, а маршруты его непредсказуемы. Иногда он проворачивал разнообразные аферы, проворачивал настолько мастерски, что ни разу не попался в руки закона. На часть добытых денег Никифор покупал золото и прятал его в надежном одному ему известном месте. Не то чтобы легкомысленный актер был столь уж бережлив, но так подсказывала ему его интуиция, коей привык он доверять с детства. И не зря он копил свой капитал, надо сказать. Нажитые материальные блага помогли Никифору Федоровичу в начале девяностых, в какой-то момент он понял, что сам он не так уж и молод, а страна его с недавних пор не так уж и огромна, и ушел на заслуженный отдых. Он купил дом на окраине Харькова, привел в порядок участок при доме, посадил несколько фруктовых деревьев, выделил участок под овощи. Непонятно, откуда взялась вдруг ни с того ни с сего в этом путешественнике и авантюристе любовь к садоводству и огородничеству. А между тем, похоже, нет теперь для Старика большей радости, нежели ухаживать за своей картошкой и помидорами.

Даже согласившись со мной, что история перевоплощения бродячего актера в тихого старика-огородника представляет собой значительный интерес для исследователя жизни, и уж тем более, если вы с этим не согласны; вы, не являясь, надеюсь, полными пофигистами, а, являясь напротив искателями или, более того, исследователями жизни не можете не поинтересоваться, что же я у этого старикана забыл. Чем так

заинтересовал этот экс-аферист гражданина Полиграфа, не своими же маразматическими байками о былом. Разумеется, нет, тем более был дед Никифор существом вполне здравомыслящим. По крайней мере, никаких признаков не то что маразма, а хотя бы склероза, у него не наблюдалось. И человеком был он весьма интересным и общественно полезным.

В обществе что главное? Искусство! Его развитию Старик и способствовал. Будучи просто таки влюблен в рок-н-ролл, Никифор Федорович купил необходимую аппаратуру и устроил в своем доме студию, на которой имели возможность бесплатно репетировать и записываться молодые харьковские группы. Здесь можно было увидеть много самобытных творцов новой музыки. Естественно, все харьковские музыканты даже проводя у Старика часа по два в неделю, в доме у него бы не разместились. Поэтому старый меломан проводил отбор и пускал к себе только лучших. Вкус у него был, надо сказать, неплохим.

Дом Старика был едва ли не единственным, во всяком случае, одним из немногих таких мест в нашем городе. Не редкость, что пенсионеры зарабатывают себе на свое жалкое существование, создавая у себя дома условия для репетиций. Я бывал в подобных местах, в частности на репетиции великой дез-группы "Ancestral damnation". Но домик, в котором репетировали А.Д.ские музыканты, не идет ни в какое сравнение с замечательной студией, оборудованной дедом Никифором. Здесь, во-первых, куда просторнее (на А.Д.ской репетиции я едва поместился между стеной и барабанной установкой, за которой расположился легендарный Бабуин; приятно, конечно, услышать музыку столь выдающегося исполнителя вблизи, но все равно тесновато оно как-то), во-вторых - полное взаимопонимание с хозяином (если вспомнить ту же репетицию А.Д.а, можно сказать, что хозяин был крайне против гостей на репетиции, да и вообще создавал различные помехи), и, наконец - совершенно бесплатно.

Вы, возможно, поинтересуетесь, как же воспринимали происходящее в доме Никифора Федоровича соседи. Ведь не все же любят рок. Так вот...

***

С соседями Старику повезло. С одной стороны жила молодая супружеская пара, не обращавшая на окружающее никакого внимания. Молодые люди были увлечены друг другом и занимались любовью на протяжении почти всего свободного времени. Думаю, если в Харьков войдут вражеские войска, соседи деда Никифора будут последними людьми, которые узнают о войне.

С другой стороны Старик соседствовал немолодой, маразматичной и совершенно глухой дамой. Уж ей-то тем более было побоку, какие звуки доносятся из соседнего дома.

Изредка, правда, к старушке приезжала ее стервозная дочь. Непонятно, что она здесь делала, так как родная мать, судя по всему, никаких теплых чувств у нее не вызывала. Видимо, боялась лишиться наследства. Эта женщина очень любила поскандалить и очень не любила громкую музыку. Особенно стиля рок. Каждый раз она шла к деду и поднимала скандал. После того как ее посылали подальше, она грозила вызвать милицию. Что в скором времени и делала.

Приезжая, милиция видела какую-то растрепанную тетку, уверяющую, что из соседнего дома круглые сутки доносятся звуки рок-музыки. Милиция заявлялась в этот самый дом и недоуменно смотрела на Никифора Федоровича, слушала его безграмотный деревенский говор и уходила. Им просто в голову не могло придти, что этот простецкий старичок с окладистой бородой, место которому не в городе, а скорей в какой-нибудь глухой деревеньке, может иметь какое-либо отношение к рок-музыке. Его вид ассоциировался, скорей, с балалайкой, гармонью или гуслями, но уж никак не с барабанной установкой и бас-гитарой. Трудно было представить, что дед вообще знает, что такое бас-гитара.

После двух таких выездов, милиционеры окончательно убедились, что вызывающая их баба - сумасшедшая и приезжать перестали. Скандалистке же пригрозили упечь ее в психушку, после чего ей пришлось смириться со своей судьбой.

А ведь стоило работникам милиции лишь только заглянуть в дом

Старика... Вот бы они удивились. Да уж, не хватает наблюдательности представителям правоохранительных органов, впрочем, как и многим другим гражданам. Увидев одну лишь яркую деталь, люди строят на ее основе свое представление о предмете, не обращая на все остальное ровным счетом никакого внимания.

***

Разумеется, забота Старика о развитии харьковского искусства - далеко не единственное, что меня заинтересовало. В первую очередь личность этого невыносимо удивительного человека. Было в нем что-то волшебное, он напоминал замаскированного чародея из какой-нибудь красивой сказки в духе Клайва Стейплза Льюиса. Казалось, вот-вот он отведет меня к какой-нибудь с виду самой обыкновенной двери и покажет путь в другой мир, мир волшебства и приключений, а сам он живет двойной жизнью, то в том мире, то в этом. У него должна быть такая дверь или, по крайней мере, что-нибудь в этом роде. В крайнем случае, кентавр в сарае или подземный бассейн с русалками. Однажды нечто подобное едва не произошло.

Однажды, когда я в очередной раз был гостем деда Никифора, он подмигнул мне и пообещал показать "одну штуку". Он подошел к сортиру... Несмотря на наличие в доме различных удобств, вроде водопровода, у него был простой деревенский сортир во дворе. Видимо, наличие нормального цивилизованного санузла противоречило бы его убеждениям и портило имидж. Или, просто-напросто, Старику было лень что-либо переделывать в купленном доме. Так вот, он подошел к сортиру сзади и извлек непонятно откуда огромный проржавевший металлический крючок. Затем Никифор Федорович еще раз подмигнул мне и повел меня вглубь двора. Там он вскрыл с помощью крючка дверь старого сарая. Вообще-то там был замок, но то ли ключа в наличии не было, то ли это был своеобразный ритуал. Так вот, он вскрыл сарай, распахнул дверь.

– Ну как? – спросил он меня.

Я заглянул в сарай и увидел там кучу разного хлама. Ничего волшебного. В глаза бросилась старая газета с заголовком "Талант это труд!".

– Никак, – честно ответил я.

Старик молча закрыл сарай тем же способом, что и открыл, отвернулся и побрел к дому. То ли он надо мной поиздевался, то ли я просто был не готов.

***

Впрочем, если говорить о кентавре в сарае, надо сказать, что тут моя буйная больная фантазия уж слишком разыгралась. Это свободолюбивое существо просто не выдержало бы в неволе и рано или поздно убило бы своего мучителя. Да и не в духе Старика держать кого-либо в неволе, несвобода - то, что дед Никифор ненавидел на протяжении всей своей жизни, все годы своего сознательного существования он боролся против рабства во всех его проявлениях. Старик даже домашних животных не держал, не желая ограничивать их в свободе передвижения. Хотя, я солгал вам, дорогие исследователи и исследовательницы жизни. Все-таки дед Никифор некоторое время держал свиней, и это история, заслуживающая пристальнейшего внимания.

Так вот, не подумайте, что столь духовный человек как Никифор Федорович мог держать скотину из соображений личной выгоды. Нет, он не был вегетарианцем, и не видел ничего зазорного в лишении животных жизни с целью пропитания, но, как я уже говорил, он не терпел всяческих ограничений свободы. Так зачем же ему свиньи? Для высоких целей.

Никифор долгое время разводил свиней, казалось, это было делом всей его жизни. Разумеется, это было не так, но подобное отношение не могло не вызывать уважения.

Старик всех своих гостей первым делом звал посмотреть на откормленных им хрюшек, а уж когда свиньи давали потомство, их хозяин был просто вне себя от радости. И, наконец, число свиней дошло до сотни, во дворе было просто таки невозможно пройти, не натыкаясь непрерывно на любимиц деда. Кроме того свиньи гадили где попало, и запах их испражнений устойчиво установился возле дома Старика, отпугивая почтальонов и разнообразных работников коммунальных служб. Отпугнул он и нескольких рок-музыкантов, переставших посещать гостеприимное жилище Никифора Федоровича, такой снобизм, безусловно, не делает им чести.

И вот, в одну прекрасную ночь дед Никифор осуществил свой замысел - он выпустил животных на волю, предоставив их самим себе в этом испорченном цивилизацией месте. Впервые встретив одну из бывших

подопечных Старика, я вспомнил детский стишок про свинок без шляп и ботинок. Действительно, очень приятно видеть на улицах города животных, которым там, казалось бы, взяться неоткуда. Никифор рассчитывал, что появлений свиней на улицах пробудит в горожанах давно позабытый инстинкт охотника и хоть немного ослабит веревки цивилизации, связывающие их по рукам и ногам. Таковой результат, к сожалению, достигнут не был, но, тем не менее, все это было не зря. Присутствовали в этом определенные эстетические черты, бесспорно, присутствовали.

***

Естественно, вышеописанные моральные уроды, испугавшиеся самого обыкновенного дерьма - лишь досадное исключение из правил, а у Старика собиралась публика весьма респектабельная, элита харьковского рок-н-ролла и металла. К деду Никифору даже довольно долгое время собирались заглянуть ребята из выдающегося андеграундного коллектива "Птица – парровоз". Это были настоящие виртуозы. В репетициях они не нуждались совершенно. Этим замечательным парням было достаточно принять определенную дозу портвейна, приведя себя в необходимое для игры состояние. И тогда они брали инструменты и импровизировали. Главное - наличие инструмента и знание текста. Инструментом им служили в первую очередь пластиковые баклажки из-под кока-колы. Конечно, на баклажках из-под пива или других напитков тоже можно было сыграть, но звучание было не то. Кроме того, кока-кола была именно тем напитком, под влиянием коего были написаны наилучшие песни группы. Впрочем, сыграть парровозовцы могли практически на чем угодно. Но наличие пластиковых баклажек из-под кока-колы и бутылки портвейна, учитывая природный артистизм музыкантов и склонность их к импровизации, результат давало просто потрясающий. Много потерял человек, ни разу не присутствовавший на концерте этой группы. А попасть на подобный концерт было с одной стороны очень просто, с другой - довольно таки затруднительно. Дело в том, что "Птица - парровоз" не давала

запланированных официальных концертов. Они могли концертировать где угодно, в ночном детском саду, в заброшенном гараже, на любом более-менее отделенном от цивилизации участке. С одной стороны, отпадала нужда в покупке билетов, с другой – поди узнай, где и когда состоится следующий концерт, об этом и сами музыканты чаще всего и не подозревали.

К сожалению, эта группа малоизвестна, так как, несмотря на наличие в их репертуаре уже минимум трех альбомов, ни один из них еще не записан. По крайней мере, на момент написания этих строк не записан. Что касается концертов, даются они не так уж часто и аудитория редко превышает одного человека. Еще очень жаль, что парровозисты так и не добрались до студии Старика. О причинах вы узнаете позднее.

***

Да, чуть не забыл рассказать об одной весьма примечательной особенности жизни старого Никифора. Он любил, по собственному его выражению, "играть в сумасшествие". Довольно часто он "сходил с ума" и убегал в лес. Старик говорил мне, что он просто любит лес. Но добираться до леса бегом с ненормальным видом - часть своеобразного очищающего ритуала. При иных обстоятельствах человеку не стоит входить в лес, он не достоин этого. Посещая лес, ты должен хоть немного сойти с ума, лес любит юродивых. Однажды я отправился с ним на одну из подобных прогулок, я понял, что в чем-то он прав. Я чувствовал себя довольно нелепо, добираясь до леса бегом высунув язык, но, вбежав лес, я почувствовал себя необычайно легко. И гуляя по лесу, я чувствовал свое единство с ним, со всеми его деревьями, немногими уцелевшими животными и пьяными студентами, горланящими песни у костра.

Безусловно, этот поход в лес запомнился мне. Вряд ли я буду регулярно бегать в лес с высунутым языком, но, тем не менее, вариант повторного визита не исключен. Все-таки это здорово - сходить с ума и убегать в лес.

***

Итак, мой путь, путь исследований, путь борьбы с недавних пор, продолжается. О своей борьбе я еще ничего не рассказывал и пока не буду, даст Бог, расскажу позднее, если останусь жив, разумеется. И мой путь вот-вот должен пересечься с дорогой, коей шествует по жизни Старик. Наши пути уже не раз сближались между собой, не думаю, что они сольются в один, все-таки мы слишком разные люди. Тем не менее, близилась наша главная встреча, способная если не кардинально изменить наши жизни, то, по крайней мере, отпечататься в памяти, оставив несмываемый след. Это вам не просто помахать ручкой при сближении дорожек и пойти дальше, это стык. Чаще всего после таких стыков дороги либо на некоторое время (бывает даже и навсегда) сливаются в одну, либо наоборот надолго, а то и навсегда удаляются друг от друга.

Недавно по городу пошел слух, что дед Никифор сошел с ума. Я этому, разумеется, не поверил. Такие люди не сходят с ума, у них это не может получиться при всем желании. Как может лишиться рассудка человек, юродивый с рождения?

Дед явно преследовал какие-то свои цели. Я пытался выяснить подробности его якобы умалишения, но информации было очень мало. Обозленные рок-музыканты, коих Никифор отныне на порог не пускал, пугая ружьем и угрожая расправой, били об головы копилки и продавали предметы роскоши, дабы на вырученные деньги с грехом пополам продолжить развитие собственной карьеры. Многие с горя пили по-черному, и добиться от них чего-либо путного не представлялось возможным. Легко пошли на контакт лишь музыканты "Птицы – парровоз", но толку с них было, что с козла молока, так как со Стариком они так и не познакомились. Музыканты же, с коих толку могло быть значительно побольше, скажем, как с осла дерьма, при одном упоминании имени своего бывшего благодетеля либо приходили в неистовство и крушили все вокруг, либо, напротив, уходили глубоко в себя. Конструктивного диалога не

получалось.

Что ж, решено, я иду к Никифору Федоровичу, располагая минимумом информации, на свой страх и риск. Возможно, он отстрелит мне голову, или подстрелит меня в задницу, когда я буду убегать, или выведет из дому полк приютившихся там гопников и скинхедов, кои мокрого места от меня не оставят... Но, если он, как я и ожидал, симулирует сумасшествие, все обойдется. Тем более, я ведь теперь не музыкант. Итак, я подхожу к калитке, нажимаю на ручку...

***

Старик встречает меня, как и всегда очень хорошо. По всем правилам гостеприимства, я не заметил в нем серьезных перемен. Разве что некоторая атмосфера таинственности чувствовалась в воздухе. Итак, дед Никифор впускает меня в дом, проводит на кухню. Ставит на стол самовар... Без самовара никогда не обходится, это любимый фетиш старого Никифора. Он достает посуду, связку баранок, портвейн. Портвейн самый лучший, за четыре гривни с копейками, наиболее дешевый, что все еще можно отыскать в современном Харькове. Старик знает толк в портвейне, как и в музыке. Мы опрокидываем по стаканчику, и хозяин разливает чай. И тут я замечаю, нечто, смутившее меня еще при входе, обретает конкретную форму. Обычно из располагающейся неподалеку студии доносятся звуки хорошей рок музыки. Теперь же... Я прислушиваюсь...

– Че это за хуйня? – Вопрошаю я.

– Пойди погляди, – таинственно шепчет Никифор Федорович и заговорщицки подмигивает.

Я выхожу, приоткрываю дверь, впрочем, можно было понять и не открывая ее. Стоило лишь прислушаться. Рэп. Самый что ни на есть низкопробный. Я закрываю дверь, возвращаюсь на кухню, подсаживаюсь к столу. Сижу, молчу. Старик разливает портвейн, мы выпиваем.

– Пора, – торжественно сообщает он. Мы выходим, хозяин закрывает дверь на засов снаружи. Я всегда удивлялся наличию этого засова. Мы выходим на улицу, он достает из кармана какое-то устройство и нажимает на кнопочку. Дом Никифора взрывается.

– Вот так-то, дружок, – говорит он, – ты пришел как раз вовремя. Я рад. А теперь прощай, иди своей дорогой. Может еще и свидимся, хотя вряд ли. Он поворачивается ко мне спиной и удаляется в направлении востока. Что само по себе ничего не значит.

Глава 6

Станислав шел по улице Пушкинской нетерпеливой походкой, виляя из стороны в сторону объемным своим задом. Он кипел от негодования. В этот день во Дворце Студентов ХПИ должен был состояться очередной тур чемпионата Харькова по игре "Что? Где? Когда?". Стас был фанатом этой игры, она была одной из немногих его радостей в этом жестоком мире. Товарищи же его по команде не осознавали всей важности события. Они даже не удосужились, как делают все уважающие себя знатоки, собраться потренироваться за несколько часов до игры - все сослались на какие-то важные дела. Как будто успех команды это неважно! "Какие все же безответственные люди! Это недопустимо", – думал на ходу Стасик.

Свернув налево и пройдя арку, Станислав остановился, и некоторое время так и стоял посреди дороги, отрешенно глядя на Дворец Студентов. "Пусть только попробует кто-нибудь не явиться", - гневно подумал он. Но что сделает в таком случае наш герой, додумать не удалось - размышления были прерваны настойчиво сигналящим и матерящимся водителем, которому жирное тело Станислава загородило проезд.

Отойдя с дороги, Стас направился к киоскам, в которых торговали фаст-фудом, он рассудительно решил, что до игры времени еще много, и он успеет как следует перекусить. Протерев очки и внимательно изучив меню, Стасик заказал шаурму и кофе, дождался выполнения заказа и устроился за

свободным столиком. Откусив кусочек и отхлебнув кофе, он с наслаждением зажмурился - времени после обеда прошло немало, чувство голода давало о себе знать. Решив выжать из сложившейся ситуации максимум, Станислав достал из сумки популярную развлекательную газету, чтобы почитать за едой анекдоты и занимательные истории. Он развернул газету перед собой и откусил еще кусочек. Увиденное шокировало его, недожеванный кусок шаурмы вывалился из открытого от удивления рта. На второй странице газеты красовалась огромная фотография эрегированного мужского полового органа. И это во вполне приличной газете, которую еженедельно читают тысячи харьковчан всех возрастов. Под фотографией была подпись "это хуй". "Это что значит? – едва не плача подумал Стасик. – Куда мир катится? Бесовщина какая-то". Догадываясь, что может ждать его дальше, Станислав от греха подальше закрыл газету, скомкал ее и выбросил в урну. Затем он принялся меланхолично доедать, зыркая по сторонам, у кого бы попросить сигарету. Заботясь о здоровье, Стас бросил курить месяца два назад, но теперь это уже не имело значения.

***

В актовом зале было довольно шумно. Знатоки вполуха слушали ведущего, оглашавшего регламент турнира, вставляя время от времени плоские шутки, переговаривались между собой, преимущественно о предстоящей игре и о прошедших играх, некоторые ели и пили. Вдруг все притихли. На сцену вышел незнакомый никому из присутствующих молодой человек в малиновом пиджаке. Он махнул рукой небрежно в сторону ведущего и тот, словно играя в "Море волнуется раз" замер с открытым ртом и микрофоном в руке.

– Добрый день, уважаемые знатоки. С вами Джим Слэйд, я прочитаю вам небольшую лекцию, которая вряд ли будет понята вашими скудными сознаниями. Итак, интеллектуальная элита общества, слушай меня, я назвал эту лекцию "Психоделическая любовь или погоня за призраками". "Оружие к бою готовь, хватит ей корчить гримасы.

Психоделическая любовь поднимает народные массы", - писал один современный автор песен, которые никто не поет. "Ей" - имелось в виду реальности. И он прав, лишь вера в чудеса, сказки и силу психоделии дает власть над нею. Изменив свое сознание, можно изменить реальность до неузнаваемости, я не имею в виду сумасшествие. Я хотел бы показать применение искусства психоделизации на двух ярких примерах - поисках дверей и любви к даме. Во многих литературных произведениях люди открывают привычные для них двери, хоть бы в сортир, и оказывается, что это путь в другие миры. Не зря ведь существуют истории, детские страшилки, рассказы Стивена Кинга (надо сказать, этому человеку многое известно, на уровне подсознания, во всяком случае) и так далее, рассказывающие о странных существах, вылезающих из шкафа. А история о Бабае чего стоит? В ряде сказок человек садится на лифт и вместо первого этажа отправляется в гости к неведомому народу, или люди видят двери, которые не видит никто другой. Последний случай, разумеется, является гарантом путешествия в неведомое. И поверьте, заглядывая за двери в ожидании чуда, рано или поздно вы на него наткнетесь. Перейдем ко второму пункту - психоделической любви к женщине. Когда влюбленный стремится найти свою даму сердца в хаосе мира без всяких подсказок, интуитивно, нащупав нити судьбы. Он видит в этом залог своего успеха. Жизнь превращается в блуждание по городу, вычисление путем использования воспаленной фантазии мест, где может любить проводить время возлюбленная, погоня за девушками, напоминающими издали искомую даму. То есть и в первом и во втором случае мы видим бесконечно долгую погоню за призраками. И да обрящет ищущий. Джим щелчком пальцев вывел из оцепенения ведущего и растаял в воздухе. Ведущий обессилено осел на пол. Некоторое время все сидели в ошеломлении, не находя возможности выдавить из себя хоть слово.

– Что это было, блядь? – Сказал наконец один из знатоков.

***

Первый тур мы отыграли как обычно, ни шатко, ни валко. Причинами тому были во-первых перебор игроков (оптимально играть в "Что? Где? Когда?" втроем, причем когда хотя бы двое играть не хотят, проверено опытом), во-вторых – недостаточно интенсивная тренировка, в случае нашей команды "Children of Коршун" заключающаяся в поглощении водки и пива. Мы играли в эту игру уже года три-четыре, главной причиной попадания в эту тусовку интеллектуалов была возможность ездить по различным загородным фестивалям, где можно неплохо отдохнуть. Также было весело издеваться над знаточьем, заставляя их на играх узнавать все больше новых слов.

Особенно ярко вспоминается один эпизод с позапрошлогоднего фестиваля в Занках. Тогда с утра к нашей мающейся с похмелья команде подошел один весьма авторитетный знаток из Москвы, человек крайне интеллигентный и гламурный. Поправив берет на голове, он присел за наш столик и сказал:

– Вы не видели моего кофейничка? Оставил в мойке и не могу найти. – После чего последовал долгий рассказ о том, какой это хороший кофейник, какого года выпуска, с какими узорам, какими мастерами был сделан.

Наконец игравший в нашей команде известный философ и идеолог Ризограф, до этого изображавший всем своим видом растительную форму жизни поднял на рассказчика мутные глаза и прямо спросил:

– Шо, чайник спиздили?

Выражение лица богемного интеллектуала надо было видеть.

Так вот, в перерыве мы, как всегда, идем курить. Я выхожу первым, остальные задерживаются. Верчу сигарету в руках и жду товарищей по команде. И тут ко мне подходит весьма странного вида молодой человек в малиновом пиджаке.

– Джим, – представляется он.

– Полиграф, – пожимаю протянутую руку.

– Слушай, Полиграф, – говорит Джим, – я должен тебе сейчас кое-

что продемонстрировать. Идем со мной.

– Куда?

– Ну, можно сказать, что в пивную. Хотя это не совсем обычная пивная.

– Нет, Джим, - не соглашаюсь я. – У меня игра, нельзя подводить команду. Давай позднее уже со всеми ребятами двинем.

– Игру и без тебя сыграют. А я хочу показать тебе кое-что необычное. Или у тебя переизбыток чудес в жизни? Надо торопиться, время не ждет. – Возражает мой новый знакомый.

– Ладно, идем.

Мы, не говоря ни слова, шагаем по городским улицам, в конце концов, выходим на Сумскую. Там нас уже ждут у дверей какого-то заведения, аристократичного вида дама и мужчина в деловом костюме с ослом на уздечке.

– Нас с ослом пропустят? – Спрашиваю я.

– Конечно пропустят, осел! – Радостно восклицает хозяин животного.

Входим в кафе, садимся за столик.

***

Мы садимся за столик, к нам тут же подскакивает официантка с измученным, но милым лицом, приносит меню.

– Вот что, милочка, пока мы выбираем, я попросил бы привести вышибалу, – говорит человек с ослом, одной рукой подергивая уздечку,

другой поправляя галстук.

– И пепельницу, – тихо произносит дама. Это первые слова, что я от нее услышал.

– Минуточку, господа, – говорит официантка и упархивает.

Спустя несколько секунд перед нами уже стоит пепельница, все, кроме джентльмена с животным закуривают. Леди курит дешевые сигареты "Classic", я курю свой любимый "Alliance", Джим - гротескно толстую и длинную папиросу. Еще спустя минуту подходит вышибала. Непропорционально маленькая голова сидит на огромном туловище богатыря. Такое впечатление, что верхняя часть черепа у него отпилена. Впрочем, зрение меня не обманывает. Вышибала снимает за волосы верхнюю часть головы и здоровается. Девушка смеется. Вышибала склоняется перед мужчиной с животным, подбегает официантка, приносит золотую кофейную ложечку. Человек с ослом принимает ложечку, повязывает вокруг шеи белую салфетку и принимается медленно есть мозги вышибалы, жмурясь от удовольствия. Остальные заказывают пиво, пиво приносят, мы поднимаем бокалы за мировую революцию.

– Вы неправильно держите бокалы, ослы, – делает замечание джентльмен с ослом, отрываясь от трапезы.

– Леди и джентльмены, – начинает говорить Джим Слэйд, когда официантка уходит, – я должен признаться, что собрал вас в воистину ужасном заведении. Не вздумайте оставлять здесь чаевые, как бы хорошо вас не обслужили - все они пойдут в карман хозяина пивной. Дело в том, что весь персонал здесь находится в рабстве у этого самого владельца, премерзкого старикашки, у которого вечно куски несвежей каши в бороде, неопрятная прическа и грязный носовой платок, которым он время от времени протирает лицо. Он держит рабов даже не в бараках, а в картонных ящиках из-под бытовых приборов, отпуская этих несчастных людей во внешний мир лишь на время работы. И то, какой это внешний мир? Он ограничен этим захудалым кабаком. И убежать, заметьте, нет никакой возможности. Кормит он их, бросая в ящики на головы кашу и заставляя этих несчастных соскребать это скудное блюдо руками со своего тела и облизывать руки. Рабов даже в туалет не отпускают, им приходится ходить под себя - старикашка-хозяин обожает запах нечистот. И не только

запах. Ладно, не буду в присутствии дамы вдаваться в подробности. По утрам он ставит ящики на конвейер, собственноручно моет своих подопечных и причесывает их, это напоминает сюрреалистическую подготовку бойцов из какого-нибудь фантастического фильма. А чтобы усилить свою власть, однажды он создал это чудовище, своего любимца вышибалу. Не волнуйтесь, пока поедают его мозги, он нас не слышит. Голова его постоянно заполняется новыми мозгами, создаваемыми хозяином. Последний при всей своей омерзительности – великий ученый.

– Это ужасно, – сквозь слезы произносит дама.

– Они просто все ослы, – комментирует человек с ослом, облизывая золотую ложечку.

– Вы оба по-своему правы, – примирительно говорит Слэйд. – Но я вас всех собрал не только чтобы все это рассказать. Есть более серьезная цель. Наше общество морально разлагается. Но разложение это медленное, гнилое, некрасивое. Общество может гнить подобным образом еще сотни лет, это нас не устраивает, мы не хотим столько ждать. А некоторые из нас, смертные, и не могут. У меня есть план, как сделать этот процесс более быстрым и красивым. Мы захватим все радиостанции, будем круглосуточно крутить музыку стиля грайндкор. Вместе с тем захватим все телеканалы и будем круглосуточно показывать населению грязное порно.

– По-моему порно и так все смотрят. – Перебивает Джима леди.

– Да, милая, но не по государственному же телевидению. Плюс мы захватим редакции газет, наполним прессу фотографиями половых органов и матерной руганью. Первые шаги уже сделаны, но для глобального успеха пока слишком мало людей. У тебя есть достойные люди на примете, Полиграф?

– Значительная часть уже мертва, – признаюсь я. – Но кое-кто еще остался. Будем искать.

Дальнейшую нашу беседу приводить не буду. Это самый обычный треп за кружечкой пива, представляющий интерес только для участников. Человек с ослом, доев вторую порцию мозгов, тоже взял пива. Он оказался неплохим парнем, интересным собеседником, только странноватым немного.

Расплатившись и выйдя за дверь, джентльмен с животным и дама выразили свое мнение о пивной.

–8520/ Как мне жаль этих людей! Неужели нельзя для них ничего сделать?! – Воскликнула леди.

– Всему свое время, –- спокойно ответил Джим.

– Они все ослы, – сказал человек с ослом. – И ходят сюда в основном только ослы, – добавил он.

***

Мясник Василий шел по рынку, пугая слабонервных покупателей. Он был в белом заляпанном кровью фартуке, да и руки его были в крови. Василий очень гордился своей профессией, кроме того, любил театральные эффекты. Василий думал о Боге. "Этот странный стенд недалеко от станции метро "Архитектора Бекетова", - думал он, - "У твоего города есть будущее". Почему я всегда читаю: "У твоего Господа есть будущее"? Это, видимо, неслучайно". И не только о Боге. Еще он думал: "Когда придет мой черед, главное - не умереть во сне. Надо сначала проснуться. Смерть во сне - дело неприятное и недостойное". Кроме того: "Вчера я начал смотреть "Апокалипсис сегодня". Похоже, интересный фильм. Я так мало знал о группе "The Doors". Оказывается, в группе был еще переводчик. Он синхронно с пением Моррисона проговаривал текст на русском. Это придавало группе сверхшаманское звучание, особенно для англоязычной публики". Как видите, мясник Василий был очень разноплановым человеком.

Купив в киоске сигареты, он отправился к своей основной цели - лоткам с картофелем.

– Добрый день, – поздоровался он с торговцем.

– Здравствуйте, с праздничком. – Ответил тот.

– И Вас также, – поздравил лоточника Василий, силясь припомнить, какой же сегодня праздник.

– Как обычно? – Спросил торговец.

– Ага.

Расплатившись и взвалив на плечи два мешка картошки, Василий покинул рынок в прекрасном расположении духа.

***

По пути домой я замечаю, что на месте заброшенного магазина, не функционировавшего уже несколько лет и служившего пристанищем бомжам, теперь находится мясная лавка. Я не очень внимателен, видимо, проглядел, когда же успели все отремонтировать. Что ж, это любопытно. Стоит заглянуть, в наше время глобализации уже практически перевелись все эти старые добрые мясные лавки, булочные, магазины "Овощи Фрукты" и тому подобные милые моему старомодному сердцу торговые точки.

Вхожу, вижу огромный аккуратный прилавок, на прилавке разложено мясо, также мясо подвешено к потолку. За прилавком - улыбающийся краснорожий мясник. В уголке стоит старенький магнитофон, звучит музыка группы "Агата Кристи". Приятное заведение, надо обязательно что-нибудь купить.

Пока я разглядываю ассортимент, входит еще один посетитель. У него готичный вид и безумные глаза. Посетитель достает из старенькой сумки полиэтиленовый пакет, в пакете лежат человеческие руки. Он молча протягивает упаковку с конечностями мяснику. Мясник некоторое время осматривает полученное, затем удивленно спрашивает:

– Никак на мужиков перешли? Руки мужские.

– Понимаете, – по-клоунски кривляясь, отвечает посетитель, – был неудачный вечер. Ни одной подходящей дамы, может, стоило подождать, но не хватает мне терпеливости, с детства страдаю.

– Что ж, как бы то ни было, для меня это не имеет значения. – Сурово отвечает мясник. – Получите. – Мясник вытаскивает из-под прилавка мешок с чем-то тяжелым внутри и протягивает его готичного вида мужчине. – И еще, позвольте спросить, Вы в церковь ходите?

– Захаживаю иногда, – кривясь, словно от зубной боли, отвечает посетитель и принимает мешок. Затем, с трудом взвалив ношу на плечи, уходит.

– Человечинкой приторговываете? – Ехидно спрашиваю я Василия (а это именно он).

– Упаси Господи. – Крестится мясник. – За кого вы меня держите? Да как только язык у Вас повернулся?

– А что, позвольте поинтересоваться, все это значит?

– Значит, история такая. Понимаете, ныне у маньяков появилось новое веяние – расчленять трупы. Понимаете, капризы моды, разные культивируемые в их среде богомерзкие учения. И они, собаки, вместо того, чтобы предать хотя бы тело земле, бросали его на месте злодеяния. Не по-христиански это, мертвецов надобно хоронить. Тела несчастных жертв осквернялись прикосновениями грязных милицейских лап, разными там экспертизами. Но я нашел выход. Маньяки-расчленители, они народ убогий, к мирской жизни совершенно не приспособленный. У большинства нет нормальной работы, а у некоторых работы и вовсе нет, живут впроголодь. И деваться им некуда - забирают останки с собой, приходят ко мне. Я же меняю части их жертв на картошку. Полмешка за голову или конечность, мешок за туловище. Получив тела, хороню их согласно православным обычаям.

– Говорите, не по-христиански? А убивать и расчленять ни в чем не повинных людей, это по-божески?

– А что я могу поделать? – Спокойно отвечает мясник. – Эти люди родились такими, их не переделать. На все воля Господа нашего, не мне их судить. Я не могу спасти несчастных людей, так пусть хоть будет им оказана помощь в упокоении. Делаю все, что в моих силах.

– Вы же могли бы уничтожить маньяков, они же приходят к Вам ничего не опасаясь, как к себе домой. И таким образом предотвратить их злодеяния.

– Нет, - грустно отвечает мясник, – не могу я убить человека. Совесть не позволяет.

– В чем-то ты прав, мясник. Хороший ты мужик. – Говорю я. – У меня для тебя есть одно предложение. Не знаю, согласишься ли, оно может показаться аморальным, но на самом деле все вовсе наоборот. – Думаю, этот человек может помочь делу Слэйда. Он многое понимает.

Глава 7

Кирилл Антонович работал директором мыловаренного завода. Он считал свою профессию, казалось бы, довольно скучную, переполненную обыденными заботами, лишенную в общем случае творческих черт, очень увлекательной и важной. Это было почти осуществление мечты его детства. Конечно, мечта была более глобальной, хотелось сделать всех людей чистыми. Чистота телесная по твердому убеждению нашего героя несла своему обладателю чистоту души, если бы можно было заставить все население планеты одновременно совершить омовение, общество стало бы идеальным, человечество вернуло бы себе рай. Вот о чем мечтал Кирилл в детские годы, отрешаясь под струями горячего душа, сбегая с уроков на речку, плескаясь в водах Черного моря во время летних каникул. Он, достаточно спокойный и приличный мальчик, почти никогда не дравшийся, не издевавшийся над более слабыми сверстниками, не прикасавшийся к алкоголю и сигаретам до совершеннолетия, на этой почве совершил единственный за школьные годы хулиганский поступок. Во время одного

из уроков паренек прокрался в располагающийся на третьем этаже школы туалет, заткнул раковины и открыл краны. Он хотел добиться этим улучшения духовного состояния учителей и учащихся. Но не добился ничего. Вошедший в скором времени в уборную проблеваться вечно пьяный учитель физкультуры Павел Ильич, сделав свое дело, немного протрезвел, разобрался в происходящем и вернул умывальники в исходное состояние.

Повзрослев, Кирилл сменил свои взгляды на более приземленные, он рано женился, в скором времени стал отцом. Необходимость кормить семью заставило его сменить приоритеты. И, не смотря ни на что, что-то осталось в этом человеке от того юного мечтателя. Работа директором завода по производству мыла, приносившего людям средство очищения, давала почву для уверенности, что жизнь прожита не зря, но это, разумеется, не было пределом мечтаний. Периодически Кирилла Антоновича прорывало, и он хотел совершить нечто большее. В одно из таких мгновений он изобрел свое устройство для непрерывной подачи туалетной бумаги. И это сыграло впоследствии с ним злую шутку при обстоятельствах весьма необычных. Но обо всем по порядку.

В апартаментах Кирилла Антоновича была оборудована специальная система. Бумага в его уборной никогда не кончалась, специально нанятые рабочие следили за пополнением ее запасов, и посетитель туалета мог беспрепятственно использовать ровно столько бумаги, сколько ему необходимо. И вот в утро одного прекрасного дня Кирилл Антонович, насвистывая и думая об уехавших на несколько дней в гости к его теще жене и детях, пошел справить нужду. Облегчившись, он оторвал кусочек бумаги и подтер задницу. Затем еще кусочек, еще... Спустя минут пять он почувствовал неладное. Бумаги уже было израсходовано много, пришлось два раза пользоваться смывом, но пространство между ягодицами все также оставалось измазанным фекалиями. Еще спустя пять минут бесплодных попыток, хозяина квартиры обуял ужас. Но выйти из туалета с грязным задом наш герой не мог, он был крайне чистоплотен. Кроме того туалетной бумаги было предостаточно, рано или поздно должно же было все получиться. Он вновь и вновь с остервенением подтирал задницу, растер ее в кровь, безуспешно. В конце концов, сознание покинуло страдальца. Так ничего и не добившись, спустя три дня, несчастный Кирилл Антонович умер от голода, жажды и истощения глупой смертью на своем собственном унитазе.

***

Очнувшись, Кирилл Антонович обнаружил себя в огромном подвальном помещении. "Наверное, какой-то добрый человек помог мне, – подумал он, с ужасом вспоминая свои мучения на унитазе, – интересно, жопа чистая?" Подумав об этом, Кирилл вспомнил с улыбкой то удивление, что вызывал у него вопрос некоторых знакомых противоположного пола о чистоте их филейной части. По его глубокому убеждению, чтобы удостовериться в чем-то подобном, надо было немедленно снять как минимум брюки или юбку, а затем, пожалуй, и белье стянуть.

Вскоре мысли нашего героя переключились совсем на другое. Он себя очень странно чувствовал, создавалось впечатление, что кожа одеревенела. Спустя несколько мгновений, во время которых он продолжал самодиагностику, Кирилл Антонович закричал от ужаса. Он не дышал.

– Я мертв, Господи, я мертв! – Закричал несчастный. – Теперь я видимо стал вампиром и буду бродить среди ночи и пить кровь! Но что это за странный склеп?

– Это не склеп, успокойтесь, – сказал откуда-то сзади холодный насмешливый голос.

Вскочив на ноги, Кирилл Антонович узрел бледного молодого человека с испещренным шрамами лицом. За его спиной стояли еще люди, впрочем, приглядевшись, можно было удостовериться, что они лишь были некогда людьми, до момента своей смерти.

– Не волнуйтесь, Кирилл Антонович, Ваша душа упокоится, но несколько попозже. Мое имя Люций, кстати, – продолжал единственный из собравшихся, выглядевший живым, - во избежание глупых выходок предупреждаю, что сопротивление бесполезно, все присутствующие здесь на данный момент полностью в моей власти. Но обрекать кого-либо на вечное рабство я не намерен, придется лишь оказать мне небольшую

услугу, и все будут свободны.

Среди нас собрались исключительно достойные люди, лучшие мужчины и дамы, умершие за последнее время. Художники, клоуны, паталогоанатомы-любители, серийные убийцы, поэты, революционеры. Аристократия, таких людей на кол не сажают, разве что в извращенных и аморальных государствах. Вам не придется всерьез утруждать себя, лишь поучаствуете в одном представлении. Затем все освободятся от нынешних тел и отправятся по местам будущего проживания. Я понимаю, что покойником быть неприятно, но придется немного потерпеть. Ради благого дела. Скучать не придется.

***

Я провожу время в столовой для работников Госпрома. Это одно из наиболее дешевых питейных заведений Харькова и публика здесь собирается самая разнообразная, за соседним столом могут оказаться, к примеру, подпольщики и гэбэшники, и никого это не удивит.

За соседним столом двое подвыпивших студентов ведут беседу о киноиндустрии, перебрасываясь фразами между приемами водки "Люботинн" и морковного салата. Один говорит:

– Символ фильмов Феллини – проститутка. Его произведения можно сказать стоят на границе между темным и светлым искусством, они показывают нам всю омерзительность обывательской жизни.

– Его искусство мне импонирует, – отвечает второй, – но у него есть существенный недостаток, как и у большей части искусства в целом. Люди творят красивые вещи, рассказывают хорошие истории, но дело в том, что они не жизненны. Ведь реальная жизнь не похожа на связное повествование, она полна сумбура.

Пол рядом с их столиком зацементирован. Странно наблюдать цементный прямоугольник где-то два метра на метр посреди старого привычного паркета. Этот изъян появился довольно недавно, создается

впечатление, что на этом месте спрятан труп человека.

Компания за столом подобралась разношерстная, многих я едва знаю, некоторых не знаю вовсе. Один из них рассказывает трагикомическую историю своей любви к лягушкам:

– Я всю жизнь мечтал завести лягушку, – говорит он, играя игрушечной жабой.

– Так почему не завел? – Интересуюсь я. В конце концов, это ведь не такая и редкость, можно приобрести в любом зоомагазине. Немало людей их держат, это же не рак, к примеру.

– Не, моя мама этого не потерпит, – трагически констатирует мой собеседник, – завела тупую кошку. Ее шугнешь – под диван сразу, а дырка маленькая, так головой о диван бьется, до того тупая.

Да, действительно, такой глупой кошки я в жизни не встречал. Этот чувак, пожалуй, наиболее достойный из моих сегодняшних случайных соседей по столу, я его имя сразу запомнил – Наводка. Вот пьяные женщины разговаривают о ролевых играх. Рядом сидит в стельку пьяный мужик, он плюет на стол, думая, что тем самым выражает протест против общества. Этот человек в повседневной жизни воплощает собой полное неверие в светлое будущее. Но сейчас он обвиняет в этом других. У меня в последнее время слишком много знакомств. Это ужасно скучно. Какой интерес слушать истории о том, как кто-то работал в музее, или узнавать чье-то мнение о творчестве Боба Дилана? Я даже не запоминаю их имен.

Тем временем Наводка продолжает свой рассказ, он повествует о пойманной некогда жабе:

– Поймал ее, она вся черная, в бородавках. Берешь ее – она от страха ссытся. Потом отпустишь, опять схватишь – опять ссытся. Такая прикольная, – рассказчик мечтательно вздыхает.

Мои мысли все удаляются от этого места. Я размышляю о том, что в детстве, когда я еще думал, что чем давать обслуге на чай, проще просто дать ей пакетик чаю, я мечтал сочинить такое стихотворение, в котором строки рифмовались бы при переводе на любой язык. Это бы было совершенное произведение искусства. Теперь я вырос, и хоть, искренне

надеюсь, так и не повзрослел, осознал, что ничего не получится. Вообще говоря, наиболее совершенное из созданных человечеством произведений – "Шоу Бенни Хилла". Конечно, в этой программе заранее ясно, что вот, к примеру, девушке задерут юбку, а когда герой снимет ремень, у него упадут штаны, но в мире пока так и не создано ничего более смешного. А похлопывание старичка по лысине - это вообще шутка века. И не важно, что шутки повторяются, это нисколечко не ослабляет эффект. Как бы то ни было, главное – не взрослеть, ведь взрослые люди не способны на творчество. Лучше уж развивать в себе детство.

Я отрываюсь от размышлений и обнаруживаю, что за столом больше никого нет, кроме меня. Вероятно, они пошли курить в коридор. Это, впрочем, совершенно не важно, так как мне пора идти. Джим Слэйд сегодня что-то устраивает на площади, какое-то представление, надо поглядеть.

***

Площадь переполнена людьми. Не уверен, что такая давка наблюдалась даже на день города или в первый день так называемой "Оранжевой революции". За три дня до события плакаты, изготовленные Джимом, были расклеены по всему городу. Надпись была сделана золотым по красному, в темноте буквы светились. Она гласила: "Вниманию всех граждан и подданных. На площади свободы незабываемое шоу Джима и Люция. Предсказание будущего, армия мертвецов, венец праздника - показательная казнь через четвертование. Приходите, не пожалеете. Такого вы еще не видели". Вы можете подумать, что немного людей в здравом уме поверят в подобное. Но был какой-то непередаваемый магнетизм в этих словах, в этих плакатах. Ажиотаж поднялся. Неведомая сила подняла толпу насмешников и привела на площадь.

Я подмечаю отсутствие милицейских кордонов, это удивляет почему-то даже больше, чем другие необычные обстоятельства. Сцена – добротное деревянное сооружение, просто и со вкусом. На переднем плане

Джим и Люций, они с величественным видом стоят по левую и правую сторону от единственного микрофона. Сцену окружают воины в латах с лицами покойников. Присматриваясь, понимаю, что это действительно мертвецы. Некоторых я знаю. Выглядят они довольно величественно, даже те двое, что с клоунскими носами, намазанными белилами лицами и в клоунских костюмах под латами. За спиной Джима и его друга весьма любопытное сооружение, напоминающее гильотину, но это не совсем гильотина. Ну, конечно же! Это аппарат для четвертования. Человек ложится на помост и разрезается на четыре части крестовидным лезвием. Рядом с машиной смерти пристроился палач, он в маске, все как положено. Люций подходит к микрофону и берет слово:

– Разумеется, размах нашего шоу был несколько нами преувеличен. – Пауза. Толпа начинает переговариваться, свистеть, улюлюкать. Люций щелкает пальцами, и шум затихает, он продолжает.

– Вы можете сказать, что наших мертвецов явно слишком мало, чтобы гордо именовать их армией. Но мы кого ни попадя не берем, дело не в количестве. Только лучшие из лучших. Если кто не верит, может собрать отряд и сразиться с ними. Желающие есть? – Его холодный взгляд обозревает толпу. Продолжается это лишь несколько секунд, но создается впечатление, что он заглянул в душу каждому из присутствующих. Уникальный случай наблюдать несколько десятков тысяч людей, собравшихся вместе и не издающих ни звука.

– Вижу, что не предвидится, сборище трусов, - презрительным тоном подводит итог Люций. - Что ж, полюбуйтесь тогда на моих бойцов. Воины в серых латах, воительницы в черных. Думаю, вы успели догадаться. У меня все, очередь за сэром Джимом. С этим словами он спрыгивает со сцены, уступая место у микрофона следующему оратору, и становится рядом со своим войском.

– Приветствую вас, убогие жители настоящего! – С энтузиазмом в голосе кричит Джим. Его слова сопровождаются овацией. Раскланявшись во все стороны, Слэйд продолжает:

– Что у вас есть, где вы бываете? В цирке, зоопарке, парке Горького, в кинотеатрах на премьерах второсортных кинолент... Вы жрете, громко чавкая, попкорн и сахарную вату, стремясь разглядеть настоящее зрелище,

что так необходимо любому человека. И не находите! Еще бы. Современная цивилизация, отчаявшись вернуть человечеству истинный рай, взялась строить искусственный. Плюс ко всему еще и на строителей денег пожалела. Сегодня мы решили вас порадовать настоящим шоу, а то и умрете такими же неудовлетворенными и убогими. К чему это?

– Дядя Джим, – вдруг закричал во все горло мальчишка из толпы, – а казнь будет? Я всегда мечтал настоящую казнь увидеть!

Стоявшие рядом родители, мать, полная женщина с редкими кудряшками в цветастом платье, и отец с внешностью типичного интеллигента, облаченный в твидовый пиджак, нахмурились и зашикали на чадо. Джим же ответил с добротой в голосе:

– Конечно будет, мальчик. Мы держим свое слово. Четвертование, самое что ни на есть настоящее. Но не все пришли поглядеть на казнь. Я ведь обещал еще предсказание будущего. Пожалуйста, такой вам рассказ. – Слэйд набил трубку, закурил, его окутало облако дыма, время от времени облако меняло форму, являя самые чудные образы. И звучал голос оратора:

– Я мягкой поступью шагаю по центральным улицам столицы, мощеным плиткой в виде идеальных квадратов метр на метр, на них ни пятнышка, ни трещинки. Естественно, эта безукоризненность - дело рук рабов, они попрятались при виде венценосной особы, обычно же так и шныряют меж прохожих, поддерживая чистоту. Я любуюсь огромными храмами новой веры. Они построены недавно, но по величественности превосходят классические шедевры архитектуры. Их колонны, надеюсь, будут нависать над проходящими мимо еще тысячи лет, даруя блаженную тень в солнцепек, вселяя уверенность в величии цивилизации.

Гремит гром. Это не предвещает осадков, просто шаманы княжества хорошо справляются со своими обязанностями. Не так давно они научились вызывать гром без молнии и дождя. Это большой шаг вперед, прогресс не стоит на месте. В громе есть что-то величественное, его звуки подчеркивают великолепие нашего княжества, дают его жителям уверенность в себе и в своей малой родине как наиболее достойной части великой империи.

Я выхожу на площадь и обхожу лежащую посредине гигантскую

гранитную глыбу, она возложена здесь недавно, но позвольте, боги, пролежать ей много веков на месте этом. Памятники вождям меняются с ужасающим постоянством, нет в них смысла, глыба же, символизируя величие и монументальность, может вечно услаждать очи князей, королей, фюреров, и простых граждан и подданных в равной степени. Даже рабам, души не утратившим, облегчит ее вид тяжкое бремя.

На площади сегодня гладиаторские бои, что ж, недурная забава. Она у нас не редкость, зрителей не так и много. Площадка, предназначенная для боя, оцеплена мускулистыми воинами, мужчинами и женщинами, их лица суровы, а латы блестят на солнце. Тела погибших послужат государству, его науке и промышленности. Победители же пусть радуются, они заслужили достойной казни, и будут души их отпеты. Вот взгляд мой смещается в сторону, я вижу храброго мальчонку, взобравшегося на вершину глыбы. Он заворожено смотрит на крестовидную гильотину. Не все думают в его годы о будущем, что уж говорить о тех, что размышляют уж о смерти. Парнишка явно из аристократов, и, глядя на его восторженный взгляд, берусь предсказать, что быть ему героем, великим рыцарем.

Наконец-то привезли новую гильотину, старая уж ни на что не годна, умереть право слово на ней стыдно. Вот водитель, радующийся возвращению в родной город, допивает вино, дожевывает мясо, досматривает гладиаторский бой. Этот человек, доставивший нам столь важный груз, имеет право отдохнуть с дороги. Вот он возвращается на свое место, не пройдет и двух часов, как новая гильотина будет установлена в Театре. Правители, художники, тюремщики, сыщики, госбезопасность, палачи, в общем, вся столичная знать и почетные гости города соберутся там сегодня вечером поглядеть казни.

Такая вот зарисовка, друзья мои. Таким быть грядущему. Я мог бы рассказать больше, но не стану. Ведь наступит оно скоро и многие из вас сами все увидят. Сейчас же, дабы дать вам веру в мои слова и сделать первый шаг к достижению наших целей, торжественно объявляю начало своей казни. – Так говорит Джим Слэйд, и все его слушают. Слова не расходятся с делом.

Он отвешивает публике легкий поклон и направляется к орудию казни. "Добро пожаловать, Ваша милость, - приветствует Джима палач, - я, равно как и мое орудие труда, в полном Вашей милости распоряжении.

Прошу, устраивайтесь поудобнее". Слэйд принимает предложение и с видимым наслаждением растягивается на помосте. Неведомо откуда появляется румяная деревенская девушка с подносом, на котором стоят две рюмки, как мне кажется, с водкой и коньяком, лежат набитая табаком трубка и четвертинка черного хлеба. Она смотрит на Джима и молча улыбается. Тот берет четвертинку черного и знаком приказывает девушке уйти, после чего говорит:

– Итак, дамы и господа, объявляю церемонию четвертования открытой. Эта вот четвертинка черного, как вы уже, наверное, догадались, символизирует собой отпущение грехов. В совершенном обществе, съев ее, осужденный обретает прощение, и душа его грешная отпевается в церкви два дня. - Он говорит негромко, но воцарившееся на площади гробовое молчание дает словам возможность быть донесенными до ушей публики. Произнеся эти слова, Слэйд съедает хлеб и ложится на спину.

Палач хорошо знает свое дело, он поправляет тело казнимого так, чтобы оно было разрезано ровно на четыре части, выдерживает театральную паузу и эффектным залихватским жестом приводит механизм в действие. Крестовидное лезвие рассекает тело Джима и, мгновение спустя, оно рассыпается в прах. Проходит еще несколько секунд, и рассыпается армия мертвых, оставляя после себя лишь латы, мгновение спустя к ним присоединяется и палач. Из участников шоу остается лишь Люций. Он зловеще ухмыляется, медленно залазит на сцену, извлекает из кармана каминные спички, зажигает одну и подносит к гильотине. Машина смерти воспламеняется, как если б она была облита напалмом. Люций поворачивается к зрителям спиной, обходит костер слева и скрывается в неизвестном направлении. Медленно отходящая от шока публика заворожено глядит на огонь.

Глава 8

Я пью сладкий кофе со сливками, уютно расположившись на собственной кухне. Это редкое явление, обычно я предпочитаю несладкий

черный. Вкусы вообще с годами меняются, но иногда просыпается в человеке что-то от него прежнего. Это не всегда приятно. Я, к примеру, терпеть не могу, когда вдруг ни с того ни с сего погружаюсь в состояние, так часто бывавшее в детстве: появляется чувство скуки и безысходности, когда кажется, что нечем заняться, некуда израсходовать свое время. Я не люблю свое детство. Не сказать, чтобы оно было тяжелым, вполне нормальное, но это чувство безысходности, отсутствия приемлемых путей почти меня не покидало. Как тонко подметил мой друг Ризограф, глядя на какого-то мальчишку: "Хуево малому. Даже побухать ни с кем не может, сидит вот, не знает, чем заняться".

Я, время от времени отхлебывая из чашки, размышляю над происходящим. Не верится в смерть Слэйда, это, похоже, был какой-то фокус. Джим, человек, за несколько дней явивший мне столько чудес, что я и десятой доли за всю жизнь до нашего знакомства не видел, он не может быть нездоровым эпатажником. Мне вообще не верится как-то в его смертность.

Вчера под вечер я встретил Люция и, разумеется, сразу же потребовал объяснений. Но соратник Джима ушел от прямого ответа. Сказал, что не время пока всех посвящать в план, предложил потренировать смекалку и попытаться догадаться до всего самостоятельно. Единственное, что он мне рассказал, это довольно необычную сказку, положения вещей нисколько не прояснившую. Посудите сами, вот какую речь вел Люций:

– Эта история нередко рассказывалась в кабаках во времена Ганса Христиана Андерсена. Ее авторство рассказчики обычно приписывали самому великому сказочнику, хотя на самом деле все были уверены, что это не так. Начнем по порядку. Однажды много веков назад жил себе на белом свете один благородный рыцарь. Он был прекрасным воином, кроме того, хорош собой, храбр, знатен, умен. Пользовался бешеной популярностью у дам. Но вот беда - мирские женщины не привлекали его вовсе. Хотелось рыцарю найти себе невесту волшебную, дриаду там, или фею на худой конец. Долго странствовал он по миру, и в один прекрасный день на берегу водоема увидел русалку. И полюбил он ее, и она его полюбила. Привез наш герой свою новоявленную необычную невесту к себе в замок и поселил в ванной. Заботился о ней, были они счастливы. Но вот беда - то ли воздух повлиял на русалку негативно, то ли вода в ванной, то ли питание

непривычное, но стала русалка стареть. Жених же ее был так влюблен, что не замечал этого до поры до времени. Но пришлось ему однажды уехать на несколько месяцев в поход. И что же вы думаете увидел он в ванной по возвращении? Мерзкую старуху. Тут сжалось от обиды сердце рыцаря, выхватил он в порыве чувств свой меч и разрубил русалку напополам. Нижняя часть была продана в рыбную лавку, верхняя же – в анатомический театр. Такая вот печальная сказка.

– А что стало с рыцарем? – Проявил я естественное любопытство.

– Сие неведомо, – развел руками Люций, – но исходя из того, что об этом умолчали, можно сделать вывод, что видать попустился наш рыцарь, стал жить как все. Ладно, Полиграф, скоро увидимся. Занимайся пока своим делом. Коль взвалил уж на плечи миссию подбора кадров, выполняй, будь добр.

Сказав это, он покинул меня, удивленного и недоумевающего, посреди улицы, среди прохожих, в жизни с подобными загадками не сталкивавшихся. Ладно, решил я, пойду домой, стоит поразмыслить.

Перед возвращением я решил побродить еще немного по центру. Я, как и почти всегда при подобных обстоятельствах, первым делом купил бутылку пива. Затем неспешно прогуливался, периодически останавливаясь где-нибудь в сторонке. Во время одной из таких остановок я выкурил сигарету и бросил окурок в урну. Мусор загорелся. Прежде чем это заметила дворничиха, я успел отойти, избежав таким образом неприятного разговора. "Ты что наделал?" - возможно, спросила бы она возмущенным тоном. А я бы ответил: "Ничего аморального. Я все сделал наилучшим образом, не бросать же чинарик на асфальт? Вот если бы по бокам дороги на постаментах стояли пепельницы, и рабы в туниках ходили бы между ними с огромными кастрюлями, вытряхивая в них отходы табакоупотребления, я бы поступил иначе". Но к чему делиться с немолодой уставшей от жизни дамой своими мечтаниями? В ближайшие годы им вряд ли суждено реализоваться.

Вот в старину на Руси с этим было проще - никто не курил. Мужики спокойно делали свою работу, кто животное кормил, кто траву косил. Закончив работу в поле, к примеру, доставали они заботливо завернутые женой в сорочку, вышитую драконами, гамбургеры, водку и кока-колу, и,

перекусив со вкусом, приговаривали с гордостью: "Тру покосили"? Многие ругают меня за использование слова "тру", мол не русское оно. А, по-моему, вполне русское.

Так мысли перескакивали с одного на другое. То вспоминалась мне одна милая девушка с ручкой и блокнотом, явно проводившая какой-то соцопрос. Не помню ее лицо, но этот взгляд! Мы с друзьями в тот день искали реквизит для одной постановки, искали несколько часов безуспешно. Три голодных, злых мужика, небритых, грязных, со следами многодневного пьянства на лицах. Как она от нас шарахнулась, справедливо рассудив, что таких лучше не трогать. В следующий момент уже думал я о другом, а конкретно: почему ночью, когда я лежу в постели за компьютером, мне хочется жрать и кофе? Я почти никогда это желание не удовлетворяю, лень сходить на кухню. А утром, когда я встаю, это желание улетучивается бесследно. Никогда не понимал, как это люди могут просыпаться голодными. Это напоминает миф. Как то утверждение, что не раз повторяет о моем друге Рыке другой мой друг Кеппе Лав: "Рык утром проснется и захочет водки". Не помню, чтобы в действительности хотя бы раз сей благородный муж так уж возжелал водки сутра, но Кеппе продолжает так говорить, искренне притом веря в свои слова. С этой мыслью я и отправился в обратный путь.

С ранней юности почти никогда не добирался домой пешком. Разве что в случае отсутствия денег на проезд или ночного времени, когда транспорт не ходит. Иногда, гуляя в центре, наблюдая гримасы природы, я осознавал, что есть в этом городе что-то прекрасное. И в тот день его красота открылась мне вновь. Это, конечно, не Рио-де-Жанейро, но что-то в этом есть. К примеру, видя огоньки в ночном небе, трудно определить, звезды ли это, или просто огоньки с телевышки. Хотя какая разница? Даже небогатое на звезды небо города дает человеку осознать как ничтожно он мал по сравнению с Вселенной, как одинок. Мне нравится это ощущение, люблю одиночество. Даже в детстве я очень любил оставаться дома один, не то чтобы делал что-то запретное, в основном даже просто лежал и смотрел телевизор, просто это было прекрасное чувство того, что я хозяин дома, и я свободен.

Войдя в подъезд, я подошел к почтовому ящику. Я почти никогда его не проверяю, кому придет в голову посылать мне открытки? Но вчерашним вечером неведомая волна толкнула меня. Внутри лежал конверт с надписью

"Задание Полиграфу от организации". Прямо как в детективных фильмах или компьютерных игрушках. Распечатав его, прочитал: "По указанному в конце письма адресу располагается частная медицинская клиника "Весельчак У". Это самое дорогое заведение подобного рода стране. Настоятельно рекомендую заглянуть, не пожалеешь". Далее - адрес и подпись "Верховный Инквизитор Люций, эсквайр". Что ж, попробуем, хотя удовольствие видно, что не из дешевых.

***

Допив кофе, принимаю решение не грузиться: рано или поздно все тайное становится явным. Принимаюсь собираться, одеваясь, слушаю музыку и силюсь вспомнить сказку, в детстве рассказанную мне отцом. Единственное, что мне запомнилось - главная героиня там умерла и превратилась в черепаху, так я узнал о переселении душ. Хотя нет четкой уверенности, что именно папа поведал мне об этом, сам он ничего об этом не помнить. Но если не он, то кто? У деда все сказки были о том, как лиса и волк безуспешно пытались изловить зайца и сварить из него суп. А по телевизору детских передачах, по-моему, таких сказок не рассказывают. Ладно.

Одевшись и причесавшись, дослушиваю песню, выключаю компьютер и отправляюсь в путь. Надо посетить эту злополучную клинику. Освежая в памяти карту города, отправляюсь по указанному адресу. Там я обнаруживаю обшарпанное здание, ремонт в котором не делали, скорее всего, лет пятьдесят минимум. Над фанерной дверью весит покосившаяся жестяная табличка "Весельчак У". Дворик битком забит дорогими иностранными автомобилями.

Войдя внутрь и поднявшись по узкой неудобной лестнице, попадаю в длинный коридор. Стены и потолок его грязные и облупленные, то тут, то там накарябаны непристойности и надписи малопонятного содержания. У стен стоят садовые лавки, на которых расположились люди благополучного вида. Все двери, кроме одной забиты досками. На последней красуется

надпись красной краской "Лекарь". Занимаю очередь, достаю книжку сказок и погружаюсь в чтение. Время от времени до меня доносятся голоса других пациентов. В частности, капризное чадо одного из них голосит истеричным голосом:

– Пап, ну что мы здесь делаем? Пошли отсюда, тут же очередь!

– Заткнись! - Раздается в ответ бас отца. - Это самая дорогая клиника, а значит и самая лучшая.

Спустя несколько часов подходит моя очередь. Вхожу в кабинет лекаря. Из обстановки там только дряхлый шкаф и стол со стулом. Стол закидан смятыми бумажками, а на стуле расположился хозяин кабинета - немолодой человек в белом халате, в очках и с элегантной бородкой. Посетители здесь, похоже, вынуждены стоять.

– Что беспокоит? – Не поднимая головы спрашивает лекарь?

– Да вот, – говорю, – сердце пошаливает.

– Ага, – кивает он, – адрес?

Называю адрес, он долго листает какую-то книгу, затем принимается писать что-то на смятой бумажке. Наконец заканчивает и говорит:- Вот, возьмите направление. Вам помогут в Вашей районной поликлинике. С Вас двадцать тысяч условных единиц, - и только тогда, протягивая направление, поднимает голову.- Ага, - задумчиво бормочет, - не похожи Вы на больного нувориша.- Да, - не вижу смысла спорить, - я так, посмотреть пришел.

– Хм. Давайте выпьем чаю, - он подходит к двери, открывает ее, вешает табличку "перерыв". Затем, прикрыв дверь, открывает шкаф, достает оттуда стул и предлагает мне присесть. Я так и делаю, лекарь же достает откуда-то из-под стола две чашки и дымящийся чайник. Я отхлебываю, чай вкусный и горячий.

– Меня зовут Петр Игнатьевич, - представляется он и протягивает руку.

– Полиграф, – пожимаю руку.

– Итак, мой юный друг, – начинает он свою историю, протирая очки, - думаю, ты обо всем догадался. Но расскажу более детально. Мы создали эту организацию не только лишь с целью обогащения, хотя и поэтому тоже. Просто мы, играя на любви богатеев к дорогим заведениям, их погоне за престижем, оказываем поддержку бесплатной медицине. Ведь она ничуть не хуже, разве что очереди, как правило, побольше и оборудования не всегда хватает. Но с другой стороны, захотят наши буржуи излечиться, могут ведь и помочь с оборудованием да медикаментами...

– Извините, что прерываю, но меня мучит вопрос, – не выдерживаю я, - почему такие огромные очереди? Неужели в нашем городе столько состоятельных людей?

– Ну, тут все просто, - улыбается мой собеседник, – процентов девяносто пять – наши сотрудники. Это необходимы элемент шоу.

– Шоу... Об этом стоит поговорить.

Наш разговор длится еще долго, не буду вдаваться в малоинтересные детали. Я рассказываю ему о Слэйде, о Люции, о наших революционных идеях, об идеальном обществе. Он делиться своими мыслями, мы расстаемся приятелями и договариваемся о сотрудничестве. Напоследок, уже на выходе я оборачиваюсь и задаю последний вопрос:

– Скажите, зачем у вас тут щеколда с внутренней стороны двери?

– Ну, – с улыбкой отвечает Петр Игнатьевич, – Вы можете удивиться, Полиграф, но мы так запираем помещение. Последний покидающий здание сотрудник задвигает щеколду, вылезает затем в окно по приставной лестнице и прячет ее неподалеку. Всего хорошего.

– Ладно, - я, разумеется, немного удивлен, но не хочу показаться назойливым и не пускаюсь в расспросы. Это их личное дело, у таких людей зря ничего не бывает, – до свидания.

Я покидаю кабинет и иду к выходу, за спиной слышу шум, это Петр Игнатьевич прячет стул обратно в шкаф. Похоже, день прошел не зря. Дела идут неплохо.

***

Сегодня утром я вновь проверил почтовый ящик. Перегружать работой меня не собирались - внутри было пусто. Делать было особо нечего, и я отправился в одно уютное тихое кафе. Этот уголок города напоминал мне Европу, в заведениях такого типа проводили время представители западной культуры, за жизнью которых, впрочем, мне довелось наблюдать лишь в рамках кинофильмов. Люблю такие эффекты. Хотя здесь особой фантазии не требуется, то ли дело в те моменты, когда я смотрел на пристани в Мариуполе на огни на берегу и чувствовал близость Нью-Йорка, или в столовой "Горка" за обсуждением одного сюжета ощущал себя обитателем Голливуда.

Сидя за столиком с чашечкой черного кофе в одной руке и сигаретой в другой, я вспоминаю свой сегодняшний сон. Очень сложно связно рассказывать о снах, ведь это совсем другой мир. Но я в данном случае постараюсь. Представьте себе: перед глазами появляется полотно неизвестного мне живописца, на нем изображено поле брани. Один из воинов на переднем плане тащит на себе женщину подальше от опасностей битвы. Затем мне показывают другую картину, на ней обрыв, а на краю трое. Это красномордые мужики в набедренных повязках. Вширь и по мышечной массе они раза в три больше Шварценеггера, росту в них судя по масштабу метра по два с половиной, а то и все три. Спустя несколько секунд кто-то принимается отчитывать автора этих произведений, он говорит:

– Да, я все понимаю, можешь и дальше изображать спасение прекрасных дам. Более того, имеешь полное право даже рисовать голых дикарей, это не возбраняется. Но это что?!

После сих слов он показывает картину, на которой изображена милая деревенька европейского типа. На улицах, впрочем, ни людей, ни животных.

– Спустя сотни лет, – продолжает он, – историки умудрятся доказать, что эта местность была необитаема. А ведь это моя любимая

деревенька! Тебе должно быть стыдно! Они даже могут отыскать в качестве доказательства что-то вроде вот этого. – Он показывает какой-то исписанный от руки свиток со странным довольно названием, что-то вроде "Русский указ". В нем написано, что жителям деревни такой-то запрещается жить в ней, и они подлежат немедленному выселению.

Отвлекаюсь от воспоминаний и окидываю взглядом новую посетительницу, это аристократичного вида дама в вечернем платье. Она присаживается за столик неподалеку, кладет на него свою сумочку, извлекает из нее пудреницу и пудрит носик. Затем извлекает фаллоимитатор и кладет рядом с сумочкой. К ней подскакивает официант.

– Чего изволите, мадам, – осведомляется он.

– Коктейль "Маргарита", будьте добры, – делает заказ дама.

Отвожу, наконец, взгляд, нельзя же, в конце концов, бесконечно глазеть на человека исключительно потому, что та одета в вечернее платье и носит с собой искусственный хер. Тем более она не в моем вкусе. Переключаю внимание на соседа по столику. Передо мной сидит Фатум, он улыбается.

Фатум одет в синие одежды. Глаза его прикрыты темно-синими очками с круглыми стеклами, также синие у него волосы, борода и даже лицо. Руки Фатума тоже синие, но не от природы, они покрыты краской, самой простой, для покраски заборов. Краска нередко облупливается, и верхние конечности становятся похожи на стену старенького детсадовского павильона.

– Мир полон неожиданностей. Вот, к примеру: ты, разумеется, прекрасно знаешь, что музыку к шестой части "Кошмара на улице Вязов" написал Брайан Мэй.

– Конечно. Замечательное у него имя: простое такое, болгарское – Браян. Или сербское?..

– Не важно. Так вот, ты никогда не проводил параллелей между Меркьюри и Крюгером? Обоих зовут Фредди. Ведь вполне вероятно, что не было на самом деле никакого Фредди Меркьюри, его играл Роберт Энглунд.

– Вполне возможно, – соглашаюсь я.

– Люди непредсказуемы, – продолжил Фатум. – У меня был знакомый один, он был революционером. Затем стал поэтом и алкоголиком. Но, в конце концов, и этот период прошел, он нашел себя и стал программистом? И знаешь почему? Соблазнился общением с Системным Котом, не путать с системным кодом.

– А какой он, кот этот? – Интересуюсь я.

– Системный Кот, – объясняет собеседник, глядя из-под очков синими глазами без белков, - является полной противоположностью Коту Чеширскому. Если последний дает покой и безмятежность, дарует веселье, Системный Кот напротив несет людям угнетенность и меланхолию, высасывает жизненные силы. Но вместе с тем он и привлекателен.

– Полная противоположность? И улыбка перевернута? – Интересно мне.

– Скоро сам узнаешь, – предрекает рассказчик. – Он уже рядом.

– Но у меня нет стимула бросать борьбу. – Не могу не возразить ему. – Это как бы не совсем то, чем бы я хотел заняться.

– Что ваше движение без Джима Слэйда? – Настаивает Фатум. – А Слэйд мертв.

В это время дама получает заказанный напиток. Она некоторое время задумчиво размешивает его фаллоимитатором, затем принимается облизывать оный. Вероятно, таким путем она намерена поглотить весь коктейль.

– Мир полон разочарований, – продолжает Фатум. – Однажды один негр из бедного квартала мечтал попасть в квартал латинский, он думал, что это рай на земле. Но, осуществив свою мечту, он увидел ту же нищету. "Вы негры!" - в отчаянии закричал он и заплакал. Другой афроамериканец с малых лет мечтал стать скинхедом. Он вырос, обрил голову, надел куртку со свастикой и пошел к скинам. И вот ведь странно, они приняли его к себе. Он долго тусовался с новыми друзьями, они вместе били китайцев. Но как-то раз скинхеды зашли в черный квартал, и их предводитель воскликнул:

"Мочи ниггеров!". Стало нашему герою обидно, он заплакал. "Чего разревелся как баба?" – возмутились скины и нарядили его бабой.

Дама собирается покидать кафе, коктейль был выпит избранным ею странным способом. Вот она уже в дверях, когда ее окликает официант:

– Мадам, Вы забыли свою елду!

– Ах, спасибо, – возвращается к столику дама, – хотя не стоило так беспокоиться, у меня еще одна есть.

Проводив клиентку до дверей, официант подходит к нашему столику. Он говорит, обращаясь к Фатуму:

– Прошу прощенья, сударь, но если не соблаговолите сделать заказ, придется Вам покинуть кафе.

– Спасибо, что напомнили, – отвечает Фатум, – мне пора. Всего хорошего. – Он превращается в синюю лужицу, стекает со стула и впитывается в пол.

Глава 9

Интересно, какой же сюрприз приготовили мне. Готовясь открыть дверцы платяного шкафа, я тренирую свой дар предвидения. Возможно, там прячется платяной монстр? Интересно было бы с ним повстречаться. Это существо хоть и монстр, но совсем не страшный, скорее забавный, оно ест платья. Ладно, что бы там ни было, настал момент столкнуться с ним лицом к лицу. Поглядим. Опять не угадал. Но обо всем по порядку.

Вчера я снова видел Люция. Все как и раньше, все те же вопросы о нашем деле, о будущем, о Джиме Слэйде. Люций был в своем репертуаре, рассказал мне сказку. На сей раз не времен Андерсена, более современную, услышанному не более лет двадцати-тридцати назад в ателье мод. Звучала

она так:

– Жил да был на белом свете один мальчик, он мечтал стать актером. Даже в первом классе в сочинении о своей будущей профессии он написал об этом своем желании, в то время как абсолютно все его одноклассники выразили желание быть милиционерами и полицейскими. Вот ведь парадокс, в детстве все хотят быть милиционерами, а как подрастут детки - глядишь, уж процентов восемьдесят-девяносто ментов ненавидят. Но не будем отвлекаться. Так вот, этот паренек не просто хотел быть актером, он стремился исключительно к тем ролям, где пришлось бы носить накладную бороду, этот элемент реквизита притягивал его, словно магнит. В школе накладных бород не было, поэтому в школьных постановках наш герой не участвовал. Да и таланта у него особого не было, попытка поступить в театральное или хотя бы цирковое училище успехом не увенчалась. Любой другой бы здесь успокоился, пересмотрел взгляды на жизнь и довольствовался бы ролью Деда Мороза на детских утренниках. Но человек, о котором я веду речь, из другой породы, он романтик и не довольствуется малым. Тщательно обдумав свое положение, он начал все с нуля и победил в итоге. И началось все с события, вроде бы прямого отношения к случившимся переменам не имевшего, но вдохновившего подросшего героя на решительные действия. Этот некогда мальчик, ставший уже мужчиной, отпустивший себе бороду, настоящую, не накладную, женился. И избранницей его стала совершенно лысая женщина. Мир перевернулся - в скором времени, осененный новой идеей, он принялся за новое дело - взялся производить парики. Причем парики эти были не простыми, а искусственными, они производились не из волос, а из материалов, напоминавших волосы. "Не волосы делают человека, а человек волосы", – любил повторять этот неисправимый романтик.

– Ты опять не ответил на мой вопрос, – вернулся я, дослушав историю, к злободневным проблемам, - что дальше? Что с Джимом?

– Да, ты прав, пора тебе получить ответы, – согласился Люций. – Попробуй их поискать, к примеру, в собственном платяном шкафу.

И ушел он, предварительно заговорщически подмигнув мне, и вновь оставив вашего покорного слугу в недоумении. Но я доверяю Люцию, а посему сразу же поехал домой дабы заглянуть в шкаф.

***

Когда дверца шкафа отворяется, я впервые в жизни вижу призрака вблизи. Это Слэйд, он полупрозрачен, одет в длинные белые одежды и закован в призрачные цепи, которыми время от времени позвякивает.

– Здорово, Джим, - приветствую я его, – мне всегда было интересно, как это – превратиться в привидение. Ведь это не каждому под силу, ты меня научишь?

– Обязательно, товарищ, Полиграф, но потом! – Весело отвечает, звеня цепями, Джим. – А сейчас поведай, что нового. Я только вернулся, ведь столько всего могло произойти!

– Херовые новости, Джим. Помнишь того пацана, что так хотел посмотреть твою казнь?

– Ну, разумеется. Занятный мальчонка, в его то годы и правильное отношение к смерти! Такое редко случается. Чаще всего люди до самой смерти не могут научиться правильно воспринимать смерть. Что там с ним стряслось?

– Пиздец, – отвечаю, – я видел его фото в утренней газете, в разделе криминальной хроники. Все как в стишке: дети в подвале играли в гестапо, три девчонки. Повесили пацана, прикрепив ему на грудь табличку "партизан". Они, похоже, даже и не подозревали, что если человека повесить, он умрет. Мальчик захрипел, девчата испугались, разбежались.

– Жаль пацана, – хмурит, Слэд призрачные брови, – он заслуживал лучшей смерти. Ладно, что там с нашими делами?

– Нормально. – Хвастаю я. – Похоже, из меня вышел неплохой агитатор. Страшно подумать, если б мне не навешали тогда люлей нищие, а потом я не встретил того азиата, так и заменял бы игрой на арфе реальную

жизнь. Теперь я чувствую вкус великих свершений. Я рассказывал, кстати, ту историю?

– Нет, но это и не обязательно. Странно, что ты не догадался, что ж. Я все знаю, пора открыть правду. Побить ты меня все равно не сможешь, я же призрак. Так вот, это все дело рук нашей организации. Описанные тобой существа, да и еще некоторые другие, сыгравшие роль в направлении тебя на путь – мои творения. Думаю, о своем божественном происхождении нужды нет говорить, это очевидно. Я падший бог, а боги тем и отличаются - умением создавать. И ты, впрочем, тоже, только знаешь мало.

– Да, я догадался. А вот насчет того, что ты их сотворил. Надеюсь, ты не станешь утверждать, что ты творец мира? В это я не поверю.

– Нет, конечно. Я бог, но не с большой буквы. Некоторые, правда, утверждают, что в слове, Бог не только первая буква большая, но и все три. Если бы я создавал этот мир, он был бы другим. Как минимум имели бы место синяя вода, синее небо и золотое солнце. Но мы заболтались. Сегодня еще много следует сделать. Думаю, сперва посетим Коклоу. Встретимся на улице, собирайся. – Джим растворяется в воздухе.

***

Вот наконец-то и настал час, когда я могу подробно рассказать вам о Коклоу. Ранее, честно говоря, я и сам не так много знал об этом заведении, хотя с его учениками и выпускниками, признаться, сталкиваться приходилось нередко. Когда-то в юности я и сам лелеял мечту поступить в знаменитую подпольную школу клоунов, но позднее увлечение музыкой взяло свое, на долгое время вытеснив из сознания все остальные мечты.

Разумеется, не буду открывать местоположение этого странного учебного заведения, иначе уверен, что толпы любопытных бросятся по указанному адресу. Ведь даже за вход в самый обычный цирк приходится платить, здесь же даже дежурный пропусков не требует. Он может и

должен, но вот беда - постоянно спит, громко храпя. Длинные усы время от времени вздымаются вверх под действие выходящего воздуха, рыжий парик его сполз набок, что касается некогда шикарного клоунского носа, сейчас трудно стало элементарно отличить его от настоящего. Уверен, этот человек ранее был хорошим клоуном, но годы взяли свое. Так что открою для толпы любопытных лишь некоторые детали, найти вход в Коклоу можно в самой что ни на есть непримечательной подворотне, видят его лишь избранные. Он представляет собой врата из чистого золота с грязной табличкой "Бейкер стрит, 221б".

Первым делом мы со Слэйдом отправляемся на лекцию по истории клоунского мастерства. Ведет ее тощий высокий клоун с опущенными вниз уголками рта, тщательно выбеленным лицом, длинными снежно белыми волосами и оранжевым носом.

–Что ж, присядем на галерку, – говорит Джим, зная, что я не откажусь, - десятки раз учился в школах разных стран и всегда проводил время на галерке за игрой в "балду".

Он достает листик бумаги и расчерчивает квадрат, я тем временем вслушиваюсь в слова лектора.

– В незапамятные времена, около пятидесяти года назад, а может и пятидесяти двух, - рассказывает преподаватель, - один паренек обучался в пединституте на учителя. И случилась у него неудача в жизни: один глаз повернулся вдруг на сто восемьдесят градусов вокруг своей оси, так и остался. Он, разумеется, обратился к врачам, те заверили, что ничего страшного. Мол, обратно повернем. Но не тут то было. "Нет, - сказал наш герой, - пусть все будет как есть. Вдруг на второй глаз ослепну? Будет по запас". Стал он учителем, носил повязку на глазу. Проработал так этот человек в школе лет тридцать-сорок, состарился. И появилась новая проблема - на второй глаз ослеп. Что делать? Пошел к врачам, те исправили первый глаз, после чего все нормализовалось, надел наш герой повязку на другой глаз и на работу вышел. Ученики его подумали сперва, что учитель специально их, каная под пирата, запугивал. Но когда особенно смелый школьник попросил приподнять повязку, все убедились, что глаз правда слепой. Долго искали лучшие умы школы разумное объяснение. И наконец нашли: у учителя в голове вертушка с двумя глазами, он вскрыл череп и поменял местами слепой и зрячий глаза, потому что скучно было.

Имеющий очи да узреет. Я хотел сказать, что этот случай произвел революцию в искусстве клоунады, пусть объяснение и не было правдивым. Что такое правда? Кто даст ответ на сей вопрос, долгие годы будораживший лучшие умы?"

– Мда, – оторвал меня от слушания скучающий голос призрачного товарища, - щас он расскажет, как великий клоун Бумбокс поставил себе в голову настоящую вертушку, причем усовершенствованную модель. Там глаза могли менять цвет, а также превращаться в солнышко, стрелку и в карточные масти. Он на каждой лекции об этом рассказывает. Клоун. И на каждой паре его внимательно слушают, а под конец забрасывают помидорами. Предлагаю уходить. Встретимся в коридоре.

Слэйд исчезает. Остается, правда, зависшая в воздухе ручка. Я доигрываю с ней в "балду", выигрываю, после чего выхожу за дверь, вслед мне летят слова лектора о героизме несравненного Бумбокса. Джим со скучающим видом ждет меня, сидя в позе лотоса на зависшей в воздухе тучке.

***

– Наконец-то. – Издевательски аплодирует Джимми. – Наобщался с моей ручкой вволю? Мне ее один шулер в карты проиграл. Очень неудачливый был шулер, повесился в скором времени.

– Мы куда-то торопимся?

– Как сказать, сударь, – Слэйд пожимает плечами, – как сказать. Думаю, нет, не терплю торопливости. Это не аристократично. Но у нас, тем не менее, есть две причины свести к минимуму трату времени. Знавал я одного человека, проживавшего, а может и ныне проживающего неподалеку от стадиона "Металлист". Возможно, ты его видел, зрелище прелюбопытнейшее. Представь себе, заваливает толпа на стадион, а навстречу им как ни в чем ни бывало чешет паренек, в каждой руке - по

пятилитровой баклаге с водой. И как он на выходе только протискивался? А дело все в том, что у него в квартире стоял водный счетчик, и наш находчивый герой в целях экономии воды набирал ее в сортире на стадионе. Так вот, первая причина – время дороже воды.

– Неужто? – Иронично вопрошаю я. – А вторая?

– Вторая – нам надо поспеть на заседание одного местного клуба. Если опоздаем, рискуем пропустить много интересного. – Поза лотоса призраку надоедает, он выпускает тучку под потолок и устраивается в воздухе, будто на диване. Ни дать ни взять, Чеширский Кот.

– Будешь дальше разглагольствовать, Джимми, как пить дать опоздаем. В путь.

Мы долго идем по коридорам неравномерной ширины. Вернее я иду, Джимми же летит по воздуху. Коридоры Коклоу сделаны в виде замысловатого лабиринта, постороннему человеку просто сказочно повезет, если он здесь не заблудится. Путь наш довольно долог, и призрак Джима Слэйда успевает рассказать в пути сказку. Вот какую:

"Жил да был на белом свете один принц. И было у него домашнее животное, в опочивальне его высочества в просторном аквариуме жила слепая лягушка. Принц очень любил свою питомицу, самолично, без помощи слуг заботился о ней. Но одним прекрасным теплым вечером, когда за окном пели цикады, а по комнате летали светлячки, на голову сего джентльмена королевских кровей обрушилось несчастье. Он приоткрыл аквариум, и внезапно лягушка прыгнула ему в лицо и вырвала принцу глаз. Пострадавший тогда списал все это на случайность, типа лягушка слепая, не отдавала себе отчета в свершенном. Прошло несколько месяцев, наступила зима. Морзоз украсил узорами стекла, снегом занесло башни дворца. Отойдя от камина, у которого его высочество созерцал пламя, он открыл крышку аквариума со своей любимицей. И что вы думаете? Та прыгнула и вырвала ему другой глаз. И в этот момент принц начал что-то понимать, но было поздно. Он превратился в лягушку".

Стоит рассказчику произнести последнее слово, мы подходим к двери, что ведет к пункту назначения. На двери я вижу табличку "Комната номер тринадцать, Клуб Самоубийц и Смертников". Табличка сделана из

дерева, буквы на ней вырезаны ножиком, к двери крепится при помощи семи беспорядочно вбитых золотых гвоздей.

***

На пороге нас встречает пожилой клоун с нарисованным грустным лицом и в рыжем парике. Одеяние его напоминает костюм Пьеро, его имя, как мы вскоре узнаем, Вениамин. Клоун снимает колпак и отшвыривает в сторону. "Почет дорогим гостям!" - кричит он. Затем Вениамин делает кое-что странное: он берет себя за волосы, приподнимает голову над плечами и торжественным полушепотом говорит:

– Добро пожаловать в наш Клуб Самоубийц. – Похоже, он не совсем жив, хотя кровь из оторванной от тела шеи почему-то не течет.

Я отвешиваю легкий поклон, глядя на встречающего с удивлением, Слэйд создает себе призрачную шляпу и приподнимает ее.

– Судя по взгляду, я вызвал удивление, - продолжает клоун, водружая голову на место, – хотя на самом деле нет здесь ничего удивительного. Собаке свойственно притворяться мертвой, я же человек, и для меня естественно притворяться живым. Между тем вы правильно сделали, что заглянули. Конечно, Клуб Имитаторов тоже интересен, его члены умеют довольно мастерски показывать льва, тигра, вислоухого, кого угодно. Но истинное искусство все же у нас - искусство смерти. – Вениамин делает жест в сторону небольшой сцены в конце зала, привлекая внимание к выступающим. Мы подходим поближе, я тем временем думаю о своем сне.

Воспоминания навеяны упоминанием пресловутого Клуба Имитаторов. Я видел прошлой ночью преколоритнейших персонажей, мастеров выпрашивать деньги довольно трагикомичным способом. Один из них сказал мне: "Не подумай, что просто хочу выпросить денег, просто позволь задать один вопрос. Когда же моя собака наконец поест?". И стоило

ему произнести эту фразу, я увидел его собаку, странного вида несчастное скулящее животное, явно минимум дня три не евши. И вдруг спустя мгновение я понял, что это не собака вовсе, а товарищ обращавшегося ко мне парня. Ему просто удалось изменить лицо так, чтобы обрести ненадолго внешность странной собаки. Хотя он менял не только лицо и осанку, но и даже форму ушей, готов поклясться, что здесь обошлось без волшебства, все дело исключительно в искусстве перевоплощения. Во сне многое возможно.

Мы приближаемся к сцене, перед ней располагается несколько рядов кресел наподобие тех, что модно вставить в школьных актовых залах. Часть мест занята, большинство зрителей мирно похрапывают. Остальные жуют попкорн или сахарную вату. Я опускаюсь на одно из свободных кресел, Джим пристраивается рядом. Он, конечно, призрак и нужды в сидении не испытывает, но предпочитает блюсти приличия. Слэйд пристально смотрит в сторону сцены, тихо бормоча: "Ну что, убогие, повеселимся? Let's have fun, let's rock". Я тоже гляжу на сцену.

В зале полумрак, место действа освещается беспорядочно блуждающими лучами прожекторов. К микрофону подходит молодой человек в старомодном костюме в клеточку и очках с огромными, в полголовы, стеклами.

– Добро пожаловать на праздник смерти, дамы и господа, – обращается он к присутствующим, - начнем же действо символическим ударом в колокол.

В потолке открывается люк, и колокол медленно опускается вниз, останавливаясь метрах в полутора над сценой. Мужчина в клетчатом костюме с размаху бьется в него головой, отточенный до совершенства жест напоминает движение молоточка. Из разбитой головы брызгает кровь, артист кулем падает на пол. Спустя несколько мгновений его уносят со сцены два грузных клоуна с печальными лицами, свои обязанности они выполняют неспешно и с достоинством.

В дальних плохо освещенных углах сцены начинают бить в тамтамы. Появляется клоун в цилиндре и фраке, он ведет за собой на уздечке огромного льва. Зверь идет покорно, будто он вовсе и не царь зверей, а так, домашняя скотинка.

– Как вы догадались, сейчас будет смертельный номер, – бесцветным голосом сообщает вновь вышедший, - впрочем, у нас все номера смертельные. Внимание.

Он медленно начинает открывать рот, все шире и шире. В конце концов, случается невероятное, уста размыкаются где-то на метр. И тут лев кладет в широченную пасть клоуна голову, и дрессировщик принимается есть животное, втягивая его в себя и почавкивая. И вот, когда останки льва уже почти скрываются из виду, они застряют у клоуна в горле. Тот погибает от удушья, становясь первым виденным мною человеком, подавившимся львом.

***

Вчерашнее посещение Коклоу поразило меня, особенно то шоу в Клубе Самоубийц. В жизни не видал я более удивительного действа. Представление длилось часа два. И каждый новый номер был удивительней предыдущего, сложно было представить, что все это не только возможно, но и происходит регулярно. Однажды, правда, представление было прервано вылезшим на сцену пьяным Вениамином, но вышеописанные грузные охранники хорошо знали свое дело. Обезглавленный клоун в костюме Пьеро более не производил сильного впечатления, он не был удивительнейшим в этом месте, как изначально можно было помыслить.

Мне особенно запомнился номер с человеком-вентилятором. Клоун с невероятно пышной шевелюрой начал с того, что просто прошелся колесом. Затем, окинув взглядом зрителей, он заходил колесом по кругу, все ускоряясь и ускоряясь. В конце концов, артист приобрел такую скорость, что загорелся и, спустя пару мгновений, превратился в горку пепла.

Я сижу во дворике на каменном бордюре и пью пиво, события вчерашнего дня проносятся в моем сознании. Джим обещал, что на днях наступит новая эра, я склонен поверить. А посему, какого черта прикажете делать кроме как сидеть и пить пиво?

За окном располагающегося от меня по правую руку здания девушка играет на пианино. Это не музыка, вероятно, она просто учится. Звуки инструмента успокаивают, под них хорошо отрешаться от мирского. Мне хорошо.

Глупо учиться музицировать в канун начала новой эры, но откуда ей, бедняжке, знать о приходе оной? Зато есть повод для романтического знакомства. Эх, разбить ей что ли камнем окно и влезть внутрь? "Милая, мне так нравится, как Вы играете, - скажу я, - Вы не могли бы сыграть что-нибудь для меня?" Затем я расположусь на подоконнике, свесив ноги и приготовившись слушать, и порежусь осколками.

– Кто это сделал, кто этот негодяй?! – Закричу я во гневе. – Сей мерзавец заслуживает позорной и мучительной смерти!

Она же будет сидеть, глядя на меня непонимающим взглядом. И наигрывать машинально при этом какую-то мелодию.

Глава 10

Когда человек вторично обретает юность, а такое возможно, противодействие ему со стороны Системного Кота растет. Тот раздирает задней лапой с кривыми когтями свою слипшуюся шерсть, гаденько улыбается, брызгая ядовитой слюной, и выдумывает новые пакости. Системное сопротивление возрастает, и знаете, это трусливое животное никогда не действует самостоятельно. Оно использует свои жертвы, людей, почти уже лишенных души. Подлый зверь удовлетворяется, лишь высосав оной процентов восемьдесят - восемьдесят пять.

Ежедневно люди ходят лечиться к Веселому Зубному. Этот врач мало берет, так что небогатые больные просто вынуждены ходить к нему, глядеть на то, как он выдирает их родные зубы с таким видом, словно цветочки сажает, выслушивать его плоские шуточки и выдерживать измученно-злорадные взгляды его ассистентки.

Последняя – довольно несчастное существо, она работает бесплатно. Бедная девушка имеет невероятно плохие зубы, вечно нуждающиеся в лечении. Она боится, что все зубы выпадут, и она перестанет нравиться мужчинам. Поэтому приходится не только бесплатно помогать Веселому Зубному в его работе, но и помогать ему по дому.

Девушка с плохими зубами пашет на стоматолога как проклятая шесть дней в неделю. Лишь по воскресеньям хозяин отпускает ее на свидания. Когда эта дама выйдет замуж, она наверняка будет врать мужу, что не может проводить с ним много времени по причине наличия больной матери.

Веселый Зубной заставляет свою рабыню готовить ему изысканные яства, он любит хорошо покушать. Саму же бедняжку он потчует манной кашей, изредка, в моменты особенно хорошего расположения духа, бросая ей туда кусочек ананаса.

Я вспоминаю недавний концерт своей тетушки, он бы явно не понравился Системному Коту. Там все выходило за рамки обыденного. Ее группа выступала в рамках какого-то фестиваля во Дворце студентов ХПИ. Начало было в пять дня, в окна светило солнце. Аудитория слушателей собралась многочисленная, но нетипичная. Не менее половины - интеллигентного вида пожилые особи обоих полов. Неформалов было не так много, пива не пил никто, кроме нас. На сцене, увешанной разноцветными воздушными шариками и звездочками, различные ансамбли играли преимущественно хард-рок. Странное зрелище – песни о Сатане и силах Тьмы, звучащие с такой сцены в лучах весеннего солнца. И аудитория, чинно после каждой песни аплодирующая, словно на "Песне года". Из толпы выделялись лишь парочка неформалов, врывающихся под музыку по правую сторону от сцены. Они выглядели бы уместно на подобном мероприятии, проходи оно в более походящем месте.

А между тем, пока я лениво обо всем этом размышляю, совсем рядом происходят вещи, намного менее угодные Системному Коту. Он, не выдержав созерцания происходящего, забивается в заброшенную собачью будку, закрывает от страха облезлым хвостом свои маленькие, налитые кровью глазки и лихорадочно ищет выход. И не может сыскать. Но обо всем по порядку. Утро этого дня не предвещало ничего хорошего, напротив, Системный Кот становился все сильнее и все шире раскидывал

свои сети.

***

Известно, что народу необходимы зрелища, это ясно и дураку. В утро этого дня на площади Свободы проходили различные увеселительные мероприятия, коих в последнее время становится все больше. Системный Кот таким путем окончательно покоряет свои жертвы, заставляя радоваться остатки их душонок.

В центре внимание была постановка пьесы об известном баснописце Крылове и его приятеле Грибове. Последний, надо сказать, был центральным действующим лицом в спектакле.

Грибов жил в одном поместье с Крыловым, и он отличался некоторой чудаковатостью. В частности, не появлялся на людях без фрака и белоснежного фартука. И вместе с тем мог более и вовсе ничего на себя не надеть, так и расхаживать по дому. Благо прислугу Крылова смутить сей джентльмен не мог, ибо она целиком состояла из слепых стариков. А еще Грибов очень медленно ел, что пожалуй и было в нем самым странным. Со свойственной ему аккуратностью и педантичностью чудак медленно отрезал от еды малюсенькие кусочки, медленно подносил их ко рту и невероятно долго смаковал, прежде чем проглотить. Бывало, гости поместья не выдерживали и, в то время как их трапеза подходила к завершению, а Грибовская только начиналась, с издевкой спрашивали: "Ну что, поел, Грибов?" Особенно необычно он ел суп. Грибов с помощью ножа и вилки съедал всю гущу, после чего долго выжидал момент, когда взгляды окружающих будут обращены мимо него. Тогда Грибов ловким движением подносил тарелку ко рту и быстро выпивал бульон.

Еще этот персонаж был не очень удачлив в личной жизни. Десятки раз пытался он похитить свою возлюбленную, чтобы с ней обвенчаться, и постоянно сильно опаздывал к назначенному сроку, так как не успевал позавтракать. Несчастная невеста ждала его в течение продолжительного

времени, затем в сердцах сплевывала на землю-матушку, обижалась до глубины души и не разговаривала с суженым года два. Лишь под старость удалось Грибову обрести семейное счастье, невеста на сей раз уснула, и таким образом все же дождалась.

Праздная публика, позабыв о заботах, потешалась над чудачествами несчастного Грибова, по площади лениво прохаживались милиционеры и бегали скоморохи на ходулях. Обычный был день. До определенного момента. Внезапно в небе появилась точка. Она стала расти, и, наконец, появилось нечто, заставившее людей оцепенеть.

Над площадью повис дирижабль с написанным на борту гордым названием "Фантасмагория". Причем дирижабль прилетел не сам по себе, его притащил за собой впряженный в сей летательный аппарат осел Вячеслав. И человек-животное, разумеется, был тут как тут, махал сверху своей то ли рукой, то ли лапой.

– Здорово, людишки! Не ожидали?! – Весело закричал он. Человек-животное дождался своего звездного часа, сотни лет летал он на осле над городами, эдакий нерождественский Санта-Клаус, использующий вместо оленей и эльфов осла и кота-василиска. – Народ, веселящийся и ликующий, настал час смерти вашей! Впрочем, что вы будете делать, когда смерть отвернется от вас? Неожиданно свалившееся на голову бессмертие не даст вам ничего, кроме мыслей о мизерной пенсии и непутевых внуках! Вы, людишки, помрете и сгниете в гробах, я же, человек-животное оставлю за собой право распоряжаться жизнью. Люди и звери бут трепетать предо мной в страхе во веки вечные! Так получайте же!

После этих слов разверзся люк в полу дирижабля. Беспечный мужчина, катающий по площади свою малолетнюю дочь на повозке, показывал девочке чудеса небес. Сама лошадка, что везла повозку, взирала в просвет меж облаками с восхищением. Она вспоминала своих героических предков, принимавших участие в исторических битвах, где-то несчастная лошадь, осознавая нынешний незавидный свой статус, завидовала рассекающему путями небес ослу Вячеславу.

Толпа паниковала. На затылки горожан, после трудного дня присоединившихся к народным гуляниям, сыпались трехлитровые стеклянные бутылки с напитком "Fanta". Они бились об головы особенно

невезучих, частенько лишая тех сознания, брызги летели во все стороны, окатывая окружающих липкой оранжевой жидкостью. Обыватели разбегались во все стороны, сбивая друг друга с ног и давя попавшихся невзначай под паникерское рассыпление детей.

Человек-животное, почесывая хохолок на голове и выделывая хвостом затейливые фигуры, хохотал. Это было веселейшее зрелище в его жизни.

– Ни в одном уголке преисподней, ни на одной забытой Богом планете не созерцал я столь жалкой картины! – С презрением восклицал он. – Бойтесь же, убогие! Системный Кот, даровавший вам уют взамен ваших душ, кусает свои кошачьи локти! Не буду призывать вас одуматься, это бессмысленно, разбегайтесь же, глупцы, облитые этой липкой кислотной жидкостью, несколько напоминающей ядовитую слюну системной твари, принявшей облик кошачий.

Мертвецы в серых кольчугах несли кто строительные материалы, кто топоры. Вторые били своим оружием по головам бродячих артистов, обращая тех в прах или камень, первые мастерили новую сцену на площади. Их бесстрастные лица внушали публике ужас, лишь девочка в повозке, выглядывая из-за вставшей на дыбы лошади, не скрывала своего любопытства. Эту малышку будут ругать в школе на уроках изобразительного искусства за ее нетипичные и недетские пейзажи. Она подобно моей музе будет рисовать безумные изображения невразумительной действительности, а когда не будет получаться, залазить под низенький столик и съедать неудавшиеся этюды. Но продлиться это недолго, хотя, обо всем по порядку.

***

Рафаэль Борисович, успешный умелец зарабатывать легкие деньги, ел чебурек. Он вообще любил чебуреки, за исключением тех, что продаются на Холодной Горе. В последних почти не было мяса. "Им что,

собачек жалко?" - любил повторять Рафаэль, коли все-таки приходилось питаться в этом районе. Известно, что чебуреки делают из собак, а беляши – из кошек. Так как последние для нашего героя были животными священными и неприкосновенными, беляшей он не ел.

Рафаэль Борисович с ранней юности жаждал воплотить в жизнь русскую мечту: хорошо жить и не работать. И в какой-то мере ему это удалось. После пары лет скитаний и поисков он увидел на загородной трассе, по которой шел, глотая капли дождя и наслаждаясь запахом навоза, в лепешку раздавленную кошку.

При всей своей любви к этим животным, Рафаэль залюбовался. Решение созрело в сознании, вернувшись в город, он обзвонил всех своих знакомых музыкантов, узнал, кто в городе играет горграйнд, принялся за дело.

Решение было таково, он прихватывал какое-нибудь животное, исключая кошек, разумеется, прибивал его гвоздями к дороге и ждал. Движение практически на всех путях страны бурное, рано или поздно кто-нибудь переезжал несчастное существо. Тогда Рафаэль Борисович фотографировал останки, добавлял к получившемуся изображению несколько ярких деталей, и получалась прекрасная обложка для альбома очередного коллектива.

Удивительно хорошо получались у него эти обложки, живые, антиэстетичные. Конкуренции не было, сколько не пытались другие люди воспользоваться идеей, у них выходило лишь жалкое подобие гениальных фоторабот Рафаэля.

Доев чебурек, Рафаэль Борисович извлек из кармана огромный носовой платок и тщательно вытер им бороду. Затем он подхватил сумку, в которой находился гусь и сказал будущей жертве:

– Не находите, сударь, что служение искусству – значительно лучший финальный аккорд в жизни, нежели попадание в суп?

– Га-га, – меланхолично ответила птица, и вяло попыталась ущипнуть своего будущего палача за палец.

– Но-но, дружок, не шали, – погрозил гусю пальцем Рафаэль. И

вдруг что-то щелкнуло у него в голове.

Фотохудожник уронил сумку и быстрым шагом пошел к метро. Иррациональное нечто заставило его позабыть о своих делах и поехать на площадь Свободы. Глаза Рафаэля засверкали, и дело здесь было вовсе не в солнечных лучах, отражавшихся от линз очков.

***

Где-то на городской окраине в забытом Богом месте среди свалок и заброшенных домишек было два здания, все еще используемых людьми. Фактически в полной мере обитаемым был лишь один дом - там жил полусвихнувшийся старый пенсионер Никодим, некогда зубной врач, единственный, не считая крыс и воронья, местный житель. У него в подвале были колоссальные запасы веселящего газа, постоянно пополняемые из неведомых мне источников. Старик частенько нанюхивался его и несколько часов хохотал как безумный. Изредка, когда у Никодима заканчивались деньги, он погружал один-два баллона на тачку и вез продавать в город.

Второе упомянутое мною здание не было жилым, оно использовалось как кузнечная мастерская. Располагалось оно неподалеку от жилища бывшего стоматолога. Каждое утро к мастерской подъезжал автобус с нарисованным сбоку средневековым гербом какого-то знатного рода. На нем приезжали работники мастерской – кузнецы. Они садились на бревна, пили чай из прихваченных с собой термосов и курили, пока минут через десять-пятнадцать не прибывали грузовики с сырьем. После выгрузки кузнецы, допив чай, шли в мастерскую и до вечера ковали там мечи, изредка прерываясь чтобы перекусить и покурить. В течение дня другие грузовики забирали готовый материал и увозили его за город к одному огромному поросшему бурьяном полю.

Там мечи выгружались, и другие рабочие в намеченных точках вбивали их в землю. Над полем кружил вертолет.

В вертолете сидели кроме пилота двое, Джо, американский художник русского происхождения и его друг инженер Боб, прибывший недавно из США. Джо недавно получил колоссальное наследство оставленное ему почившим с миром дальним родственником. Теперь он творил, что хотел. Первым шагом было возвращение на историческую родину, в Харьков, промышленный и культурный центр некогда Российской империи, а ныне Украины.

Здесь Джо взялся за осуществление своей давней мечты. Ему очень нравились передачи об обнаруживаемых на полях загадочных кругах. Их появление часто приписывалось инопланетянам, но не это интересовало художника. Он восхищался масштабами рисунков и мечтал когда-нибудь создать собственную картину, по размеру сравнимую с ними.

Теперь грезы его воплощались в реальность, он выкупил поле, нанял рабочих. Пролетев над местностью на вертолете, он сделал несколько фотоснимков, сделал нехитрые расчеты, прикинул масштабы и сделал набросок. Затем в течение нескольких дней бродил он по полю и отмечал места для вбивания мечей.

– Гляди, Боб, – гордо говорил сияющий Джо, – на этом вот самом поле делается новое искусство. Здесь будет изображен средневековый рыцарь. Я специально выбрал мечи как популярное в те времена оружие для создания этого произведения.

– Да, чувак, я никогда не видел ничего подобного, – отвечал восхищенный Боб на ломанном русском. Он тоже был из семьи эмигрантов, но язык предков знал не так хорошо.

Но недолго американцы в это утро любовались трудом рабочих. Те вдруг разом побросали инструменты и принялись запрыгивать в кузова свежеразгруженных грузовиков. Когда посадка была окончена, машины помчались к городу.

– За ними! – Вскричал ошеломленный художник. – Что бы это ни значило, я не хочу ничего пропустить.

Разумеется, прерывание создания картины не могло не огорчить Джо, но куда сильнее в нем преобладали другие эмоции: было до ужаса интересно узнать причину столь внезапного бегства.

Неудивительно, что когда по его приказу летевший за грузовиками вертолет снизился, и была к одному из кузовов спущена веревочная лестница, Джо полез вниз. Нисколько не задумываясь о возможной опасности упасть или быть плохо принятым рабочими.

– Лестницу поднимать, или Вы тоже полезете? – Спросил пилот Боба.

– God damned! – Только и смог ответить инженер.

***

Когда я прихожу на площадь, я вижу многие тысячи людей, собравшихся вокруг сцены, находящейся на том самом месте, на котором произошла казнь Джима Слэйда. Площадь расширилась, похоже, в этот день ее вместимость неограниченна. Толпа расступается предо мной, давая проход к первым рядам, я подхожу к пустой сцене. Впрочем, пустует она недолго.

Сцена удлиняется, уходя куда-то вглубь, на ней появляется огненный коридор, вокруг него все в пределах обозримости окутано туманом. По бокам в коридоре я вижу бюсты великих правителей прошлого, со времен античности до наших дней. Вдали появляется темная человеческая фигурка, она приближается. За ее спиной коридор исчезает, и пространство заполняется туманом. Фигурка приближается, я вижу, что это Люций.

В конце концов, коридор полностью исчезает и видно лишь окутанную туманом сцену. Люций хлопает в ладоши, и непонятно откуда на сцене появляются несколько людей в промасленных робах. Еще один хлопок - в центре возникает огромный крест. Рабочие подходят к нему и вбивают в перекладины гвозди. Когда они заканчивают свое дело, на кресте появляется некая светящаяся субстанция, она постепенно принимает очертания человеческой фигуры. Это призрак Слэйда, постепенно он затвердевает. Джим вновь обретает плоть. Рабочие вновь подходят к кресту и плоскогубцами вынимают гвозди из рук и ног распятого. Слэйд

спрыгивает с креста и раскланивается, рабочие исчезают.

Джим Слэйд дует на конечности, и раны затягиваются. Справившись, он обращается к публике:

– Спасибо, что почтили вниманием, дамы и господа! Впрочем, особого выбора у вас и не было. Итак, объявляю начало нового шоу! Оно сегодня не будет таким уж красочным и кровавым, но небезынтересным, уж поверьте. Номер первый нашей программы – воскрешение Джима Слэйда прошел успешно. Продолжай, Люций!

– Системного Кота на сцену! – Весело кричит в микрофон Люций. Появляется Системный Кот. Он невыносимо мерзок, но совсем не страшен, скорее жалок.

– Ну, котяра, поиграем в кошки-мышки? – Люций принимается наступать на кота. Слипшаяся шерсть у того встает дыбом, животное с шипением пятится, пока не попадает хвостом в непонятно откуда взявшуюся на пути огромную мышеловку. Вопль ужаса вырывается из глотки твари, и она начинает таять. Так длиться около минуты, пока Системный Кот не превращается в лужицу слизи. – Что ж, уважаемая аудитория, не будем затягивать представление. – С торжествующей улыбкой говорит Джимми. – Объявляю начало новой эры. Аплодисменты!